

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ КАК ФОРМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЕВРАЗИИ

Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции

Бийск, 21-23 июня 2018 г.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
имени В.М. Шукшина»

**ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И
СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ КАК ФОРМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ ЕВРАЗИИ**

Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции
(Бийск, 21-23 июня 2018 года)

Электронное издание

Бийск 2018

© АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2018
© авторы, 2018
ISBN 978-5-85127-929-4

УДК 908(470+571)
ББК 63.3(2P5)
И 90

*Издается по решению редакционно-издательского совета
Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета
имени В.М. Шукшина*

Ответственный редактор:
канд. ист. наук А.В. Литягина
Редакционная коллегия:
канд. ист. наук Е.В. Почеревин,
канд. ист. наук Л.А. Явнова,
канд. ист. наук Д.С. Орлов,
д-р философ. наук И.В. Никитина,
канд. филол. наук В.Г. Федорова

И 90 История повседневности населения Западной Сибири и сопредельных регионов как форма цивилизационной идентичности Евразии [Электронный ресурс]: материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (г. Бийск, 21-23 июня 2018 г.) / Отв. ред. А.В. Литягина. – Бийск: АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – ISBN 978-5-85127-929-4.

В сборнике публикуются материалы Всероссийской с международным участием научной конференции, проходившей в г. Бийске 21-23 июня 2018 г. в Алтайском государственном гуманитарно-педагогическом университете имени В.М. Шукшина. В сборник вошли статьи, посвященные проблемам истории повседневности населения Западной Сибири и сопредельных регионов.

Текстовое электронное издание

Минимальные системные требования: Процессор 1000 MHz, свободное место на HDD не менее 100 Мб, 256 Мб RAM, ОС: Windows XP/7/8/10, SVGA с разрешением 1024x768; CD-ROM, мышь, предустановленное ПО Adobe Reader.

© АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2018
© авторы, 2018

Об издателе

Электронное издание подготовлено с помощью Microsoft Office Word.

Технический редактор электронного издания: Толоконников В. М.

Дата подписания к использованию 15.10.2018

Объем издания 710 Кб

1 CD-R

Издатель:

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет имени В.М. Шукшина

659333, Алтайский край, г. Бийск, ул. Владимира Короленко, д. 53

Тел.: +7(3854)41-64-67

E-mail: rektor@bigpi.biysk.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ В ДОСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Дегальцева Е.А., Разгоняева Е.В.

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ.....	11
---	----

Шиловский М.В.

СИБИРСКИЕ ОБЛАСТНИКИ О РОЛИ ОБЩИНЫ В ОРГАНИЗАЦИИ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ КРЕСТЬЯН В 1870-1890-Х ГГ.	15
--	----

Почеревин Е.В.

ЗЕМСКИЕ ПОВИННОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НАЧАЛА XX В.	21
---	----

Леонтьев Е.В.

ОТ ЗАИМКИ К ДЕРЕВНЕ: ОБ УСЛОВИЯХ АГРАРНОГО РАССЕЛЕНИЯ НА ЮГЕ ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	25
---	----

Чуркин М.К.

«ДОРОЖНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ» ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРЬ: СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ АДАПТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.).....	30
---	----

Мукаева Л.Н.

ПОВСЕДНЕВНЫЕ БУДНИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ И ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ В ГОРНОМ АЛТАЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ).....	34
--	----

Бимолданова А.А.

ВОСПРИЯТИЕ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ КАЗАХСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ СТЕПНОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ АДМИНИСТРАТИВНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА).....	39
---	----

Литягина А.В.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩИХ ЧЕРТ БЫТА У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ СОСЛОВИЙ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.	43
--	----

Литягина А.В., Аброськин С.В.

ГАЗЕТА «АЛТАЙ» О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ БИЙСКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	48
---	----

СОВЕТСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Эшматова Г.Б.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В 20-30-Е ГГ. XX В.	53
--	----

Ярков А.П.

О МЕСТЕ РЕЛИГИИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МУСУЛЬМАН СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1920-1930-Е ГОДЫ.....	57
---	----

Шастина Т.П.	
«БЫТ, КОТОРЫЙ НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ...» В ОЧЕРКАХ ОБ ОЙРОТИИ	61
Кабакова Н.В.	
МИР ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПРЕДВОЕННОЙ ЭПОХИ В ВОСПОМИНАНИЯХ ОМСКИХ РАБОЧИХ	64
Почеревин Е.В., Флейшман Д.П.	
ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В 1932-1941 ГГ. НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ С. ЗОНАЛЬНОЕ	68
Демчик Е.В., Боровец Н.К.	
ДОСУГ СОВЕТСКОЙ СЕМЬИ В 20–30-Е ГОДЫ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ АЛТАЯ)	71
Носова М. С.	
ШКОЛЬНЫЙ ВОПРОС В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ОМСКАЯ ПРАВДА».)	74
Козлова А.А.	
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОЖАН В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ОМСКА).....	77
Пономарев А.Ю.	
НАЧАЛО ОСВОЕНИЯ ЦЕЛИНЫ НА АЛТАЕ В 1950-Х ГГ.: РАЗЛИЧИЕ ШАБЛОНОВ ПРОПАГАНДЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ ЦЕЛИННИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ АЛТАЙСКАЯ ПРАВДА)	81
Орлов Д.С.	
КУЛЬТУРНОЕ И СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ОБУСТРОЙСТВО СЕЛА АЛТАЙСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960- ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГГ.....	85
Соболев А.В.	
ИСТОРИЯ НОВОСИБИРСКОГО ТРАМВАЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	88
Ланкина Е.Е.	
ЗАРУБЕЖНОЕ И ОТЕЧЕСТВЕННОЕ МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО В 20е ГОДЫ XX ВЕКА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ	90
Урожаева Т.П.	
МУЗЕИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-х гг.: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ	94

ЭТНОЛОГИЯ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ФИЛОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ

Тадина Н.А.	
ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ В РОДОВОМ ОБЩЕСТВЕ АЛТАЙЦЕВ.....	98
Виницкая Н.В., Гвоздева А.Ю.	
РОЛЬ МИФОВ И ЛЕГЕНД В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НАРОДОВ АЛТАЯ.....	101
Торушев Э.Г.	
СВЯЩЕННЫЕ МЕСТА – ДУХОВНАЯ ОСНОВА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АЛТАЙЦЕВ	103
Чайчина Е.В.	
ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	107

Енчинов Э.В.	
ТРАДИЦИИ ПИТАНИЯ И «НОВАЯ» ПИЩА В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.	110
Муйтуева И.Н.	
ОБРАЗ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ АЛТАЙЦЕВ.....	113
Хомякова И.А.	
РЕМЕСЛА ПРЕДКОВ.....	117
Федорова В.Г.	
ПРОБЛЕМА РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В РОМАНАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИГРОК» И «ПОДРОСТОК»	122
Бабичева Ю.Г.	
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МИФОЛОГЕМЫ ОГНЯ В РАССКАЗАХ В.М. ШУКШИНА.....	125
Жукова Т.В.	
СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ	128
Чумакаев А.Э.	
О РЕЗУЛЬТАТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «МОНИТОРИНГ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ»	131

КУЛЬТУРА И ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Никитина И.В.	
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА	134
Хвастунова Ю.В.	
САКРАЛЬНОЕ И ПРОФАННОЕ В КУЛЬТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНЧЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ).....	138
Литягин Е.В.	
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	141
Виницкая Н.В.	
ПРАКТИКА ОТРАЖЕНИЯ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ АЛТАЯ XX В.	145
Виницкая Н.В., Корсакова Н.Д.	
СКУЛЬПТУРНЫЙ ОБЛИК ГОРОДА БИЙСКА	149

CONTENTS

HISTORY OF THE DAILY LIFE OF WESTERN SIBERIA AND ADJACENT REGIONS IN PRE-SOVIET TIMES

Degaltseva E.A., Razgonyaeva E.V.

THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE IN PRE-REVOLUTIONARY SIBERIA:
METHODOLOGICAL APPROACHES..... 11

Shilovskiy M.V.

SIBERIAN REGIONALISTS ON THE COMMUNE'S ROLE IN ORGANIZATION
OF THE PEASANTS' LAND TENURE IN THE 1870S-1890S 15

Pocherevin E. V.

LOCAL DUTIES AS AN ELEMENT THE DAILY LIFE OF THE PEASANTS
OF WESTERN SIBERIA IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY 21

Leontiev E. V.

FROM THE SQUATTING TO THE VILLAGE: A STUDY ON THE CONDITIONS
OF THE AGRICULTURAL SETTLEMENT IN THE SOUTH OF THE YENISEI REGION
IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY 25

Churkin M.K.

«ROAD DAILY OCCURRENCE» OF IMMIGRANTS TO SIBERIA: STRATEGY AND
PRACTICIANS OF ADAPTIVE BEHAVIOUR
(THE SECOND HALF OF XIX – THE XX-TH CENTURY BEGINNING)..... 30

Mukaeva L.N.

THE DAILY ROUTINE OF SCIENTIFIC AND GEOLOGICAL EXPEDITIONS
IN THE MOUNTAIN ALTAI IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES
(TO THE PROBLEM STATEMENT) 34

Bimoldanova A.A.

THE PERCEPTION OF LOCAL AUTHORITIES OF THE KAZAKH POPULATION
OF THE STEPPE REGION IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES.
(ON MATERIALS OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS)..... 39

Lityagina A.V.

FORMATION OF COMMON FEATURES OF LIFE OF REPRESENTATIVES
OF VARIOUS ESTATES IN THE CITIES OF WESTERN SIBERIA
IN THE SECOND HALF OF XIX - THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES 43

Lityagina A.V., Abroskin S.V.

“ALTAI” NEWSPAPER ABOUT EVERYDAY LIFE OF BIYSK IN THE YEARS
OF WORLD WAR I 48

SOVIET AND MODERN EVERYDAY LIFE

Eshmatova G.B.

CULTURAL INSTITUTIONS OF THE ALTAI MOUNTAINS IN THE 20-30-IES.
IN THE TWENTIETH CENTURY 53

Yarkov A.P.

ABOUT THE PLACE OF RELIGION IN EVERYDAY LIFE OF MUSLIMS IN SIBERIA
AND THE FAR EAST IN THE 1920-1930TH YEARS 57

Shastina T.P.	
“LIFESTYLE THAT SHOULD NOT BE...” IN STORIES ABOUT OIROTIA.....	61
Kabakova N.V.	
THE WORLD OF THE DAILY OF THE PRELIMINARY EPOCH IN THE MEMORIES OF OMSK WORKERS.....	64
Pocherevin E.V., Fleishman D.P.	
FORMATION OF THE SOVIET DAILY IN 1932-1941 ON THE EXAMPLE OF HISTORY ZONALNOE	68
Demchik E.V., Borovets N.K.	
RECREATION OF THE SOVIET FAMILY IN THE 20-30S OF THE XX CENTURY (BASING ON THE MATERIALS OF ALTAI)	71
Nosova M.S.	
THE SCHOOL QUESTION IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON MATERIALS OF THE NEWSPAPER «OMSK TRUTH»).....	74
Kozlova A.A.	
THE DAILY LIVES OF CITIZENS IN RECENT YEARS GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE EXAMPLE OF OMSK)	77
Ponomarev A.Y.	
THE BEGINNING OF THE VIRGIN LANDS IN THE ALTAI REGION IN THE 1950-S.: THE DIFFERENCE IN THE PATTERNS OF PROPAGANDA AND REALITY IN THE TESTIMONY OF LANDERS	81
Orlov D.S.	
CULTURAL AND SOCIAL WELFARE OF THE VILLAGE ALTAI TERRITORY IN THE SECOND HALF OF THE 1960- FIRST HALF OF THE 1980S.....	85
Sobolev A.V.	
THE HISTORY OF THE NOVOSIBIRSK TRAM IN THE SOVIET PERIOD	88
Lankina E.E.	
FOREIGN AND RUSSIAN MUSEUM BUSINESS IN THE 1920S OF THE XX CENTURY: DEVELOPMENT TRENDS	90
Urozhaeva T.P.	
THE MUSEUMS OF THE IRKUTSK REGION IN THE SECOND HALF OF THE 1990S: ACHIEVEMENTS AND PROBLEMS OF DEVELOPMENT.....	94

ETHNOLOGY, FOLKLORE STUDIES AND PHILOLOGY OF THE PEOPLES OF WESTERN SIBERIA AND ADJACENT REGIONS

Tadina N.A.	
DAILY PRACTICES IN THE TRIBAL SOCIETY OF THE ALTAIANS	98
Vinitskaya N.V., Gvozdeva A.Y.	
THE ROLE OF MYTHS AND LEGENDS IN THE DAILY LIFE OF THE ALTAI PEOPLE ...	101
Toruses E.G.	
THE HOLY PLACE IS THE SPIRITUAL FOUNDATION OF THE ETHNIC IDENTITY OF THE ALTAIANS	103
Chaychina E.V.	
BORROWED WORDS IN THE ALTAI LANGUAGE	107

<i>Enchinov E.V.</i>	
EATING HABITS AND NEW FOOD IN THE ALTAI REPUBLIC AT THE END OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURY	110
<i>Muytueva I.</i>	
THE IMAGE OF PETS IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE ALTAIANS.....	113
<i>Homyakova I.A.</i>	
ANCESTRAL CRAFTS	117
<i>Fedorova V.G.</i>	
THE PROBLEM OF RUSSIAN NATIONAL CHARACTER IN F.M. DOSTOYEVSKY'S NOVELS «IGROK» AND «PODROSTOK»	122
<i>Babicheva Y.G.</i>	
FUNCTIONAL AND AESTHETIC VALUE OF THE MYTHOLOGY OF FIRE IN V.M. SHUKSHIN'S STORIES.....	125
<i>Zhukova T.V.</i>	
SEMANTIC VARIATION LEXEME	128
<i>Chumakaev A.E.</i>	
ABOUT THE RESULTS OF THE WORK OF A PROJECT «MONITORING OF THE LANGUAGE SITUATION IN THE ALTAI REPUBLIC».....	131

CULTURE AND EVERYDAY CONSCIOUSNESS

<i>Nikitina I.V.</i>	
PHILOSOPHICAL-METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE RESEARCH OF DAILY AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON	134
<i>Hvastunova Y.V.</i>	
SACRED AND PROFANE IN THE CULTURE OF EVERYDAY LIFE (FOR EXAMPLE, THE CULTURE OF THE STUDENTS IN THE ALTAI REPUBLIC)	138
<i>Lityagin E.V.</i>	
IDEOLOGICAL ISSUES OF IDENTITY OF CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY	141
<i>Vinitskaya N.V.</i>	
The PRACTICE of REFLECTION MYTHOLOGICAL IMAGES IN the FINE ARTS OF THE ALTAI IN THE XX CENTURY	145
<i>Vinitskaya N.V., Korsakova N.D.</i>	
SCULPTURE IMAGE OF THE BIYSK.....	149

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ В ДОСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

УДК 94 (470) «18/19»

Е.А. Дегальцева, Е.В. Разгоняева

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

В статье анализируются методологические подходы в рамках истории повседневности, рассматривается роль и место исследований истории повседневности в русле современной исторической науки, дается обзор разных подходов к истории повседневности. Рассмотрены причины поворота историков к исследованию обыденности и повседневности, основной предмет истории повседневности, историко-психологические феномены. Анализируется тематика современных исследований сибирских историков в русле истории повседневности, намечаются методологические перспективы.

Ключевые слова: история повседневности, историческая психология, Сибирь, идентичность, устная история, микроистория, обыденность, объективность, культурно-антропологический подход.

E.A. Degaltseva, E.V. Razgonyaeva

THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE IN PRE-REVOLUTIONARY SIBERIA: METHODOLOGICAL APPROACHES

This article analyzes the methodological approaches within the history of everyday life, examines the role and place of research history of daily life in the mainstream of modern historical science, gives an overview of different approaches to the history of everyday life. The causes of historians to research rotation routine and everyday life, the main subject of the history of everyday life, considered a historical and psychological phenomena. Examines the subject of current research in line with the history of the historians of Siberia, outlines the methodological perspective.

Keywords: history of everyday life, historical psychology, Siberia, identity, oral history, microhistory, ordinariness, objectivity, cultural-anthropological approach.

Название конференции «История повседневности населения Западной Сибири и сопредельных регионов как форма цивилизационной идентичности Евразии» вызывает ряд сомнений. История повседневности отражает самые разные формы идентичности, но сама ею не является. Общая для людей история может стать фактором идентичности, но не её формой. Формами являются способы выражения идентичности. Ими могут стать этничность, религия, гендер, пол, отождествление себя с определенной культурой или общностью, или даже цивилизация, но не история повседневности, которая является своего рода мифологемой, такой же, как «русский мир». Сегодня большинство исследований, развертываемых в этом направлении, не показывает эту самую повседневность.

История повседневности, или микроистория, или устная история, изначально призванные изучать конкретные судьбы, т.е. историю частной жизни, открыли огромный пласт биографических исследований разного уровня и в разных странах. Воссоздание биографий и

судеб отдельных людей помогает оценить их вклад в историю, их человеческий выбор, меру человеческой ответственности, те ценности, которыми они обладали.

История повседневности активизировалась в европейской историографии уже с 1970-х гг., хотя можно найти в русле этого направления и более ранние исследования. Тогда, такие немецкие историки, как А. Людке, Х. Медик и др. бросили вызов социальной и политической истории, которая не смогла объяснить многие факты и явления. Многие в этом направлении сделали и французы, во главе с Фернаном Броделем.

Центральное место в их исследованиях, по выражению самого А. Людке, заняла жизнь и её проживание/выживание тех, кто оставался в значительной степени анонимным в истории. Однако это не стало простым описанием повседневных подробностей обыденной жизни маленького человека, а показывало взаимодействие между индивидуальным опытом и общей трансформацией в самых разных вопросах – начиная от элементов питания до рабочей истории или взаимодействия власти и подданных.

Эти первопроходцы давали объяснение доминированию в частном опыте как социальной практике, исследовали различные взаимодействия. Они исследовали, как это доминирование устанавливается, воспроизводится и затем подрывается. До сих пор вообще ключевые споры идут о том, что является главным предметом истории повседневности – повторяемость человеческого опыта или его уникальность.

Если признается, что предметом изучения истории повседневности «является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах» (Н. Пушкарева) [13], то оказывается, что мир человека, преломляемый в этих разных векторах – политическом, социальном, экономическом неизбежно и выводит нас на политическую, экономическую, социальную историю. Таким образом, истории повседневности, как таковой, нет, - она растворилась в традиционных исторических отраслях.

Историки повседневности зачастую привлекают традиционные методы философии, социологии и психологии. В России исследования активизировались уже с конца 1980-х гг. Тогда антропологами Института всеобщей истории РАН был образован семинар, а затем стал выходить альманах «Одиссей. Человек в истории», который выпускался до 2008 г. Там публиковались работы, посвященные истории конкретных людей: средневековых рыцарей, конкретных солдат (немецких, русских) времен второй Мировой войны, конкретных крестьян, священников. Их имена, прозвучавшие в историографии, перестали быть анонимными [3; 10].

Однако уже тогда историки задавали себе вопрос: «Существует ли проблема значимости "истории повседневности"?» [9, с.35]. Они утверждают, что история повседневности - всего лишь «мозаика миниатюр», лишенная теоретической глубины и предназначенная для «легкого чтения». Изначально микроистория, история повседневности реально приближала историка к людям прошлых времен и позволяла понять механизмы их реального воздействия на ход исторического процесса. Тем самым она действительно обнаруживала возможность выходов в большую историю, в макроисторию. Сейчас во многих отечественных исследованиях под маркой истории повседневности используются и источники личного происхождения, но почти нет конкретных живых людей [6].

Интересно мнение по этому поводу историка К. Гинзбурга. Он вспоминает, что интерес к истории пришел к нему через чтение «Войны и мира» Л. Толстого. Будущего историка сразила мысль Толстого о том, что исторический феномен может быть воссоздан только через реконструкцию действий всех его участников [2, с.191]. И только в истории повседневности человек в истории стал видимым, просматриваемым, он не растворялся на фоне грандиозных битв, процессов, исторических перемен.

Этот историографический поворот произошел в русле постмодернистских подходов. Мир под влиянием этой методологии воспринимается авторами как текст и изображается дискретным, фрагментарным, порой даже хаосом [1]. На смену истории героев пришла

история маленького человека. Историю повседневности они использовали как прием микроистории, способ событийной реконструкции в макроаспектах.

В конце 2000-х – начале 2010-х гг. появилась масса диссертационных исследований, посвященная повседневной жизни отдельных провинциальных городов XIX - начала XX в.: Томской губернии (Н.В. Бутакова), Пскова (М.В. Николас), Саратова [4], уральских (Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В.), иркутских (Н. Гаврилова) городов. Красноярск, Енисейск, Ачинск, Минусинск, Туруханск охватила Т.А. Кискидосова.

Сибирские историки полюбили историю повседневности одновременно со своими столичными коллегами и даже раньше. Пионерами можно назвать М.М. Громыко и Н.А. Миненко [5; 11; 12]. Почему-то современные исследователи указывают, что исследования по истории повседневности в России появились недавно. Однако они ведутся в России уже более тридцати лет, и к тому же давно сложилась богатая культурологическая, этнографическая и антропологическая предыстория, а также ранние исследования 1970-80-х гг. быта разных социальных групп, масса работ по экономической истории о заработной плате и материальном благосостоянии, потреблении, уровне жизни (Алексеев В.В., Букин С.С., Исаев В.И.)

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. в Сибири появились исследования по изучению локальностей и конкретных социальных проблем. Среди исследователей можно назвать такие имена, как М.В. Шиловский, Н.П. Матханова, В.Г. Кокоулин, Ю.М. Гончаров, В.А. Скубневский, А.В. Литягина, В.А. Исаев, С.С. Букин, А.И. Кожухарь, Б.С. Шостакович и др. Если ранее, к примеру, Шостакович изучал различные аспекты ссылки, то теперь – историю повседневности ссылки. И в каждом исследовании мы видим, что у каждого историка своя повседневность.

Сейчас больше внимания уделяется советской повседневности. Сибирский историк А.Г. Борин написал диссертацию про повседневность Сталинска (теперь Новокузнецк) в 1929-1941 гг., Елизов А.Г. отразил в своей диссертации повседневную жизнь городского населения Красноярского края в послевоенные десятилетия, С.А. Рафикова защитила докторскую диссертацию о повседневной жизни сибирских горожан в 1960-е гг.

В 2014 г. вышла коллективная монография ишимских историков «История повседневности Западной Сибири конца XIX – начала XX вв.» В ней рассмотрена история социально-экономического развития, межэтнических отношений, положение крестьянства, предпринимательства, преступность, настроения разных групп населения в революционный период. История повседневности предстает перед авторами как новая возможность отображения исторического прошлого «на базе новейших достижений западной историографии» [7, с.5].

В диссертационных исследованиях последних лет в историю повседневности включаются демографические процессы, медицинское обслуживание, благоустройство городов, занятия, уровень доходов, восприятие тех или иных событий, досуг, одежда и праздники, уровень преступности, благотворительность (В.В. Сулимов, О.Е. Сафонова, Э.Е. Шумилова). Часто рассматриваются историко-психологические феномены, те, при изучении которых смыкаются историческая психология и история повседневности.

История повседневности более других отражает междисциплинарность исследований в области исторической науки. Этому соответствуют и сами проблемы, поднимаемые в рамках истории повседневности, а также методология исследований: несоизмеримость теорий, описывающих, например, демографические процессы и проблемы восприятия людьми каких-либо явлений. В современных исследованиях должна появиться «метатеоретическая стратегия».

В целом политеоретическое описание, конфликт интерпретаций, типы рациональности, невозможность радикального перевода отражают когнитивную специфику и когнитивный конфликт междисциплинарных исследований [8, с. 62]. На наш взгляд, междисциплинарность часто отражает кризис методологии, а не её прорыв.

Массив наличных результатов в области истории повседневности позволяет сделать вывод, что это – многогранная область, она содержит большой потенциал и является

исследовательской программой, концепцией, как и ранее формационный подход, распространяющийся на самые разные процессы, иногда необоснованно.

История повседневности, как и традиционная, ставит в центр изучения природу общественных отношений, хотя и преломляемую нередко через индивида. В ней неизбежно встает проблема объективности исторического знания. Итак, по мнению большей части философов, историческая наука устроена таким образом, что не способна приблизиться к объективности [14, с. 34]. Поэтому многие авторы, с той или иной степенью эксплицитности, вообще призывают к отказу от решения этой якобы заведомо нереальной задачи. История повседневности стала поводом укрыться от этих нападков. Сам принцип объективности принят теперь полагать легитимным только по отношению к естествознанию.

Сами историки считают, что памятники прошлого, по которым мы и конструируем эту самую роль человека в истории, заряжены мифологическим содержанием, т.е. представляют собой материализованный продукт человеческой психики. Человек прошлого воспринимал мир в особом мифологическом ракурсе: он создавал свой образ действительности, активно привнося в описание исторических событий собственную систему оценок, осознанно руководствовался только ему присущими нормами или коллективными представлениями, мировоззренческими установками конкретной эпохи.

В основном большинство исследований по истории повседневности строятся в рамках *культурно-антропологического подхода* к изучению истории. Крушение рациональности, вызвавшее интерес к истории повседневности, видимо закончится её возвращением. В любом историческом исследовании «маленький человек» не должен потеряться.

Список литературы

1. Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. – 382 с.
2. Гинзбург К. «Ты нужен своей стране» // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 2005. – С.191-198.
3. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.1. Феномен средневекового урбанизма – М.: Наука, 1999; Т.2. Жизнь города и деятельность горожан – М.: Наука, 1999; Т.3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей – М.: Наука, 2000; Т.4. Extra muros. Город, общество, государство – М.: Наука, 2000.
4. Городская повседневность в России и на Западе: Межвуз. сб. научн. тр. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006 – 216 с.
5. Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986 – 280 с.
6. История повседневности: научный журнал. СПб, 2018. № 1 (6).
7. История повседневности Западной Сибири: конец XIX – начало XXI вв.: коллективная монография / отв. ред. И.В. Курышев. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2014 – 338 с.
8. Касавин И.Т. Междисциплинарные исследования: к понятию и типологии // Вопросы философии. – 2010. – № 4. – С. 61-73.
9. Козлова Н.Н. Повседневность и социальное изменение: автореферат дис. ... доктора философских наук – М., 1992 – 37 с.
10. Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: СПбГУКИ, 2002 – 320 с.
11. Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой пол. XIX в.). Новосибирск: Наука, 1979 – 350 с.
12. Миненко Н.А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой пол. XIX в. Новосибирск: Наука, 1989 – 160 с.
13. Пушкарева Н. «История повседневности» как направление исторических исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (дата обращения 20.06.2018).

14. Старжинский В.П., Табачков А.С. История и теория: на пути преодоления непредсказуемости прошлого // Вопросы философии. – 2010. – № 1. – С. 33-42.

Информация об авторах

Дегальцева Е.А. – д.и.н., зав.кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Бийский технологический институт АлтГТУ им. И.И. Ползунова, г. Бийск, Россия, e-mail: katerina3310@yandex.ru

Разгоняева Е.В. – к.псих.н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Бийский технологический институт АлтГТУ им. И.И. Ползунова, г. Бийск, Россия

Information about author

Degaltseva E.A. – Doctor of History, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Biysk Technological Institute (branch) of the Altay State Technical University, Biysk, Russia, e-mail: katerina3310@yandex.ru

Razgonyaeva E.V. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Biysk Technological Institute (branch) of the Altay State Technical University, Biysk, Russia

УДК 947 081/086

М.В. Шиловский

СИБИРСКИЕ ОБЛАСТНИКИ О РОЛИ ОБЩИНЫ В ОРГАНИЗАЦИИ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ КРЕСТЬЯН В 1870-1890-Х ГГ.

Анализируются публикации и письма сибирских областников (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, М. В. Загоскин, В. И. Вагин, А. П. Щапов) и ссыльных народников (П. Каронин-Петропавловский, С. П. Швецов, М. В. Швецова) за 1870-1890-е гг. относительно роли общины в организации землепользования сибирских крестьян. Придерживаясь основополагающих либерально-народнических концептов, все они признавали наличие общины в деревне Азиатской России и ее разрушение под воздействием рыночных отношений. Тем не менее, будущее региона связывалось с общиной, артелью, кустарными промыслами. Сельские общества дробились по мере роста численности в связи, прежде всего, с массовыми переселениями. Общины регулировали крестьянское землевладение и определяли порядок разверстки подати. К концу XIX в. обсуждение проблемы возрождения общины постепенно сходит на нет.

Ключевые слова: сибирские областники, народничество, ссыльные народники, община, землевладение, землепользование.

M.V. Shilovskiy

SIBERIAN REGIONALISTS ON THE COMMUNE'S ROLE IN ORGANIZATION OF THE PEASANTS' LAND TENURE IN THE 1870S-1890S

The paper analyzes publications and letters of the Siberian regionalists (G.N.Potantin, N.M.Yadrintsev, M.V.Zagoskin, V.I.Vagin, A.P.Shchapov) and Populist exiles (P.Karonin-Petropavlovskiy, S.P. Shvetsov, M.V. Shvetsova) written in 1870s-1890s regarding the commune's

role in organization of the peasants' land tenure. Being adherents of basic liberal-populist concepts they all admitted the existence of communes in the villages of Asian Russia and its destruction under the influence of market relations. Nevertheless, they linked the region's future with the communes, guilds and handicraft industries. Rural communities split up as peasant population increased in the course of mass migration. Communes regulated peasant land tenure and determined tax assessments. By the end of the XIX century the debate on commune's revival had faded away.

Keywords: Siberian regionalists, Populism, populist exiles, commune, land ownership, land tenure.

Значительное место в теоретическом наследии сибирских областников занимал вопрос о вольнонародном характере заселения и колонизации Сибири. В первой половине 1860-х гг. они констатировали социальную дифференциацию в деревне, при сохранении общинных порядков. Оптимальную модель развития сибирской деревни предложил в 1865 г. Н. М. Ядринцев. По его мнению, особенностью, «чуть ли не единственно хорошей в русской жизни», в противовес буржуазным государствам, является «общинное поземельное владение». Однако в Европейской России оно было «искажено крепостным правом», но в Сибири «получило самое широкое применение». «Сибирское крестьянство исключительно основывается на общинном поземельном владении и до сих пор его держится крепко», – утверждал он. Этот принцип и в дальнейшем будет составлять экономическую основу существования русского народа [21, с. 130].

И в последующем сторонники анализируемого движения активно выступали в защиту общинных порядков. В письме видному статистику А. С. Гацискому в марте 1874 г. Г. Н. Потанин так определил главную проблему в этой области: «Задача сторонников народа в настоящее время – защита и сохранения общины, исследование ее нужд и стеснений, изыскание мер к удовлетворению ее нужд, развитие ее автономии, облегчение перехода общины к земледельческой ассоциации» [2, с. 97].

В 1865 г. большая часть областнического актива была арестована, в 1868 г. заочно осуждена и отправлена в ссылку в Вологодскую и Архангельскую губернии. В 1873 г. был помилован Н. М. Ядринцев, в 1874 г. Г. Н. Потанин. Пребывание в тюрьме, на каторге и ссылке они активно использовали, как и другие сторонники движения, для пополнения своих знаний об общинных порядках на севере Европейской России, знакомства с новейшими теориями социально-экономического развития. В настоящей публикации ставится задача выявить специфику их взглядов на сибирскую крестьянскую общину в 1870-1880-х гг. с позиций установления ее места в повседневной жизни крестьянства и организации землепользования.

Ссылку в города Никольск и Тотьму Вологодской губернии Г. Н. Потанин использовал для изучения общинных порядков и воздействия на них рыночных отношений. Прежде всего он констатирует господство общинного землевладения в Никольском уезде [10, с. 153]. Григорий Николаевич фиксировал опасения местных крестьян по поводу того, «что община, предоставленная себе самой, не обуздает внутри себя собственной властью, без помощи начальства, восставшие против общего благосостояния элементы» [11, с. 58]. В конечном счете Потанин признает факт интенсивного развития рыночных отношений применительно к Европейской России: «Может быть, в Средней России это дело уже непоправимо. Страна же, в которой должен осуществиться переход от общинного землевладения к общинному хозяйству, – это Сибирь» [9, с. 120].

Попытаемся понять отличие общинного хозяйства от общинного землевладения. Находясь под сильным воздействием построений П. Ж. Прудона, Григорий Николаевич, считая себя во время ссылки его последователем, рассматривал общину как исходную базу для построения светлого будущего в виде общинного хозяйства или ассоциации. «Вот, собственно, вопрос в чем: – писал он Н. М. Ядринцеву 1 августа 1872 г., – стоит ли остановиться на реорганизации патриархальной общины или махнуть рукой, предоставить ее дезорганизации, отдать ее в жертву капиталу и уповать, что у нас хватит силы на развалинах

устроить совершеннейшую общину? Что последнее возможно, т. е. устройство общины там, где и традиций о ней нет, я верю, иначе надо было бы иметь слишком пессимистические взгляды на будущее европейской цивилизации. Но не понимаю, почему мы должны непременно тот же путь с Европой? Почему старый кирпич не может пригодиться в новом здании? Евангелическая поговорка: «старые мехи» и пр. не имеет универсального значения. Я так думаю, что этот кирпич можно рекомендовать вставить в алюминиевый дворец» [8, с. 120].

Как видим, по вопросу о перспективах социально-экономической эволюции России мой герой последовательно выступал с народнических позиций. Но его беспокоил вопрос о применимости их к Сибири. Дело в том, что в процессе первоначального заселения Сибири, по мнению идеолога областничества, община «исчезла», поскольку «леса давали простор для индивидуальной жизни, жизнь зверолова не есть социальная», но к середине XIX в. община здесь начинает возрождаться [8, с. 96, 97, 110, 119]. «Там [в Сибири – М. Ш.] только начинается жизнь общинная и общественная, - писал он в 1872 г., - община даже не дошла до переделов, существует чаще всего в абстракте. Еще огромный период времени впереди, пока она дойдет до крайней степени частоты переделов. Это время страна употребит на развитие массы, на поднятие ее до того уровня развития умственного, какой необходим, чтобы перейти с успехом от общинного землевладения к общинному хозяйству» [9, с. 120].

Потанин считал, что в государстве идет упорная борьба общины с проявлениями капиталистических отношений и богатыми общинниками (мироедами). В обозримом будущем община будет непрерывно развиваться и расширяться, а в качестве примера оптимальных пространственных размеров он называл Уральское казачье войско. В конечном счете в духе теоретических построений П. Ж. Прудона «жизнь выработает за областным правом «общинное право», за областным патриотизмом – общинный и за федерацией – коллективную ассоциацию» [8, с. 110].

Параллельно с Потаниным теоретические наработки в области изучения сибирской общины осуществляли другие сторонники анализируемого движения. Так, Н. М. Ядринцев будущее Сибири связывал с деревней. В письме к Г. Н. Потанину от 30 июля 1872 г. он высказал свои соображения относительно роли общины в ее развитии: «Крестьянская община имеет, без сомнения, много здоровых элементов, ее стремление к равенству, неиспорченная нравственность крестьянства, простота отношений, принцип поземельных отношений, наклонность к экономической солидарности, воспитание в труде, отсутствие тунеядства, все это имеет много привлекательного. Но все это сохраняется в чистоте, кажется, только при патриархальном быте, при самых несложных отправлениях общества, [пока] капитал не родился и не приобрел своего значения». По мере развития рыночных отношений «община склоняется все более к индивидуальному хозяйству» и «город, сосредоточив все средства капитала и знания, давит на деревню всею силою и пропагандирует индивидуалистические принципы и осуществляет здесь капиталистическое хозяйство с неимоверной силою и стремительностью. Кроме того, общине предвидится разрушение в силу права выкупа надела» [12, с. 65, 66, 69].

В 1880-е гг., констатируя господство кулаков, он рассматривал их как временное явление и панацеей от всех бед считал общину, с помощью которой можно установить более справедливый строй. «Община может не только выполнять экономическую роль, но и создать самую интеллигенцию края и образовать народный капитал в стране. Для этого необходимо призвать ее вновь к жизни, которая в ней замерла от бюрократической зависимости и от недостатка коллективного духа», - пророчествовал он [23, с. 78]. В отличие от российских народников, автор «Сибири как колонии» отрицал наличие в Сибири зачатков капитализма и признавал возможность достижения светлого будущего с помощью общины, кустарного и артельного производства. Вслед за либеральными народниками Ядринцев предполагал реализовать свою программу посредством реформ (введение земства, гласного суда, свободы переселений, правовое регулирование найма батраков и т. д.) и просветительской деятельности.

Среди других областников в 1870-1880-е гг. проявилась тенденция, подмеченная Н. И. Кондратьевым в сибирской периодике того времени: «Как в демократических частных газетах, так и в приложениях к «Восточному обозрению» нашли место, с одной стороны, отрицание возможности капиталистических отношений в деревне в силу будто бы особых условий развития Сибири, а с другой стороны, порой трезвое изображение распада общинных устоев в сибирской деревне сочеталось с верой в крепость этих устоев, с надеждой оградить их от тлетворного влияния капитализма и миновать капиталистический путь развития. Во всем этом по-разному проявились «областные», в основе своей народнические позиции сотрудников издания» [5, с. 78-79].

Типичны в этом отношении публикации редактора иркутской газеты «Сибирь» М. В. Загоскина. С одной стороны, он констатирует расслоение крестьянства, увеличение числа «совершенных бедняков», а с другой торжественно заявляет: «Хищнические инстинкты торжествуют, и если при всем этом крестьянская община держится, то только благодаря неколебимой, многовековой прочности своего основания. Основание это – общее право на землю и равноправность в пользовании ею» [4, с. 81]. Факт существования общины в регионе признавала редакция газеты «Сибирь», в передовой от 15 мая 1877 г. утверждавшая: «...Общинное землевладение в Сибири есть явление повсеместное и живое, а не как отжившая форма, обязательная только по преданию или закону; оно есть начало развивающееся и способное принимать разнообразные оттенки. К нему сибирский крестьянин или мир относятся как к формальности или к чему-нибудь обязательному, навязанному извне, а напротив вполне серьезно» [13].

Спустя чуть более месяца, в передовой «Кустарное дело в Сибири» редакция в духе рассуждений Н. М. Ядринцева 1870-х гг. уже высказывает сомнение: «Пришлось задуматься над вопросом: что лучше – крупное землевладение с миллионами батраков, или община, у которой всегда есть для своего члена кусок земли (и конечно хлеба), хотя возделанной не паровым плугом, солидные фабрики-города с тысячами работников-пролетариев или миллионы кустарей-промышленников, выделяющих «на всякую руку» потребный товар, хотя и не доведенный до невозможной тонкости и крайней дешевизны» [14].

Завершая эту своеобразную дискуссию некто И. Петерс заявил: «Вопрос об общине крайне важен для Сибири, страны богатой и еще девственной, но эксплуатируемой кулаками и потому живущей нищенски» [6]. А один из редакторов «Сибири», видный публицист В. И. Вагин применительно к забайкальским казакам делает следующий вывод: «Из этих данных видно, что во всех станичных обществах установились почти одинаковые представления о богатстве и бедности. Отсутствие скота, неимение собственной пашни, заработка на стороне и накопление недоимок – вот отличительные черты бедности. Напротив, богатство везде характеризуется многочисленностью скота и обширностью запашки [1, с. 21].

Высланный в 1864 г. на родину предтеча областников А. П. Щапов в своих общественно-политических воззрениях в 1870-е гг. прочно встал на народнические позиции, связав с общиной будущее Сибири. «Необходимо, например, – подчеркивал он, – общинно-артельное кооперативное устройство труда и в сфере самого земледелия и, в частности, в сфере так называемой кустарной сельской промышленности, необходимо повсеместное распространение ссудо-сберегательных обществ и общечеловеческо-образовательных, физико-гуманитарных школ. Вообще, необходимы лучшие учреждения для развития такой общинной организации работ и образования, общинной экономии и общинного кредита, которая бы, избавляя массу крестьянского населения не только от гнета мироедов-кулаков, но и от гнета неблагоприятных местных физико-географических условий, все более и более увеличивала бы материальные, умственные и нравственные силы населения» [20, с. 69].

В дальнейшем развитии общинных начал историк видел гарантию возрождения аборигенных этносов региона. «Другая замечательная особенность бурятской улусной общины, – замечал он в 1875 г., – порожденная естественными социальными институтами и объективно свойственная всем общинам, – это наибольшая естественная склонность...

ее членов к артельности, развитию принципа социально-кооперативной взаимности, согласия и солидарности» [18, с. 135]. С помощью артели и кооперации Щапов предлагал поднять производительные силы региона: «Если бы на первый раз удачно распространились в народе хоть такие общественные учреждения, как ссудно-сберегательные товарищества, кооперативные общества, как артели и т. п., – то, повторяем, уже они могли бы быть первыми практическими органами воспитания и в сибирском народе духа общественности, социального смысла» [19].

Теоретические построения сибирских областников в 1880-е гг. постепенно вступали в противоречие с реальными процессами, происходившими в Азиатской России. Как добросовестные исследователи, они не могли видеть, что жизнь берет свое, и рыночные отношения все интенсивнее развиваются здесь. Поэтому М. В. Загоскин с горечью признавал: «А мы-то, простаки, думали, что Сибирь, богатая естественными дарами, незнакомая с западным строем общественных отношений, Сибирь с ее умным от природы населением, не знавшим крепостного права, что она лучше, чем всякая другая страна, может миновать бедствия кулачского строя и прямо вступить на лучшую жизнь и путь трудового производства! Нет, видно и нам придется испить горькую чашу рабства, худшего, чем крепостное, – рабства перед капитализмом и его представителем «чумады» [3]. В областнической публицистике, переписке сторонников движения, их научных работах проблема общины в Сибири сходит на нет, несмотря на разработку Н. М. Ядринцевым специальной программы изучения сельской общины здесь [22].

Эстафету областников, но уже в плоскости изучения сибирской общины продолжили ссыльные народники. Одним из первых стал Н. П. Каронин-Петропавловский, отбывавший наказание на юге Тобольской губернии. В очерковой форме на примере Курганского, Ишимского и Тюкалинского округов он пришел к выводу, что «русские люди принесли с собой общинные порядки, но здесь, в новой стране, эти порядки подверглись сильному видоизменению». Характеризуя ее особенности, исследователь подобно упомянутым выше областникам проявил дуализм, типичный для народнических оценок объекта нашего изучения. С одной стороны: «В сибирской деревне мы нашли общину глубоко сознающую свои верховные права на землю, но не позволяющую себе вмешиваться в отдельные хозяйства своих сочленов; мы нашли дух солидарности, своеобразно соединенный с духом свободы для каждой индивидуальности; мы узнали, что во владении землей каждый может производить какие угодно операции». Со временем в распоряжение мира перейдут вольные и заимочные участки и «несомненно, что сибирскую общину ожидает хорошее будущее». Но, с другой стороны, «железная дорога, вероятно, нанесет последний удар по этой стране... Она пустит на беззащитный в культурном отношении край хищника, которому нечего делать на родине и который довершит опустошение. Тяжел будет этот кризис крестьянам» [7, с. 17, 31, 85, 86, 91].

Особое внимание политические ссыльные обратили на Алтай, где была сосредоточена значительная часть сибирских крестьян и куда после отмены приписки к заводам Алтайского горного округа указом от 30 июня 1865 г. было разрешено переселение «из внутренних губерний», прежде всего сибирских. По данным Г. П. Житкова с момента обнародования закона и до 1884 г. сюда переселилось 100 тыс., в 1884-1888 – 79239, 1889-1893 гг. – 160074 чел. [2, с. 135]. Обследовавший в 1888-1894 гг. хозяйство местных крестьян, аборигенов и переселенцев С. П. Швецов в специально написанной работе констатировал в качестве преобладающей формы крестьянского землевладения на Алтае одnodеревенской общины. Вопросы, связанные с переделом земли между ними решал «сход выборных лучших людей соседних общин... избираемых общинами и решающих, при участии волостных и сельских старшин, земельные споры и несогласия, мы называем обычным земельным судом». Его решениями «определялось право общины на занимаемые ею земли» [16, с. 240, 242].

Супруга Мария Васильевна (Лаврова) в 1897-1900 гг. изучала быт старообрядцев Горного Алтая и в посвященной им научной публикации 1899 г. установила существование

«земельной однодеревенской общины, переживающей в настоящий момент переходное состояние от захватной формы землепользования к душевой с переделами, так как порядок пользования различными угодьями еще не установлен и не представляет из себя чего-либо определенного и однообразного, а наоборот, в различных селениях и даже в одном и том же селении в отношении различных угодий можно наблюдать все формы пользования, начиная от совершенно свободного захвата любого участка земли и кончая душевыми паями, налагающими определенные обязанности на пользующихся ими». Подробно выяснила она регламентацию разверстки податей, основой которой является «годный работник» или «боец», т. е. мужчина в возрасте от 16-ти до 55 лет, платящий «полный оклад». При этом, «во всех селениях обязательно принимается в расчет при накладке «состояние» работника, т.е. его имущественная обеспеченность и работоспособность, так что больной боец, например, может рассчитывать даже на полное сложение с него податной тяготы, но зато от него отбирается и данные ему, как бойцу, пай сенокоса или участок пашни» [17, с. 478, 479].

Служивший в Барнауле статистиком П. Г. Сущинский в книге, увидевшей свет в 1898 г., подтвердил вывод С. П. Швецова о дроблении сельских обществ, которое «наблюдается в том случае, когда начинается некоторое «утеснение» в земельных угодьях, когда захватная форма пользование землей переходит в пользование вольное. При захватном способе индикатором споров является, главным образом, зажиточный класс той общины, земля которой занимается крестьянами других деревень. При вольном – почти все население принимает участие в спорах». Еще одно важное наблюдение, сделанное Петром Гавриловичем, касается взаимоотношений старожилов и новоселов. «Нужно признать, – замечает он, – что, кроме экономического фактора, в жизни отдельной общины или общества существенную роль играет сознание общественниками своих прав. В тех деревнях, где произошло приселение новоселов, замечается более быстрое проявление самосознания крестьянского схода. Новоселы как бы приносят из России свой исторический опыт: в староновосельских деревнях в более ранние стадии развития общинной жизни бывает перевод платежей с души на землю и появляется скорее стремление произвести передел души по душам. Сельское общество исключительно старожильческим населением далеко отстает в этом отношении» [15, с. 325, 329].

Ссылные народники в предпринятых ими обследованиях убеждали окружающих и, прежде всего, себя в существовании сельской поземельной общины в Сибири и выявили специфику ее функционирования, прежде всего в плане регулирования ею крестьянского землевладения.

Список литературы

1. Вагин В. И. Заметки об общинном быте забайкальских казаков 3-го пешего отдела // Изв. ВСОИРГО. – 1881. - Т. 12. - № 1. - С. 13-29.
2. Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747-1919 гг.). – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1973 – 264 с.
3. Загоскин М. В. «Чумазый» в Сибири // Сибирь. – 1881. – 29 марта.
4. Загоскин М. В. Одна из сибирских общин (селение Грановское) // Памятная книжка Иркутской губернии на 1891 год. – Иркутск, 1891
5. Кондратьев Н. И. Начало журнальной прессы в Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985 – 154 с.
6. Петерс И. К вопросу об общине и в частности сибирской // Сибирь – 1877. – 25 сент.
7. Петропавловский Н. По Ишиму и Тоболу (из путешествий и исследований крестьянского быта Западной Сибири) // Записки ЗСОИРГО. – Омск, 1886. – Кн. 8. – Вып. 1. С. 1-90.
8. Письма Г. Н. Потанина. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1987. – Т. 1 – 280 с.
9. Письма Г. Н. Потанина. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1988. – Т. 2 – 344 с.
10. Потанин Г. Н. Никольский уезд и его жители // Древняя и новая Россия. – 1876. – Т. 3. – № 10. – С. 136-156.

11. Потанин Г. Н. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы // Живая старина. – 1899. – № 1-2.
12. Сибирские записки. – 1917. – № 1.
13. Сибирь. – 1877 – 15 мая.
14. Сибирь. – 1877. – 26 июня.
15. Сущинский П. Г. Экономический быт и правовые отношения старожилов и новоселов на Алтае (Исследование на месте) // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX века. – Барнаул: Алт. краев. науч. б-ка им. В.Я. Шишкова, 2007. – Т. 2. – С. 313–340.
16. Швецов С. П. Формы общинного владения на Алтае // Там же. – С. 211–248.
17. Швецова М. В. «Поляки» Змеиногорского округа // Там же. – С. 423–494.
18. Щапов А. П. Бурятская улусная родовая община // Изв. Сиб. отдела ИРГО. – Иркутск, 1875. – Т. 5. – № 3-4. – С. 128-146.
19. Щапов А. П. Социальные потребности Сибири накануне реформ // Сибирь. – 1876. – 25 янв.
20. Щапов А. П. Физическое развитие верхоленского населения // Изв. Сиб. отдела ИРГО. – Иркутск, 1876. – Т. 7. – № 2-3. – С. 1-68.
21. Ядринцев Н. М. Новые потребности Сибири // Алтай (Барнаул). – 1984. – № 4. – С. 128-130.
22. Ядринцев Н. М. Программа исследования сельской общины в Сибири // Записки ЗСОИРГО. – Омск, 1881. – Кн. 3. – С. 1-31.
23. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. – СПб., 1882 – 458 с.

Информация об авторах

Шиловский Михаил Викторович – доктор исторических наук, профессор, Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, e-mail: istorik.novosib@gmail.com

Information about the author

Shilovsky Mikhail Viktorovich – is the doctor of historical sciences, professor, Institute of history of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: istorik.novosib@gmail.com

УДК 94(571)

Е.В. Почервин

ЗЕМСКИЕ ПОВИННОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НАЧАЛА XX В.

В статье, на основе делопроизводственных материалов, рассмотрены натуральные земские повинности сибирских крестьян. Данный вид деятельности являлся весомым элементом повседневной жизни сельского общества. Обязанности были трудоемкими и обременительными. Отсюда проистекали причины неудовлетворительного исполнения работ и халатное отношение к ним.

Ключевые слова: история повседневности, земские повинности, сельское общество.

**LOCAL DUTIES AS AN ELEMENT
THE DAILY LIFE OF THE PEASANTS OF WESTERN SIBERIA
IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY**

In the article, on the basis of office materials, natural local duties of the Siberian peasants are considered. This type of activity was a significant element of the daily life of rural society. The responsibilities were time-consuming and burdensome. This was the reason for the unsatisfactory performance of work and negligent attitude to them.

Key words: history of everyday life, local duties, rural community.

История повседневности как направление исторических исследований имеет достаточно глубокую теоретическую основу [15,13,14]. Ведутся и конкретно-исторические исследования в данном русле. В частности, существует учебное пособие, освещающее сельскую повседневную жизнь [1]. Сибирская крестьянская повседневная действительность в рассматриваемый нами период также была изучена рядом исследователей [11,12]. Однако земские повинности, как один из элементов трудовой крестьянской повседневности, не получили должного освещения. Данная статья имеет целью рассмотреть основные повинности, оказывающие влияние на повседневную жизнь сельских обществ Западной Сибири в начале XX в.

Земские повинности представляли собой, как правило, выплату денежных средств, которые шли на удовлетворение местных хозяйственно-организационных потребностей. Однако некоторые из обязанностей исполнялись «натурой», то есть требовали трудовых затрат со стороны крестьян. Именно эта форма повинностей может быть рассмотрена в качестве одного из элементов повседневной жизни сельского населения.

Одной из важнейших и наиболее трудоёмких обязанностей было содержание грунтовых дорог. Крупные тракты, отнесенные к категории почтовых и земских, делились на определенные участки, которые должны были поддерживаться населением той или иной волости. «Исправление» проселочных дорог осуществлялось силами сельских обществ, на территории которых находились эти транспортные коммуникации.

В одном из типичных распоряжений Барнаульского уездного исправника (май 1901 г.) содержатся разъяснения о проведении капитального ремонта почтовых трактов. Чиновник требовал от волостных старшин выставления пятой части всех годных работников с инструментами (кайло, железные и деревянные лопаты, сохи) и запасом продовольствия на ремонтные работы. Для надзора должны быть задействованы станковые приставы, но главное – волостные старшины, сельские старосты, сотские и десятские. После завершения работ должен быть составлен акт и представлен исправнику [2, л. 22]. Процесс ремонта дороги и порядок действий его исполнителей может быть ярко проиллюстрирован постановлением Томского уездного распорядительного комитета от 24 апреля 1914 г. Из документа следует, что все работники «прибывают на работы, имея каждый лошадь с таратайкой, железную лопату и в каждом обществе не менее 15 кирок или мотыг, десяти топоров на случай тех работ, которые исполняются средствами и силами самих натуральщиков». Кроме того, необходимо было иметь необходимое количество лесоматериалов, деревянные трамбовки, одну-две «конные тёрки шириной не менее 3,5 аршин для сравнивания поверхности полотна дороги», 40 аршин тонкой бечевки для шнура и одну 20 ведёрную бочку для доставки воды. Помимо этого, должно «иметься в каждом обществе достаточное количество провианта на всё время работ». Наконец, для организации минимального комфорта требовалось иметь с собою «тёс и лес на постройку общего балагана на таборах для защиты от ненастной погоды». Постановление регулировало и время осуществления работ. Указывалось, что работа должна была производиться с четырех или пяти до одиннадцати часов утра. Затем с

двух часов дня до восьми часов вечера. Предлагалось распределять рабочих на три группы: одну для очистки канав, вторую для заравнивания колеи и разглаживания полотна дороги. Третья группа на всех свободных лошадях должна была заниматься подвозкой гравия, «дресвы или вереска, какой материал окажется в этом участке» [10, л. 132-134]. Таким образом, можно увидеть, что сезонные дорожные работы были для крестьян трудоёмкой многодневной экспедицией.

Заметно стремление сельского населения к минимизации своих трудовых затрат. Так, в июне 1910 г. крестьяне с. Титово, Тарсминской волости Кузнецкого уезда отказывались возить гальку, ссылаясь на то, что им приходится преодолевать расстояние в 12-14 верст. В жалобе на имя губернатора указывалось также, что дорожный участок расположен далеко от селения, да и работы на нём уже были проведены ранее [8, л.49, 49 об., 57].

В делопроизводственных документах нередко можно обнаружить факты халатного отношения крестьян к исполнению дорожной повинности. Так, в июне 1905 г. Бащелакский волостной заседатель, командированный волостным правлением для наблюдения за исправлением дороги, нашел, что крестьяне дер. Усть-Туллаты должным образом провели ремонт своего участка дороги. Два сельских общества (Усть-Козлухинское и Верзиловское) выслали меньше работников, чем требовалось по установленной норме, а члены Чайнинского сельского общества совсем не вышли на дорожные работы. Описывая сложившуюся ситуацию, заседатель указал в акте, что крестьяне дер. Верзиловой прибыли на работу «некоторые с лопатами, а другие с удочками», хотя староста и посылал их на работу, но «они не послушались и просидели весь день на лугу». На следующий день «некоторые начали работать, но как видно им не понравилось работать, поработав с полчаса уехали домой». Крестьяне Озерского сельского общества исправно вышли на работу, однако «по малочисленности своей и без помощи других» не могли в срок отремонтировать необходимый участок. В заключение, волостной начальник констатировал, что «усть-тулатинцы и озерские ропщут и не хотят более работать ввиду того, что им помощи, согласно приговора волостного схода не дается» [4, л. 82-82 об.]. В качестве еще одного примера можно привести мнение Змеиногорского уездного исправника. В сентябре 1913 г. он констатировал, что население без должного внимания отнеслось к ремонту дорог: «Во многих местах насыпан щебень, который до сих пор не засыпан; само полотно дороги сделано крайне узко и сильно срезано к краям, так что разъехаться двум экипажам весьма затруднительно и во время слякоти проезжающие рискуют свалиться под откос вместе с экипажем» [9, л. 152].

Кроме поддержания в должном состоянии дорог, крестьяне обязаны были следить за чистотой улиц в селениях. Сами крестьяне неохотно брали на себя дополнительные обязанности по благоустройству дорог даже в пределах селений. Так, в 1913 г. Мало-Бащелакское сельское общество Бащелакской волости, обсуждало на сходе приказ волостного старшины о необходимости немедленного исправления в селении проезжей части с «проведением по обеим сторонам дороги канав и усыпки середины дороги галькой или песком в 1/4 толщины». Сход решил, что «на протяжении всего селения по улице гатить дорогу не считаем нужным», согласившись «исправить дорогу ... только в таких местах, где очень плохое место и невозможно проехать, сделать таковые места возможными для проезда» [7, л.18].

Регулярные повинности по содержанию дорог отвлекали крестьян от работы в собственном хозяйстве и воспринимались ими как тягостная трудоемкая обязанность.

Подводная повинность была еще одной обременительной обязанностью для крестьян. Если содержание земских ямских станций на крупных трактах облекалось в денежную форму, то обеспечение коммуникаций внутри волости зачастую производилось «натуральным способом» по очереди. Например, в 1905-07 гг. в Айской волости Бийского уезда «междудворная гоньба» имела в 11 селениях, каждое из которых связывалось с несколькими населенными пунктами (от трех до десяти). Стоимость содержания одной пары лошадей в каждом из указанных селений обходилась от 48 до 409 руб. в год [5, л. 61-66]. Если учесть, что не все крестьяне лично участвовали в поддержании функционирования этой сети,

то само наличие столь разветвленной системы коммуникаций накладывало отпечаток на повседневную жизнь сельского общества.

Для жителей тех селений, которые были расположены вблизи лесных угодий, актуальной была «опалковая повинность». Работников для опалки бора выбирали на сельских сходах. Так, в апреле 1902 г. были проведены соответствующие сходы в селениях Башчелакской волости Малый Башчелак, Березовке на Оби, Березовке на Чарыше и Сосновке [3 л., 38,42,44,45]. Волость несла данную повинность и позднее. В апреле 1907 г. помощник управляющего Змеиногорским имением Алтайского округа ведомства Кабинета Его Величества направил в Башчелакское волостное правление уведомление о высылке людей в село Малый Башчелак для опалковых работ. Прилагаемый список содержал 84 человека из 18 селений волости [6, л. 29-30].

Таким образом, земские повинности занимали существенное место в будничной жизни сибирских крестьян. Их исполнение было связано с отвлечением от собственного хозяйства и вызывало различные формы сопротивления со стороны сельского общества. Натуральные повинности структурировали трудовую повседневность наряду с обычными сельскохозяйственными работами.

Список литературы

1. Безгин В.Б. История сельской повседневности: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – 88 с.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 842.
3. ГААК. – Ф. 182. – Оп. 1. – Д. 8.
4. ГААК. – Ф. 182. – Оп. 1. – Д. 22.
5. ГААК. – Ф. 198. – Оп. 1. – Д. 35.
6. ГААК. – Ф. 182. – Оп. 1. – Д. 43.
7. ГААК. – Ф. 182. – Оп. 1. – Д. 120.
8. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 3. – Оп. 19. – Д. 1524.
9. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 19. – Д. 1700.
10. ГАТО. – Ф. 3. Оп. 19. Д. 1713.
11. История повседневности Западной Сибири: конец XIX - начало XXI вв.: коллективная монография / отв. ред. И.В. Курышев. Ишим: Изд-во ИПИ им. П.П. Ершова, 2014. – 338 с.
12. Курышев И.В. Повседневная жизнь западносибирской деревни в годы Гражданской войны. К постановке проблемы // Проблемы социально-экономического развития Сибири. Братск: Изд-во БГУ. – 2016. – № 1 (23). – С. 121-127.
13. Любичанковский С.В. Проблема определения субъекта повседневности в историческом исследовании // Изв. Самарского науч. центра РАН. – 2012. – Т. 14. – № 3. – С. 150-153.
14. Милешина Н. А., Меркушин А. В. Критерии повседневности: теоретико-методологические основы истории повседневной жизни // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2015. – № 11 (61): в 3-х ч. – Ч. 3. – С. 103-105.
15. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история: ежегодник. 2004. – М., 2005. – С. 93-113.

Информация об авторах

Почеревин Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия, e-mail: rev2@mail.ru

Information about the author

Pocherevin Evgeny Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of historical, legal and social-humanitarian disciplines of The Shukshin Altay State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia, e-mail: pev2@mail.ru

УДК 94 (571)

Е.В. Леонтьев

ОТ ЗАЙМКИ К ДЕРЕВНЕ: ОБ УСЛОВИЯХ АГРАРНОГО РАССЕЛЕНИЯ НА ЮГЕ ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В статье по материалам первичных источников рассматривается влияние условий социальной организации крестьянских сообществ на процесс селообразования в местах компактного проживания старожилов в первой половине XIX в.

Ключевые слова: Расселение, заимка, деревня, старожилы, крестьяне.

E. V. Leontiev

FROM THE SQUATTING TO THE VILLAGE: A STUDY ON THE CONDITIONS OF THE AGRICULTURAL SETTLEMENT IN THE SOUTH OF THE YENISEI REGION IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

According to the materials or primary sources in this article is considered the influence of conditions of social organization of peasant communities on the process of village foundation in the places of compact oldtimers living in the first part of the 19th century.

Key words: resettlement, squatting, village, oldtimers, peasants

Складывание сети земледельческих поселений долгое время являлось одним из аспектов аграрного освоения русскими Сибири. Примерно до середины XIX в. ведущую роль в этом процессе играло создание заимок, сезонных малодворных выселок, окружавших места постоянного проживания старожилов [3, с. 99; 4, с. 144; 5, с. 82]. При вольно-захватном землепользовании, сибирская заимка изначально представляла собой комплекс сельскохозяйственных угодий, лежащих в отдалении от основного массива деревенских владений. Такое расположение вновь занятого участка затрудняло ведение на нем полевых работ, подталкивая владельцев к постепенному переносу дворового хозяйства и выселению из деревни. В первое время заимка находилась в ведении того общества, из которого происходила выселившаяся семья. Если вблизи возделанного участка имелось достаточно плодородных земель, рядом с первопоселенцами устраивались их родственники, односельчане или выходцы из соседних деревень. Таким образом, возникало новое селение, жители которого по истечении нескольких лет образовывали собственное сельское общество.

Ниже мы постараемся рассмотреть процесс превращения заимки в деревню. Интерес вызывают, прежде всего, социально-демографические характеристики этого процесса: происхождение, сословный статус, соседские и фамилно-родственные связи жителей вновь складывающихся селений.

Источником исследования являются ведомости о населении заимок Минусинского округа Енисейской губернии, получивших в 1858 г. статус деревень [1]. В их число входят

17 населенных пунктов из трех волостей округа: Новоселовской – заимки Березовская, Луговая, Тузина, Карасукская, Тюпина, Лепешкина (Малая Иржа), Жигалка (Малая Тесь), Кокорева, Старая, Убейская, Глядень, Корякова; Абаканской волости – Сухарева (Мало-Хабыцкая или Малый Хабык), Суворова (Мало-Телецкая), Метихова (Байтак); Тесинской волости – Колмакова, Галактионова. В качестве дополнительного источника использовались ревизские сказки крестьян Абаканской и Новоселовской волостей за 1850 г.

Таблица № 1

Население заимок Минусинского округа в середине 1850-х гг. *

Наименование	Год основания	Число жителей	Из каких деревень**
Абаканская волость			
Байтак (Метихова)	1830	58	дд. Бирьская, Усть-Сыдинская
Суворова (Мало-Телецкая)	1816	73	дд. Телецкая, Сыдинская, Быскарская, Сухая Тесь, с. Белоярское, с. Абаканское
Сухарева (Мало-Хабыцкая)	1802	252	дд. Хабыцкая, Сыдинская, Бирьская, Копенская, Байкалова, Кортузская, Свиньина, с. Белоярское
Новоселовская волость			
Березовская	1802	92	дд. Идзульская, Больше-Сютинская
Глядень	1775	61	дд. Медведева, Комская
Жигалка (Малая Тесь)	1816	103	дд. Янова, Чернова, Тесинская, с. Анашенское
Карасукская	1802	56	д. Сарагашенская, с. Анашенское
Кокорева	1770	56	дд. Янова, Улазская, Аешина
Корякова	1800	274	дд. Сисимская, Идзульская
Лепешкина (Малая Иржа)	1815	46	дд. Сарагашенская, Сисимская с. Анашенское
Луговая	1825	96	д. Идзульская, с. Новоселовское
Старая	1780	66	д. Легостаева, с. Новоселовское
Тузина	1802	46	дд. Бережекова, Идзульская
Тюпина	1785	56	дд. Светлолобова, Комская
Убейская	1750	160	д. Медведева
Тесинская волость			
Галактионова	1824	108	с. Кавказское
Колмакова	1816	78	с. Тесинское, д. Кочулька

*Подсчитано по: Архив г. Минусинска. Ф. 15. Оп. 1. Ед.хр. 229. ЛЛ. 135-150 (об.), 153-248.

Большинство названных селений были основаны в первой четверти XIX в. и просуществовали до момента преобразования их в деревни, т.е., от 30-ти до 50-ти лет. Пять заимок появились еще в прошлом столетии так, что их возраст насчитывал к тому времени от 70-ти до 100 лет. Практически во всех случаях поселения возникали без санкции властей; крестьяне самовольно начинали жить в облюбованном месте, занимая «лежащие впусте» казенные земли [1, Л. 141 (об.)–147]. Исключение представляла собой лишь заимка Метихова, основанная позднее других по общественному приговору жителей деревни Бирьской в черте официально отмежеванных уже к тому времени деревенских владений [1, Л. 145 (об.)]. 12 селений относились в 1850-е гг. к числу малодворных, имея 10-15 дворов и менее 100 чел. жителей. Заимки, Корякова и Сухарева с населением более 250-ти душ обоего пола, соответствовали по своим размерам обычной деревне округа.

Подсчеты показали, что в каждом конкретном случае жителями заимки, как правило, являлись крестьяне, происходившие преимущественно из какой-либо одной близлежащей деревни. В 11-ти рассматриваемых селениях они составляли более $\frac{3}{4}$ жителей, еще в 2-х – не менее $\frac{2}{3}$ [подсчитано по: 1, Л. 153-248]. В оставшихся четырех селениях – Жигалке, Кокоревой, Сухаревой и Суворовой, численное представительство одной из деревенских общин было менее выраженным. Жигалку и Кокореву примерно в равной мере населяли выходцы из нескольких расположенных вблизи деревень в местах соприкосновения возделываемых земель, которых они были основаны. В Суворовой и Сухаревой жили не только соседи, но и крестьяне, пришедшие из более отдаленных (на 20-30 км) мест своей волости. Население этих двух заимок было неоднородным и в социальном отношении. В Сухаревой значительную группу жителей составляли, положившие начало селитьбе оседлые ясачные, в Суворовой – ссыльнопоселенцы. Вероятная отчужденность к ним со стороны живших поблизости старожилов могла послужить причиной того, что лежащие вокруг земли со временем заселили крестьяне из расположенных отдаленно деревень. Показательно, что когда встал вопрос об учреждении заимок Кокоревой, Суворовой и Сухаревой деревнями, общества прилегающих селений высказались против этого [1, Л. 144]. Во всех других изученных случаях такого противодействия среди соседей не возникало.

Распределение рассматриваемой популяции жителей по времени водворения их на заимке показывает, что, по меньшей мере, $\frac{1}{3}$ из них включала людей, живших там с момента своего рождения. В старых селениях, существовавших не менее 50 лет, доля уроженцев превышала 75%. Пополнялось население заимок достаточно быстрыми темпами, особенно в начальный период их существования. Подсчитано, что в селениях, возникших в предыдущем столетии, количество семей, живущих на своем месте менее 30 лет, составляло в середине 1850-х гг. 13,28% жителей; во всех других – 54,91% [подсчитано по: 1, Л. 153 - 248].

Вслед за первопоселенцами на новых заимках, как правило, устраивались их односельчане. В последующий период учащались переходы жителей из других деревень. Миграции носили в основном локальный характер, ограниченный пределами данной волости. Так 88,28% крестьян рассматриваемых селений проживали в удалении от места своей приписки на расстояние до 20 км и лишь 0,54% мигрировали в радиусе более 50 км [подсчитано по: 1, Л. 153 - 248].

Распределение жителей заимок по социальному составу
в середине 1850-х гг. (%).*

	Крестьяне		Казачи		Поселенцы		Оседлые ясачные	
	Абсол. кол.	%	Абсол. кол.	%	Абсол. кол.	%	Абсол. кол.	%
Всего:	1404	83.47	18	1.07	123	7.31	137	8.15
Новоселы**	268	78.59	-	-	44	12.90	29	8.50
Остальные жители	1136	84.71	18	1.34	79	5.89	108	8.05

* Подсчитано по тем же данным, что и таблица № 1.

** живущие на заимке не более 15-ти лет.

Социальная структура жителей заимок в основном отражала структуру всего оседлого земледельческого населения округа. Крестьяне, доминирующая в численном отношении группа, преобладали в 16-ти селениях; в одном (заимка Сухарева) большинство принадлежало оседлым ясачным. Ссылные встречались в 11-ти селениях, составляя, всюду не более 10-20% жителей. Причем среди новоселов, как видно из таблицы, доля ссыльных была значительно выше, чем среди людей, живших на заимке с момента своего рождения или относительно долгое время.

Изучение генеалогии обитателей заимок говорит о том, что переселялись они из своей деревни часто не в одиночку, а вместе с другими родственными семьями. Источники не дают ответа на вопрос, представляли ли эти семьи одно домохозяйство или жили и вели хозяйство отдельно. В ревизских сказках восьмой и девятой переписей семейные разделы крестьян обычно не фиксировались, поэтому официально-податный состав домохозяйства в большинстве случаев не совпадает с наличным.

Среди рассматриваемой популяции были выявлены 46 «ревизских домохозяйств», члены которых перешли на заимку в период с 1840 по 1854 гг. Десять из них включали по месту приписки одну супружескую пару с детьми, остальные – несколько пар супругов и несовершеннолетних родственников. В числе последних, 14 выселились из деревни полностью; в шести родственных коллективах на заимку перешли родители с одним из женатых сыновей, или двое женатых братьев без других оставшихся в деревне родственников; в 16-ти «семьях» мигрировала лишь одна отделившаяся супружеская чета [подсчитано по: 1, Л. 153-248]. Таким образом, как правило (20 случаев из 36-ти), при наличии в деревне родственных семей крестьяне предпочитали селиться на новом месте не в одиночку, а совместно с кем-либо из них. Аналогичный вывод был сделан В.В. Канищевым, изучавшим миграцию крестьян Тамбовской губернии: [см. 2]. Прежде всего, это касалось родителей и женатых сыновей. Женатые братья без отца мигрировали вместе значительно реже, из их числа на заимку обычно переходил старший по возрасту.

Распределение по возрасту живущих на заимках крестьян мужского пола
в середине 1850-х гг. (%)*

Категории жителей	Возрастные когорты (лет)							Всего:
	0 - 7	8 - 15	16 – 19	20 – 29	30 - 39	40 - 49	50+	
Старожилы**	22.80	19.69	7.77	17.10	13.99	8.81	9.84	100.0
Новоселы ***	24.52	20.00	5.81	15.48	16.77	9.03	8.39	100.0

* Подсчитано по тем же данным, что и предыдущие таблицы

** семьи, чьи предки поселились на данной заимке до 1805 г.

*** живущие на заимке не более 15-ти лет.

Следующая таблица дает возможность сравнить возрастную структуру крестьян, различавшихся по времени своего водворения на заимке. С одной стороны, представлены семьи, главы которых в основном являлись уроженцами рассматриваемых селений (прожили там не менее 50 лет), с другой, новоселы, появившиеся там недавно, не более 15 лет тому назад после 1839 г. Сравнение показывает, что мигрирующие крестьяне отличались от живших оседло более значительным представительством лиц в возрасте от 30-ти до 49-ти лет. Очевидно, решение покинуть свою деревню чаще принимали зрелые, уже состоявшиеся дворохозяева, успевшие накопить достаточный трудовой потенциал для ведения хозяйства на новом месте. Молодые крестьяне 20-29-ти лет, входившие в состав сложных семейств, переходили на заимку в основном не самостоятельно, а вместе с родителями или старшими братьями, поэтому их доля среди новоселов была меньше.

Родственные связи со своей деревней, в виде оставшихся там родителей, братьев, племянников, сохраняли не менее 40% вновь поселившихся на заимке крестьян. Среди тех, кто поселился и прожил на новом месте более 15 лет, аналогичный показатель снижался до 10-11% [подсчитано по: 1, Л. 153-248]. При этом, иногда встречались «ревизские семьи», а фактически патронимии близких родственников, члены которых проживали и на заимке и в деревне по прошествии нескольких поколений после заведения их предками «домообзаводства» в новом селении.

Таким образом, рассмотренный материал свидетельствует о том, что селообразование в местах расселения енисейских крестьян-старожилов в первой половине XIX в. опиралось, прежде всего, на соседско-общинные связи крестьянского коллектива. Вновь возникавшие в этот период деревни были, как правило, населены людьми, которые и прежде до своего водворения на новом месте являлись односельчанами. Многие из них были к тому же родственниками. Взаимная поддержка и кооперация родственных семей, безусловно, облегчали устройство крестьян в местах поселения и также играли важную роль в селообразовательном процессе.

Список литературы

1. Архив г. Минусинска. – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 229.
2. Канищев В.В, Морозова Э.А. Микромиграционные процессы в среде государственных крестьян Тамбовской губернии в первой половине XIX в. (по материалам выселок с. Рассказово Тамбовской губернии) // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Материалы международной конференции. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Радищева, 2002. – С. 162-168.

3. Кожухов Ю.В. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX в. (1800 – 1861 гг.). – Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1967. – 384 с.
4. Липинская В.А. Заимки Западной Сибири конца XIX в. как сезонные поселения // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII – начала XX в. - М.: Наука, 1981. – С. 143-187.
5. Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX в. - М.: Наука, 1981. – 273 с.

Информация об авторах

Леонтьев Е.В. – старший научный сотрудник Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова. 662608. г. Минусинск, ул. Ленина 60, Россия, e-mail: eu.leontjew2017@yandex.ru

Information about author

Leontiev E. V. – Senior Researcher of the Minusinsk Regional Museum of Local Lore named after N.M. Martyanov. 662608 Minusinsk, Lenin street 60, Russia, e-mail: eu.leontjew2017@yandex.ru

УДК 93 (091)

М.К. Чуркин

«ДОРОЖНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ» ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРЬ: СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ АДАПТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

В статье, на материалах эго-текста о переселении в Сибири И.Е. Беякова, выявляются стратегии и практики адаптивного поведения мигрантов в условиях «дорожной повседневности». Раскрыто содержание базовых стратегий адаптивного поведения, определяемых участием в переселенческом акте двух социально-психологических типов личности, что приводило к диаметрально противоположным результатам с точки зрения будущего обустройства в принимающем регионе.

Ключевые слова: переселения, крестьянство, «дорожная повседневность», стратегии адаптивного поведения.

M. K. Churkin

"ROAD DAILY OCCURRENCE" OF IMMIGRANTS TO SIBERIA: STRATEGY AND PRACTICIANS OF ADAPTIVE BEHAVIOUR (THE SECOND HALF OF XIX – THE XX-TH CENTURY BEGINNING)

In article on materials of the ego-the text on resettlement in Siberia I. E. Belyakova, identifies the policies and practices of adaptive behavior of migrants in the context of "road life". Reveals the content of the basic strategies of adaptive behavior defined by the participation in the migration act two socio-psychological types of personality, which led to diametrically opposite results in terms of a future arrangement in the receiving region.

Key words: resettlement, peasantry, "road everyday life", adaptive behavior strategies

По определению Н.Л. Пушкаревой, «история повседневности» - отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах [6]. В этой связи, исследователи, работающие в указанном направлении, определяют повседневное как привычное, упорядоченное, близкое, фиксируя в качестве основных функций повседневности сохранение, выживание и воспроизводство человека и общества, что превращает её в социогенетический процесс цивилизации. Так же, существенным является и то, что в изучении истории повседневности приоритет отдаётся анализу символических систем, прежде всего лингвистических структур, посредством которых люди прошлого воспринимали, познавали и интерпретировали окружающую их действительность. Таким образом, в локусе «истории повседневности» располагается исследование таких явлений «обычного порядка», которые позволяют реконструировать структуры повседневности людей и социальных групп, выявлять стратегии адаптивного поведения индивидов и сообществ в условиях риска.

«Дорожная повседневность», как часть переселенческого процесса второй половины XIX – начала XX вв. являлась предметом отечественной историографии лишь отчасти. Подавляющее число авторов, композиционно выделявших акт непосредственного переселения в отдельный сюжет, ограничивалось лишь констатацией трудностей, с которыми сталкивались мигранты в пути. Так, по утверждению И.А. Гурвича «путь переселенца далеко не был усыпан розами» [1, с.3]. О превратностях дороги из российских губерний, исследователи сообщали: «Наемные подводчики тянули дорогу как можно дольше, почти на каждой станции спорили, требовали денег, а потом, когда таковые все до копейки были выбраны, готовы были совсем отказаться, вследствие чего не раз приходилось обращаться к содействию властей, чтобы силой заставить ямщиков исполнить условия. Чтобы прокормиться в таком путешествии, многим пришлось распродать белье и верхнюю одежду» [3, с.318]. О неустройстве мигрантов на сибирском этапе «путешествия» говорилось: «В Томске барачные здания ещё гораздо хуже, чем в Тюмени; а так как они стоят в очень болотистой местности...дети сильно хворают и многие умирают. Трудно учесть, как велика смертность в пути; что она велика, доказывается переселенческой партией, которая ехала в 1889 г. на барже Функа: дорогой умерло более 30 детей» [4, с. 56].

Между тем, вне исследовательской канвы оставался и остаётся вопрос стратегий и практик адаптивного поведения участников переселенческого «путешествия», традиционных представлений крестьянства об обстоятельствах окружающего мира и своём месте в нём. Решение этих задач в совокупности может позволить выявить «человеческое содержание» исторических событий, реконструировать их таким образом, что даст возможность представить сам акт переселения как часть сложного и многоступенчатого адаптационного процесса социальной группы или локального сообщества.

Приступая к решению поставленных задач, нами принимается во внимание, что реально действующими агентами «человеческого содержания» исторических событий могут выступить эго-тексты самих крестьян, поскольку в этих источниках, посредством языка, стиля, фразеологии, эмоциональной манеры изложения рельефно проявляется субъективная идентичность человека. Очевидно, что тексты, исходящие непосредственно из крестьянской среды, дают уникальный шанс полнее раскрыть структуры повседневной жизни сословия, представить более детальные описания и интерпретации сферы человеческих переживаний и отношений.

В качестве иллюстрации стратегий и практик адаптивного поведения мигрантов в процессе переселения может служить письмо крестьянина-переселенца И.Е. Беякова, в котором тема «дорожной повседневности» занимает одно из центральных мест [5]. Письмо представляет собой последовательное описание переселения партии, состоящей из 34 домов, (112 душ мужского и 88 душ женского пола) из села Пушкина, Пушкинской волости, Инсарского уезда, Пензенской губернии в Сибирь. Ценность текста письма для нашего исследования определяется тем, что исследователь имеет возможность наблюдать

эмоциональное состояние автора, а также модели поведения других непосредственных участников событий в условиях преодоления пути в регион водворения.

Направление движения партии переселенцев, возглавляемой И.Е. Беляковым, в целом соответствует траектории движения мигрантов из Европейской России в период продолжающегося строительства транссибирской магистрали: по Сызранско-Вяземской железной дороге в направлении Уфы, Златоуста, Челябинска, далее сухопутным путём до Омска и Каинского округа Томской губернии.

Именно в процессе преодоления пути выстраивались различные стратегии адаптивного поведения участников переселения, которые могли привести, или не привести к успешному завершению процесса адаптации.

Первая стратегия адаптивного поведения предполагала активные действия со стороны индивида, инициативное участие в переселении личности харизматического типа и реакции на поведение этой личности переселенческой партии. Следуя тексту письма, именно И.Е. Беляков первым записался на переселение в Сибирь и, более того, будучи сельским писарем, активно содействовал включению в переселенческую партию значительной части своих односельчан, увеличивая суммы их средств до требуемых 150 руб. [5, с.158]. Показательным является и здравомыслие лидера, стремившегося разобраться в перипетиях переселенческого законодательства, читавшего справочные книги о переселении. В частности, И. Беляков констатировал: «я только хорошо знал еще раньше, что Сибирь холодна против России и признавал это правильным, потому что по карте я видел, что в Сибири все реки текут к полуночной стороне, а в России на полдень, и убеждал своих односельчан, что там холодно, дожди бывают реже, лесов там нет, яблочков, как у нас, не отведаешь. Огурец - и тот плохо родится. Рек мало. Места - либо гористые, либо ровные, безречные» [5, с.158]. Данный тип личности в миграции, который определяется специалистами в области социальной психологии как аффективно-ригидный, можно охарактеризовать словами С.П. Швецова: «Серьёзный, умный, дельный мужик... который знает на память все железнодорожные станции и переселенческие участки» [7, с.31]. Активная жизненная позиция и непреклонная уверенность в собственных силах в переселении укрепляли лидерский авторитет аффективно-ригидных личностей, способствовали вовлечению в переселенческое движение широких крестьянских масс. Внимательное прочтение письма И.Е. Белякова позволяет убедиться в том, что перед нами харизматический лидер, участие которого в миграции явилось следствием определённых концепций, включавших представления о недостатках и достоинствах прежнего и нового регионов. Эти представления оказывали влияние на выбор стратегии адаптивного поведения лидера в критических ситуациях, когда И.Е. Беляков, понимая разницу в климатических характеристиках мест выхода и водворения, которые проявляются уже в походных условиях, предпочитает умалчивать о своих выводах: «Когда приехали в Челябинск (это было утром числа 15 июня), то на земле был снежок. Я опять не утерпел - кинулся к градуснику и увидел, что 2 градуса было тепла, а в 12 часов дня дошло до 36 градусов жары. Я тут смолчал» [5, с.160]. Или: «Про это (перепады температур – М.Ч.) я своей партии не сказал, потому что не хотел их страшить, а они этого в ум не берут, как будто по всему свету в нынешнее утро такой холодный туман и 4 градуса тепла» [5, с.160].

Симптоматично, что реакция социального окружения на деятельность авторитетного лидера являлась двойственной. С одной стороны, передоверие ответственности за свою судьбу другим лицам было ментально свойственно крестьянам. Не случайно, что в процессе передвижения участники переселенческой партии регулярно обращаются к своему лидеру, поддерживая друг друга посредством интенсивной коммуникации: «То и дело меня кричат: "Иван Ефимович! (или проще г. Беляков), - едем дальше - узнаем больше!" Видите: в Уфе давали только кипяток, да перекликали, и лекарство кой кому, а вон тут почти даром покормили» [5, с.160]. С другой стороны, очевидно, что ответственность за провал переезда, прямо или косвенно ложилась на плечи инициатора предприятия: «Тут-то и начал меня проклинать мой родной отец, 60 лет от роду, на чем свет только стоит, и до сего дня не

обходится у него ни часу без страшной клеветы: где-либо оступится или зашибет палец при постройке дома, тут же бросает топор об землю и начинается, и начинается опять страшная клевета: чтобы провалилась эта проклятая Сибирь! Кто ее и создал, да и кто сюда завез, тому бы в трактарары» [5, с.161].

Вторая стратегия адаптивного поведения, запечатлённая в практиках «дорожной повседневности» связана с деятельностью типа личности, модели поведения которой определялись недостаточной способностью соблюдать принятые в новом окружении правила и нормы, учитывать при построении поведения собственный негативный опыт и склонностью к немедленной реализации побуждений в непосредственном поведении. Основной причиной миграции в этой группе были предшествовавшие ей нарушения социально-психологической адаптации, выражавшейся в недостаточно успешной деятельности, в неспособности к адекватной организации межличностных отношений в коллективе. Поэтому, для данного типа личности была характерна склонность к быстрому разочарованию, которое в дороге приводило к принятию скоропалительных решений откровенно «пораженческого» дезадаптационного содержания: «Малаша Рябкина... должно проснулась как-нибудь ночью и увидела месяц, который ей показался совсем другим месяцем, а не какой видела на родине: будто он ниже ходит, чуть-чуть за землю не задевает и тут же, не пройдя больше трех сажень, закатывается. И вот она на утро встала и говорит: "бабыньки, ведь я нынче ночью увидела, что в Сибири и месяц-то другой, а не наш российский. Наш-то повыше ходит и закатывается в это время за барским двором. А этот как встал, так тут же и опять ушел под землю. И как же мы тут будем жить...» И долго не думая, заткнула сарафан к поясу и пошла обратно по дороге к Омску» [5, с.161]. Склонность к выбору «пораженческой стратегии» обуславливалась и тем фактом, что пути переселенцев в Сибирь и из Сибири часто пересекались, возникали новые коммуникативные среды, в которых негативная информация о регионе водворения усиливалась, обрастала новыми ужасающими подробностями. Партия И.Е. Белякова не попала в подобную ситуацию, но истории сибирских переселений такие случаи известны. Так, в 1879 году партия переселенцев из Путивльского уезда Курской губернии отправилась в Тобольскую губернию, но, дойдя до Оренбурга, встретила с «обратниками» из Тамбовской, Воронежской и той же Курской губерний, которые возвращались «и наги, и босы». Те настолько напугали переселенцев рассказами об ужасах сибирской жизни, что все решили поворачивать назад. Более того, в том же 1879 году не достигнув Томской губернии, с пути вернулось 300 семей переселенцев из Рыльского уезда, 20 семей из Суджанского уезда, 30 семей из Львовского уезда поименованной губернии [2, с.51].

Выбор подобной стратегии поведения резко сужал адаптивные возможности группы, сводя их к пассивному подчинению условиям среды, что запечатлено И.Е. Беляковым в следующем пассаже: «И вот как только послышится в деревне колокольчик волостных или какого фельдшера, то бросаемся со всех сторон доехать к тому месту, где он остановится: что, де, не привез ли нам какой милости?» [5, с.162]

Таким образом, можно констатировать, что «дорожная повседневность» переселенцев в Сибирь в полной мере репрезентировала естественное стремление мигрантов к выживанию, сохранению себя и своего мира, а также к воспроизводству привычного образа жизни. Дорожная ситуация воспроизводила традиционные для крестьянства структуры повседневности, непосредственными проявлениями которых выступали внутрисемейные и общинные отношения. В системе координат структур повседневности формировались адекватные крестьянскому социуму стратегии и практики адаптивного поведения, детерминированные не столько финансовыми возможностями переселенцев, сколько принадлежностью участников миграций к определённому типу личности.

Список литературы

1. Гурвич И.А. Переселения крестьян в Сибирь. – М.: Тип. «А. Левенсон и К°», 1888. – 342 с.
2. Курская губерния. Итоги статистического исследования // Под редакцией И. Вернера. – Курск: Тип. губ. Земства, 1887. – 498 с.
3. Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии. Отчет о двухмесячной командировке старшего чиновника особых поручений при Тобольском губернаторе Н. Я. Новомбергского. Вып. 1. – Тобольск, 1898. – 420 с.
4. От учредителей общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам // Северный вестник. – 1891. – № 1. – С.46-62.
5. Письмо крестьянина И.Е. Белякова о переселении в Сибирь // Сибирские переселения. Документы и материалы. – Вып.1. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2003. – С.156-166.
6. Пушкарёва Н.Л. История повседневности как направление исторических исследований // [ЭР]. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskikh_issledovani_j_2010-03-16.htm.
7. Швецов С. П. Переселенческое движение на Алтай // Северный вестник. – 1891. – № 7. – С. 14-36.

Информация об авторах

Чуркин Михаил Константинович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета, г. Омск, Россия, e-mail: proffchurkin@yandex.ru

Information about author

Churkin Mikhail Konstantinovich – Doctor of History, Professor of Department of National History of the Omsk state pedagogical university, Omsk, Russia, e-mail: proffchurkin@yandex.ru

УДК 94(474.2)

Л.Н. Мукаева

ПОВСЕДНЕВНЫЕ БУДНИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ И ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ В ГОРНОМ АЛТАЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ и Правительства Республики Алтай № 18-49-040005 p_a

В статье рассматриваются повседневные будни и особенности экспедиционного быта и ученых-естествоиспытателей и геологов, посетивших с изыскательскими целями Горный Алтай в XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: экспедиционный быт, геолог, геоморфолог, гляциолог, исследовательские маршруты, снаряжение, транспортное обеспечение.

THE DAILY ROUTINE OF SCIENTIFIC AND GEOLOGICAL EXPEDITIONS IN THE MOUNTAIN ALTAI IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES (TO THE PROBLEM STATEMENT)

The work is executed at support of RFBR and the Government of the Republic of Altai № 18-49-040005 r_a

The article deals with the everyday life and features of expeditionary life and scientists-natural scientists and geologists who visited the Altai Mountains in the XIX – early XX centuries with survey purposes.

Keywords: expeditionary life, geologist, geomorphologist, glaciologist, research routes, equipment, transport support.

Одним из малоработанных сюжетов по истории горно-поискового дела на Алтае являются бытовые условия и повседневные будни ученых и геологов, изучавший Горный Алтай в досоветское время.

К началу XIX в. Горный Алтай оставался наименее изученным из всех регионов Алтайского округа. Этому в немалой степени способствовали удаленность от основных центров округа, труднодоступный горно-таежный рельеф местности, пересеченной бурными реками, высокими горными хребтами. К тому же в горном крае отсутствовали какие-либо пути сообщения и речные переправы. Все маршруты следования приходилось совершать только на лошадях. Экспедиционные изыскания в таких условиях требовали больших денежных и материальных затрат на необходимое снаряжение, провиант. Исследователи, отправляясь в горы, вынуждены были брать с собой лодки, кожаные сумы для укладки большого багажа, потники, теплые вещи, включая меховые шубы и куртки [3, с. 25; 7, с. 28-29].

В первой половине XIX в. регион изучали ученые с российской и общеевропейской известностью: К.Ф. Ледебер и А.А. Бунге в 1826 г., Г.П. фон Гельмерсен в 1834 г., Ф.В. Геблер в 1833-1835 гг., П.А. Чихачев в 1842 г., Г.Е. Щуровский в 1844 г., совершившие чрезвычайно сложные экспедиции по неизведанным землям, которые в исследовательской литературе именовались «terra incognita» [4, с. 110]. В 1860 – 1870-х гг. по южной кромке горного региона прошли экспедиции И. Ф. Бобкова и М.В. Певцова. К началу XX столетия Горный Алтай уже не являлся такой «terra incognita», как в XVIII – начале XIX в. В это время к детальному естественнонаучному изучению Русского Алтая приступил профессор Томского университета В.В. Сапожников, чьи экспедиции в Горный Алтай состоялись в 1895, 1897, 1899, 1905-1906 гг. Огромный вклад в научное изучение геологии, геоморфологии, петрографии Алтая внесли российский ученый финского происхождения Й.Г. Гранё, путешествовавший по Алтайским горам с 1913 по 1916 г., геологи П.П. Пилипенко, А.М. Зайцев, С.А. Яковлев и А. Юферов [7, с. 97-98].

Изыскательские маршруты в Алтайских горах в течение всего XIX в. прокладывались с большим трудом. Досоветские исследователи с риском для жизни продвигались по крутым горам. Путевые дневники А.А. Бунге, К.Ф. Ледебура, П.А. Чихачева пестрят такими высказываниями: дорога по Чарышу «была очень трудной. Узкая тропа шла по горной круче, которая от моросящего дождя стала чрезвычайно скользкой, и лошади постоянно подвергались опасности свалиться вниз»; «подъем на перевал Чике-Таман «оказался очень трудным, особенно для вьючных лошадей, из-за большой крутизны и плохой тропы, часто идущей по выступающим остриям скал» [9, с. 161, 177]. Для К.Ф. Ледебура необычайно сложным оказался путь по берегу Коргона, где «каждый шаг грозил опасностью, тропа шла по самому обрыву буквально над рекой, ...приходилось перепрыгивать расщелины, в которых зияла глубокая пропасть ... тропа нередко лепилась на крутом склоне на высоте в несколько сот

футов над уровнем моря, так что легко можно было поскользнуться и упасть в бурный поток. ... Я не знаю другого горного потока, который был бы так дик и бесноват, как Коргон, и, пересекая его, я каждый раз испытывал ужас» [9, с. 36]. Нелегко дался ему маршрут по Чарышу: «путь на этой высоте страшен! Дорога идет по той самой отвесной скалистой стене в 1500 футов, о подножие которой бьется бурный Чарыш; круто обрывающиеся скалы отступают на 3-4 фута от края, образуя уступ, по которому пролегает дальнейший путь», ему пришлось пробираться «страшной тропой над беснующимся в глубине Чарышом» [9, с. 86, 101]. Экспедиция П.А. Чихачева в 1842 г. пересекла семь бомов, – это такие места, где горы, сжимая русло реки, давали возможность пройти только по опасной тропе, нависшей над бурной рекой [4, с. 113; 11, с. 69]. Бома представляли собой узкие и скользкие тропы, «повисшие над скалами, часто совершенно перпендикулярно водному потоку» [2, 341-342; 11, с. 72, 167]. Не случайно, в трудах всех досоветских путешественников, исследовавших Алтай, остались красочные описания горно-алтайских бомов.

Опасным препятствием во время поездки по высокогорью были болота, тянувшиеся на десятки верст, в которых часто увязали лошади [9, с. 70]. Очень трудно было пробираться под проливными дождями в черневой тайге, отличавшейся многочисленными топиями, болотами, высокой травой, скрывавшей с головой всадников на лошадях.

Самым сложным делом после прохождения Катунских, Чуйских и других бомов являлась переправа через алтайские реки. К.Ф. Ледебур писал, что в экспедиции 1826 г. ему приходилось пересекать реки без всякого подспорья: мостов и лодок, то есть просто бродом через бурные реки [9, с. 33]. Если алтайские проводники хорошо знали броды через малые реки в разные месяцы полевого сезона, то переправа через бурные и полноводные особенно в мае-июне Катунь, Бию, Чую, Чулышман и Чарыш представлялась весьма сложным предприятием. П.А. Чихачев отмечал, вспоминая свое путешествие по Алтаю в 1842 г., «редкое лето, когда волны Катунь не обгаются кровью какого-нибудь живого существа» [2, с. 341; 11, с. 54]. Во время таких труднейших переправ очень многое зависело от выносливости верховых и вьючных лошадей. Проводники объясняли исследователям: «сильная лошадь может переплыть реку, но слабая утонет» [9, с. 82]. В своих работах, посвященных Горному Алтаю, все исследователи отдали должное обычной алтайской лошади, без которой не состоялась бы ни одна экспедиция по Алтаю [9, с. 68]. Лошадей для экспедиций обычно нанимали в той местности, где проходили маршруты. Как правило, с ними отправлялись проводники из местных жителей, хорошо знающие свой край. Они ухаживали за лошадьми, помогали учёным и геологам выбирать более безопасный маршрут путешествия. Проводникам часто приходилось спасать участников экспедиции, тонущих лошадей, навьюченных ценным грузом: гербариями, коллекциями минералов и пород, собранных исследователями [2, с. 342]. В 1908 г. в Горном Алтае во время переправы через разлившуюся от многодневных проливных дождей рчк. Каир-Кум трагически погиб кабинетский геолог Г.Г. Петц [5, с. 49].

Достаточно сложной во время многомесячных экспедиционных изысканий была организация питания. Руководители экспедиций лично контролировали этот вопрос, чтобы их люди не испытывали лишения. Путевые запасы продовольствия ограничивались скромным ассортиментом продуктов, которые занимали мало места в багаже и в то же время не портились в течение длительного полевого сезона. Крупы и сухари – вот главные продукты провианта путешественников по Горному Алтаю в XIX в. Хлеб не брали, поскольку во влажных условиях горной тайги он быстро плесневел. Мясо для экспедиций заготавливали особым образом: нарезанное полосками сушили в печи. Такого мяса хватало на весь полевой сезон [9, с. 45]. Этот скромный ассортимент исследователи старались немного расширить. Например, К.Ф. Ледебур к нему добавил немного риса, саго и бульонных кубиков (таблеток), небольшой запас вина для себя и водки для людей на случай ненастной холодной погоды [9, с. 62]. П.А. Чихачев вез с собой кофе, к которому он привык во время своих путешествий по Малой Азии и спиртовку для его варки и рис. Вяленое мясо быстро приедалось, поэтому исследователи старались закупить свежую баранину у местных жителей [8, с. 86.].

Так, Й.Г. Гранё покупал свежее мясо у алтайцев и староверов, но это было не часто [1, с. 192; 8, с. 16]. Часто изыскателей выручали проводники, которые могли быстро и ловко «надергать» хариусов, подстрелить дичь. Но нередко бывало и так, когда геологи и их команда вдалеке от человеческого жилья неделями оставались без продовольствия и даже без сухарей [6, с. 112]. В начале XX в. исследователи могли уже путешествовать с относительным «комфортом». Опытный полевик В.В. Сапожников детально разработал пищевой рацион, необходимый для длительной экспедиции в Алтайских горах, в который настоятельно рекомендовал включать не только сухари и сушеное мясо, а еще шоколад, консервы, сгущенное молоко, слегка подсолненное топленое молоко в бутылках, сухую зелень и даже филейную колбасу, копченые языки и головки голландского сыра [9, с. 166-167].

Поскольку путешественники в XIX в. не могли рассчитывать на ночлег в поселениях, или в таежных избушках, им приходилось заботиться об убежище в ночное время от дождя и ветра. В XIX – начале XX вв. изыскатели обязательно брали с собой палатки. К.Ф. Ледебур писал: «палатки необходимая принадлежность нашего путешествия» [9, с. 25]. Лишь в начале XX в. появилась возможность в некоторых случаях пользоваться услугами земских гостиниц в тех селах, с которых начинались многие экспедиции по высокогорным и среднегорным районам Алтая – это в Катанде, Эдигане [1, с. 197-198, 377-378].

Таким образом, любой исследователь, рискнувший двинуться в Алтайские горы, по словам П.А. Чихачева, «располагал только тем, что заблаговременно взял с собой» [11, с. 36]. В экспедиции необходимо было иметь достаточное количество лошадей, которые могли бы выдержать многомесячное путешествие, везти с собой большой запас продовольствия, снаряжение: палатки, багаж и многое другое. У каждого исследователя, путешествующего по Алтайским горам, имелась масса вещей, которые он вез с собой: книги, большой запас бумаги, кухонная утварь, запасы спиртного, предметы для меновой торговли с алтайцами, на которые можно было выменять свежие продукты [8, с. 62]. Геологи обязательно с собой брали тушь, цветные краски, инструменты для съемки и проведения разведочных работ. Кроме того, в экспедиции в XIX в. набирались толмачи-переводчики, проводники и местные жители для сопровождения лошадей.

Во время экспедиций по Алтайским горам установился следующий распорядок, описанный К.Ф. Ледебуром, П.А. Чихачевым, Й.Г. Гранё и другими исследователями. В среднем, исследователи проходили по 20-30 верст, иногда больше, иногда меньше, в зависимости от обстоятельств. Путевой дневник заполнялся, как правило, вечером, это являлось обязательным правилом для руководителя экспедиции (геологической партии) даже при большой усталости от дневного многоверстного перехода [1; 8, с. 69]. Во второй половине XIX – начале XX вв. кабинетские геологи обязаны были посылать отчеты о поисково-разведочных работах за каждые десять дней изысканий.

Таким образом, по материалам экспедиционных изысканий, которые их руководителям и участникам давались с большим напряжением сил, были изданы труды, ставшие фундаментальными сочинениями по естественнонаучной картине Горного Алтая, а поисково-разведочные работы геологов заложили прочную основу для геологического изучения Горного Алтая уже в последующее время. В отличие от современных геологических экспедиций, для которых создаются стационарные и временные базы, куда изыскателей забрасывают на машинах, или вертолетах, нанимают рабочих и поваров, экспедиционный быт ученых и геологов, проводивших исследования в Алтайских горах в досоветское время, был совершенно иным.

Список литературы

1. Гранё Й.Г. Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий. – М.: «Индик», 2012. – 608 с.
2. Мукаева Л.Н. Горно-алтайские проводники в изыскательских экспедициях досоветского времени (к постановке проблемы) // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных территорий регионов (Казахстан, Монголия, Китай. Материалы международной научно-практической конференции. / Отв. ред. Ф.И. Куликов. – Горно-Алтайск. Издательство: РИО Горно-Алтайского государственного университета. – 2014. – С. 340 – 348.
3. Мукаева Л.Н. Заселение и хозяйственное освоение русским населением Горного Алтая в досоветское время // История Горного Алтая. Часть 1. Горный Алтай в досоветский период. – Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт» ГАГУ, 1995. – С. 18 – 62.
4. Мукаева Л.Н. Из истории изучения Горного Алтая П.А. Чихачевым в 1842 г. // Вестник Томского государственного университета. 2011. – С. 110 – 116.
5. Мукаева Л.Н. Из истории геологических изысканий Г.Г. Петца на Алтае и в Горном Алтае в конце XIX – начале XX вв. // История и современность Республики Алтай. Материалы республиканской научно-исторической конференции. – Горно-Алтайск. – 2012. – с. 47 – 51.
6. Мукаева Л.Н. Из истории геологических изысканий Н.Н. Кокшарова в Горном Алтае во второй половине XIX в. // Алтай – Россия: через века в будущее. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 260-летию добровольно вхождения алтайского народа в состав Российского государства и 25-летию образования Республики Алтай: в 2 томах. – Горно-Алтайск. Издательство: Горно-Алтайский государственный университет. 2016. – С. 110-115.
7. Мукаева Л.Н. Политика Кабинета в досоветское время в Горном Алтае. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. – 112 с.
8. Мукаева Л.Н. Экспедиционные исследования финского геоморфолога Й.Г. Гранё в Северо-Восточном Алтае в начале XX в. // Полевые исследования на Алтае, в Верхнем Приобье и Прииртышье в 2017 году. Вып. 13. Материалы XIII международной научно-практической конференции. Республика Алтай. Горно-Алтайск, 24-27 апреля 2018 г. Археология, этнография, устная история. Республика Алтай. Горно-Алтайск. – Горно-Алтайск. Библиотечно-издательский центр ГАГУ – С. 156 – 165.
9. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / К.Ф. Ледебур, А.А. Бунге, К.А. Мейер. Пер. с нем. / В.В. Завалишин, Ю.П. Бубенков. – Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993. – 416 с.
10. Сапожников В.В. Пути по Русскому Алтаю. – Томск. 1912. – 166 с.
11. Чихачев П.А. Путешествие в Восточный Алтай / пер. с франц. В.В. Цыбульского. – М.: Наука, 1974. – 360 с.

Информация об авторах

Мукаева Лариса Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и археологии, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия, e-mail: larnika777@yandex.ru

Information about the author

Mukaeva Larisa Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Archeology, Gorno-Altai state University, Gorno-Altai, Russia, e-mail: larnika777@yandex.ru

А.А. Бимолданова

**ВОСПРИЯТИЕ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ КАЗАХСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ
СТЕПНОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ АДМИНИСТРАТИВНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА)**

В статье на основе архивных данных предпринята попытка рассмотреть содержание обыденного восприятия казахским населением представителей местной власти, в процессе встраивания волостного аппарата управления Степного края в унифицированную систему правительственных учреждений.

Сделан вывод о том, что в указанный период, несмотря на сильное влияние родовой традиции, наблюдается тенденция инкорпорации общеимперских элементов в повседневные практики деятельности местной системы управления.

Ключевые слова: местное управление, повседневные практики, казахские волостные управители, Степной край, Российская империя.

A.A. Bimoldanova

**THE PERCEPTION OF LOCAL AUTHORITIES OF THE KAZAKH
POPULATION OF THE STEPPE REGION
IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES.
(ON MATERIALS OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS)**

In the article on the basis of archival documents an attempt is made to consider the content of everyday perception of the representatives of local authorities by the Kazakh population, in the process of building the volost administration of the Kazakh Steppe into a unified system of government institutions.

It is concluded that in this period, despite the strong influence of the clan tradition, there is a tendency to incorporate the imperial elements into everyday practices of the local management system.

Key words: local government, everyday practices, Kazakh volost rulers, the Steppe region, the Russian Empire.

В современном гуманитарном знании активно развиваются такие направления как новая социальная история и история повседневности, предметом исследования которых являются конкретные люди, а не абстрактные теоретические конструкции общественного организма. Хотя дискуссии в отношении определения предмета исследования истории повседневности продолжаются. Как пишет российский исследователь М. С. Жулева: «Самое главное, это не то, что такое повседневность или история повседневности, а кто стоит в ее центре. История повседневности – это история тех, кто не виден большой истории, людей, которые включены в исторический процесс как рядовые участники». Таким образом, центральными в анализе повседневности являются жизненные проблемы тех, кто в основном остался безымянным в истории [2, с. 6].

По мнению современных исследователей, одним из направлений, которое должно находиться в центре внимания «историка повседневности» является история ментальностей и ментальных стереотипов (образ мыслей людей, их страхи, переживания, радости, идеалы, эмоциональные реакции на существующие правила, законы) [2, с. 6]. К истории ментальностей и ментальных стереотипов мы можем отнести обыденное восприятие

казахским населением представителей официальной власти. Проанализировать отношение рядового казахского населения к местной власти в повседневной жизни в исследуемый период чрезвычайно сложно. Письменные источники, в виде воспоминаний и мемуаров, по которым исследователь мог бы составить представление о том, что думали казахи о власти, как оценивали деятельность ее представителей, отсутствуют. Косвенными источниками для выяснения данной проблемы могут послужить материалы периодической печати и делопроизводственная документация.

Взаимоотношение населения с представителями власти происходило постоянно, например, с аульным старшиной чаще всего, достаточно регулярно с волостным управителем, с уездным начальником много реже. Все эти многообразные контакты, как со своими выборными представителями, так и с уездным начальством находили отражение в делопроизводственной переписке. В архивах отложились дела с жалобами казахов на неправильное производство выборов в степи, на деятельность должностных лиц, сама делопроизводственная переписка между должностными лицами, т.е. те случаи, когда население по тем или иным причинам вступало в отношения с представителями власти, прежде всего местной. Конечно, мы не можем сказать, что такие ситуации были достаточно обыденным явлением в кочевой среде. Но встречаются они довольно часто, и мы думаем, что в определенной степени они являются показателем повседневного отношения казахов к представителям власти.

Высшим должностным лицом в ауле являлся аульный старшина, а в волости – волостной управитель. Должности аульного старшины и волостного управителя давали определенные преимущества и, судя по архивным документам, были довольно привлекательны для казахов, хотя денежное жалование было небольшим. В архивных делах встречается много прошений потенциальных претендентов с просьбами допустить к участию в выборах [4, л. 165-166].

Готовность казахов подчиняться власти сочеталась с требованиями, которые они предъявляли к ее представителям. И мы наблюдаем, что эти требования постепенно трансформируются. Если во второй половине XIX века, прослеживается стремление казахов избрать на должности волостных управителей, аульных старшин представителей из своего родового подразделения, то уже к концу исследуемого периода все большее значение при выборе стали играть личные качества претендентов.

Однако признавая за избранным волостным управителем власть над собой, особые полномочия, данные ему, казахи продолжали видеть в нем своего «родственника», которому близки и понятны его повседневные нужды и заботы. В повседневной практике, когда возникали конфликтные ситуации, аульному старшине, а иногда и волостному управителю приходилось вмешиваться в споры для их решения.

Казахи, в какой-то степени, считали представителей местной власти, ответственными перед собой, поскольку принимали участие в ее формировании, и могли посредством участия в выборах влиять на их деятельность. Мы можем сделать вывод, что должностные лица вызывали уважение со стороны народа, с одной оговоркой, обыденное отношение простых казахов к представителям местной власти определялось в большей степени не столько самой должностью, а чаще всего родовой принадлежностью или личными качествами представителя власти.

Если рассматривать престиж власти, как выражение меры согласия казахов на подчинение, то представители власти уездного уровня очень часто встречали открытое неповиновение своим распоряжениям со стороны казахов. Даже приказания самого уездного начальника, не всегда исполнялись беспрекословно, так как казахи считали начальником, прежде всего своего родового предводителя. Идти против уездного начальства и оказывать ему неуважение не считалось у казахов нарушением. Как убедительно свидетельствуют источники, случаи неповиновения, ослушания часто имели место. Из рапорта Акмолинского уездного начальника от 12 февраля 1890 года: «...При вторичной поездке в январе месяце сего года в Кургальджинскую волость г. Спредовым лично приказано, а потом предписано

волостному управителю Кобину собрать остальных кибитковладельцев при озере Кургальджино к 22 января, куда господин Спредов прибыл 24 января, где нашел собранных кибитковладельцев партии Кульчумбаева, остальные же не только кибитковладельцы, но и четыре выборных, выбранных в декабре месяце не явились, и на требование г. Спредова, почему нет оставшихся кибитковладельцев и выборных волостной управитель доложил, что им сделано распоряжение о сборе, но они не являются» [4, л. 361].

Как видно из рапорта, казахи не подчинились распоряжению волостного управителя, и даже распоряжению представителя уездного начальства, поэтому уездным начальникам приходилось часто обращаться к помощи местного населения и прибегать к арестам, чтобы добиться исполнения своих распоряжений. Из рапорта Акмолинского уездного начальника от 22 июня 1890 года: «...а потом переехал в партию Кульчумбаева, но здесь со второго дня начались единичные драки, для уничтожения которых пришлось одного киргиза наказать арестом, на четвертый день чуть не произошла уже массовая драка, и только удержана благодаря заступничеству одного из Кульчумбаевых, местного муллы, моему и состоявших при мне двух стражников» [4, л. 361].

Властные полномочия аульных старшин и волостных управителей на фоне отсутствия должной материальной оплаты их труда являлись благодатной почвой для служебных злоупотреблений. В фондах Центрального Государственного Архива Республики Казахстан встречается большое количество дел о взяточничестве, растрате казенных денег и других должностных преступлениях [6; 7; 8; 9].

Это отразилось на отношении к ним простых людей. В целом в казахском обществе о волостных управителях сложился весьма негативный стереотип: волостной управитель - обязательно взяточник, эксплуататор, обманщик и т.д. Именно такой образ мы встречаем в казахской художественной литературе дореволюционного периода. Порядочных и добросовестных служащих, справедливых и принципиальных волостных управителей в произведениях литературы практически нет. Конечно, такие образы не рождались на пустом месте [1, с. 314].

К концу исследуемого периода, возрастает роль фигуры волостного писаря в аппарате местного управления. Объем делопроизводственной документации, начиная с 60-х гг. XIX и до начала XX вв. значительно вырос. Волостной писарь вел книги посемейных списков, приговоры и протоколы волостных съездов, и всю переписку по волостному управлению. Нередко писарь был единственным грамотным на русском языке членом волостного аппарата, что еще более усиливало его вес и влияние в глазах казахского населения. К его услугам казахи прибегали в случае необходимости составления жалоб, прошений и т.д. Подтверждением важности должности писаря служит его жалование, размер которого находится практически на уровне жалования волостного управителя: «Волостные съезды определяют жалованье волостным управителям, до избрания оных, сообразно величине и благосостоянию волости, в размере от трехсот до пятисот рублей, а также сумму на наем писарей и рассыльных в количестве от трехсот до четырехсот рублей в год» [3, с. 392].

За чисто формальными функциями волостного писаря казахи быстро узрели истинное значение этой фигуры. В прошениях казахов встречаются такие характеристики волостного писаря: «...нашим волостным писарем Нурмагомедом Каменгеровым, который пользуясь неограниченным доверием госп. крестьянского начальника распоряжается нашей волостью как своей вотчиной...», «...управитель Мусин, который подписывает то, что писарь учинит...» [10, л. 108]. Казахи понимали, что от того как писарь составит и напишет прошение, жалобу или другие бумаги зависит решение волнующих их вопросов, и поэтому стремились всячески выказать ему свое уважение, а при необходимости задобрить его различными подношениями.

Необходимо отметить отношение казахов к процессу написания прошений и жалоб, как способа взаимоотношений с властью и решения своих насущных вопросов. В исследуемый период среди казахского населения формируется практика обращения в вышестоящие органы, начиная с областного губернатора (таких прошений огромное количество) и

заканчивая обращением в Сенат, если вопрос не решался на местном уровне [5, л. 88-90]. К началу XX вв. эта тенденция усиливается.

Рассматривая взаимоотношения казахов с представителями власти, начиная со второй половины XIX до начала XX вв., мы приходим к выводу, что к концу исследуемого периода, несмотря на влияние родовой традиции, складывается тенденция восприятия казахским населением аульных старшин и волостных управителей, как представителей большой бюрократической машины государственной власти, и чем ближе волости располагаются к административному центру Степного генерал-губернаторства, тем сильнее эта тенденция проявляется.

Список литературы

1. Бимолданова А.А., Далаева Т.Т., Бекмагамбетова М.Ж. Социально-исторический портрет казахских волостных управителей Степного края Российской империи (к. XIX – нач. XX вв.) // *Bylye Gody*. – 2018. – Vol. 47. – Is. 1. – С. 310-318.
2. Жулева М.С. История повседневности жителей г. Кургана в 1929–1941 гг.: Дис. канд. ист. наук. — Курган, 2004. — 184 с.
3. Масевич М.Г., сост. Материалы по истории политического строя Казахстана / отв.ред. С.З.Зиманов. Т.1. – Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР. – 1960. – 441 с.
4. Центральный Государственный Архив Республики Казахстан (ЦГА РК). – Ф. 369. – Оп. 1. – Д. 2166.
5. ЦГА РК. – Ф. 369. – Оп. 1. – Д. 3814.
6. ЦГА РК. – Ф. 369. – Оп. 1. – Д. 614.
7. ЦГА РК. – Ф. 369. – Оп. 1. – Д. 1757.
8. ЦГА РК. – Ф. 369. – Оп. 1. – Д. 1777.
9. ЦГА РК. – Ф. 369. – Оп. 1. – Д. 1799.
10. ЦГА РК. – Ф. 369. – Оп. 1. – Д. 8836.

Информация об авторах

Бимолданова Айгуль Амантаевна – докторант, Институт истории и права, Казахский национальный педагогический университет им. Абая, г.Алматы, Казахстан, e-mail: malaeva96@mail.ru

Information about author

Aigul Bimoldanova – PhD student, Institute of History and Law of Abai Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: malaeva96@mail.ru

А.В. Литягина

**ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩИХ ЧЕРТ БЫТА У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
РАЗЛИЧНЫХ СОСЛОВИЙ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.**

В статье на основе архивного материала рассмотрено развитие фотоиндустрии в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв., затронуты вопросы книгоиздательства и книготорговли, распространения периодической печати. Сделан вывод о вхождении в быт горожан указанных явлений и о тенденции уравнивания черт повседневной жизни всех слоев населения.

Ключевые слова: отечественная история, Западная Сибирь, история повседневности, вторая половина XIX – начало XX вв.

A.V. Lityagina

**FORMATION OF COMMON FEATURES OF LIFE OF REPRESENTATIVES
OF VARIOUS ESTATES IN THE CITIES OF WESTERN SIBERIA
IN THE SECOND HALF OF XIX - THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES**

In article on the basis of archival material the development of the photoindustry in the cities of Western Siberia in the second half of XIX – the beginning of the 20th centuries is considered, the questions of publishing houses and book-trade and distribution of periodicals are raised. The conclusion is drawn on entry into life of citizens of the specified phenomena and on a tendency of equalizing of lines of everyday life of all segments of the population.

Key words: native history, Western Siberia, the history of everyday life, the second half of the 19th – the beginning of the 20th century.

Экономическая модернизация в России ускорилась во второй половине XIX в. Прогрессивное промышленное, техническое развитие неизбежно влияло на структуру российского общества, постепенно размывая сословные перегородки и формируя новую модель социальных отношений. При сохранении внешне неизменного политического строя Россия постепенно трансформировалась.

Сословная парадигма восприятия окружающего мира у современников великих реформ не могла быстро исчезнуть. И сверху, и внизу, т.е. как у власти, так и у населения были свои основания видеть общество сословно разнородным, состоящим из дворян, купцов, духовенства, мещан, военных, крестьян. Власть продолжала искать опору в дворянстве, и престиж, статус сословия сохранялся. В народе психологически устойчивым было самовосприятие себя как представителя определенного сословия. В документах, разного рода прошениях, заявлениях, обращениях и ходатайствах люди по привычке указывали себя мещанами, сыновьями и дочерьми чиновников, купцов и т.д.

Однако модернизация в условиях Российской империи также воздействовала и на существование сословного мировосприятия, и на формирование единого социального пространства, нового, бессословного общества. Можно сказать, что существовали некие силы, которые успешно, все более эффективно направляли социум в сторону стандартизации, уравнивания повседневности у представителей совершенно разных сословий. Что же это были за силы?

Важнейшими являлись институты просветительской культуры. О роли светских школ и светского образования в этом процессе мы уже ранее писали [26]. Распространение просветительских ценностей сближало духовный мир разных сословий, объединяло его. Росло число новых культурно-просветительские центров: библиотек, музеев, народных чтений и лекций, выставок [26, с. 117-132].

Однако было бы недостаточно ограничиваться только указанием на деятельность этих модернизационных институтов. Наряду с ними, на жизнь и быт людей воздействовали и другие новые явления, которые были вызваны техническим и социальным прогрессом, активизацией предпринимательской деятельности.

Рассмотрим одно из таких коммерческих предприятий, которое наряду с прочими, становилось чертой быта всех сословий.

В рассматриваемый период сначала в столицах России и крупных городах, затем – во всех остальных и по всей территории империи распространяются фотоателье. Неуклонно и уверенно росла популярность фотографирования у представителей самых разных слоев населения. В 60-х гг. XIX в. в печати того времени иронизировали по поводу стремления множества людей запечатлеть собственное изображение с помощью фотографа. В частности, известный писатель, фельетоны которого печатались на страницах петербургского журнала «Современник», с насмешкой писал о дагерротерапии и о дагерротипе [28, с. 464].

В Западной Сибири широкое распространение фотодела приходится на 90-е гг. XIX в. – начало XX. В конце 80-х – 90-е гг. XIX в. губернатору из городов региона поступало множество ходатайств на открытие собственных фотоателье. Очевидно, что был спрос, много горожан желали иметь фотопортреты. В отличие от портретов, сделанных художниками, фотография была более доступной по цене.

В 1889 г. в тобольское губернское управление поступило девять заявок на открытие в городах частных фотоателье. Разрешали далеко не всем. Так, не удалось открыть в Ишиме свое заведение шадринскому купцу К. Доронину. Причины отказа неизвестны [26, л. 2 об.]. Мещанину И. Когану было разрешено иметь фотозаведение в г. Тобольске, однако через некоторое время (примерно через два года) свидетельство на такое право у него отобрали, так как «оставив квартиру в доме дворянки Лютик, поместился в доме вдовы Краковяк в третьей части Тобольска, где никаких приспособлений для работ не имеется, таковых он не производит, заявив мне, что закрыть заведение не желает, так как имеет ввиду возобновить работы при более благоприятных обстоятельствах» [15, л. 11]. Не разрешили открыть свое фотодело и представительнице купеческого сословия А. Карповой, заподозрив ее в том, что на самом деле фотографированием будет заниматься не сама Карпова, а кто-то другой, используя ее документ на разрешение [24, л. 6-7, 11]. В 1894 г. закрыли фотозаведение мещанки Н.Н. Бердической в Тобольске, так как Бердическую заподозрили в политической неблагонадежности [21, л. 3]. Ходатайства об открытии частных фотомастерских продолжали поступать губернатору. В 1893 г. вдова провизора А.А. Роленбок пожелала открыть подобное заведение в Тюмени [21, л. 3]. В этом же году было выдано свидетельство на право заведения в Тюмени саранскому мещанину В.М. Шапошникову [20, л. 27]. Ходатайство жителя Варшавы А. Буйневича о разрешении ему заняться фотоискусством в Тобольской губернии увенчалось успехом. Ему разрешили, правда, не по всей губернии, а только в г. Таре [18, л. 21 об.]. В эти же годы позволено было учредить фотомастерскую в Туринске и Таре почетному гражданину И.И. Дюкову [16, л. 9, 16], в Тюмени – мещанину В. Кривошеину [15, л. 11].

Однако очень многим благополучно разрешали открывать фотозаведения и получать доход с него. Так, в Томске в 1887 г. ссыльному Ф.Я. Лонскому разрешили открыть фотомастерскую, предварительно выяснив, что поведения он хорошего [7, л. 1]. В это время в Томске уже существовало три подобных заведения: купца А.П. Дуровина, мещанина П.А. Милевского и уроженца Финляндии Н.И. Снельмана [6, л. 4]. В Барнауле и Бийске в 1887 г. было по две фотомастерских [6, л. 4] (в последнем к 1895 г. добавилась еще одна [9, л. 13]), в Кузнецке в 1895 г. – одна, в Каинске – одна, в Мариинске было четыре, но

«жена титулярного советника Е. Андреева свою закрыла и выехала в г. Тобольск» [8, л. 15, 25, 36]. Таким образом, здесь осталось три фотозаведения, что для маленького городка Томской губернии было весьма немало.

Предприниматели, получающие свидетельство на право открытия фотозаведения, обязаны были дать расписку подобного рода: «1893 г., 3 июня. Я, нижеподписавшаяся дочь священника А. Попова, дала эту подписку господину тобольскому полицмейстеру в том, что присланные при предписании 1-го отделения тобольского общественного губернского управления от 29 мая за № 2097, аттестат об образовании за № 315, удостоверение о поведении за № 9920 и свидетельство на открытие фотографии в г. Таре за № 2098 я получила и обязуюсь соблюдать все законоположения и правительственные распоряжения, и что лица из политических ссыльных к работам в фотозаведении допускаться не будут, а также не будут сниматься фотографические изображения с лиц, пересылаемых под стражей и состоящие под надзором полиции» [19, л. 7-7 об.] (стилистические особенности документа сохранены – А.Л.).

Спрос на фотографирование в городах региона продолжал увеличиваться, количество предложений продолжало расти. В 1910 г. в молодом городе Новониколаевске было уже 10 фотозаведений [2, л. 61 об.].

Есть данные и о прибыльности этого промысла. Мы располагаем подобными сведениями по г. Кургану. За 1889 г. фотозаведение Д. Панкратьева, открытое 18 августа 1889 г., за несколько месяцев выполнило 25 работ на сумму 80 руб. [13, л.23]. Второе фотоателье, (владелец – А. Бах), проработало к отчетному периоду больше (так как было открыто 23 мая 1888 г.), исполнило 32 работы на сумму 1251 руб. [13, л. 23 об.]. В последнем случае, как видим, примерно за год работы фотограф получил довольно солидный по меркам среднего сибирского города доход. Даже с учетом вычета из полученной прибыли расходов на материалы и обустройство заведения, сумма все равно остаётся приемлемой для источника средств к существованию. Доходы владельца фотомастерской при уже обустроенной, оснащенной всем необходимым постоянной профессиональной деятельности сопоставимы с бюджетом высокопоставленных чиновников (кроме губернатора), штаб-офицерских чинов, купцов 2-й и 3-й гильдии. Семейный бюджет этих категорий населения составлял от 1000 до 1500 руб. в год, они могли себе позволить нанимать горничную, кухарку и кучера, иметь пару лошадей и корову, питаться вкусно и разнообразно, носить нарядную, европейскую одежду, оплачивать лечение, приглашать учителя своим детям, заниматься благотворительностью [25, с. 270-271].

Фотомастерские были демократичными учреждениями с точки зрения предложения услуг всем слоям населения, без различия сословного и социального статуса. Принципиальным, пожалуй, было только одно условие – способность заплатить за фотографию.

Открытыми для всех западно-сибирских горожан были также двери и некоторых других учреждений, связанных с модернизационными процессами: книжных магазинов, библиотек. Таких заведений в рассматриваемый период также появлялось много. Губернское управление также выдавало специальные свидетельства на торговлю книгами.

Так, смотритель томского духовного училища П. Макушин получил свидетельство от губернатора на основании «Высочайшего повеления 6 апреля 1865 г.» о том, что ему можно открыть в г. Томске книжную торговлю под фирмой «Сибирский книжный магазин в г. Томске» [5, л. 3]. В 1893 г. таковое было выдано «запасно-отпускному рядовому из крестьян Тульской губернии» А.Т. Мазурову на право открытия им книжной и картинной торговли в г. Тобольске [22, л. 3]. Разрешено было также открывать книжную и картинную торговлю крестьянину Тульской губернии Я. Лопухову и екатеринбургскому купцу В.И. Иовлеву на время Никольской ярмарки в г. Ишиме [12, л. 15 об.; 18, л. 18].

А вот М. Тимофеевской, «жене 2-й гильдии купца», сначала разрешили открыть в г. Тюмени книжный магазин и публичную библиотеку, но по каким-то причинам вскоре удостоверение отобрали [11].

Наблюдалось увеличение числа типографий в городах. Если в 60-70-е гг. таковых было всего лишь несколько, то в 80-90-е гг. таких городов становится уже 23 [1, с.26]. В начале XX в. в связи с успешным социально-экономическими и культурным освоением региона укрепляются прежние книгоиздающие центры, появляются новые. Увеличивается число типографий в сибирских городах. Так, в Новониколаевске в 1910 г. было две типографии, в 1913 г. – уже четыре [2, л. 61, 135].

Газеты и журналы, вызывавшие интерес у читателей, объединяли горожан интересом к публикациям, самими публикациями, направлявшими свое внимание на злободневные сибирские вопросы. Прочно заняли свое место в повседневности сибиряков «Губернские ведомости», издававшиеся в Томске, Тобольске, Омске и других губернских центрах. Выделялись деятельные, творческие редакторы газет – Д.Л. Кузнецов, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, Е.В. Корш, Е.М. Кузнецов, К.М. Голодников, делавшие издания содержательными, интересными, актуальными для читателей. Появляется и целый ряд местных сотрудников и корреспондентов не только во всех губернских центрах, но и в уездных городах и селах, что свидетельствовало о наличии грамотных, неравнодушных к общественной жизни людей в регионе в целом. В.В. Шевцов, изучив «Губернские ведомости» Западной и Восточной Сибири, отмечает, что «чтение как элемент городской культуры распространялось среди образованных представителей сибирского купечества, находивших в газетных публикациях свой практический интерес, грамотных обывателей, интересующихся новостями, хозяйственной информацией или советами по домоводству» [29, с. 47].

В начале XX в. увеличивается число ходатайств к губернаторам об открытии новых периодических изданий. Так, «мещанин города Варшавы», проживающий в Барнауле, В.К. Кассенберг пожелал издавать газету «Сибирская копейка». В своем заявлении томскому губернатору он подробно описал структуру будущего издания, его отделы, из которых видно, что «Сибирская копейка» должна была доносить до всех желающих на нее подписаться ежедневные новости страны и региона, актуальные статьи и обзоры печати, литературный и юмористический разделы, различную справочную информацию – все то, что может заинтересовать любого грамотного человека. Подписная цена предполагалась три рубля в год. Губернатор разрешил издавать эту газету [10, л. 3]. В 1911 г. было выдано свидетельство «сыну чиновника» В.Е. Воложанину о разрешении ему издавать в Томске ежедневную газету «Утро Сибири». Последнее также было адресовано любому читателю, подписная цена на нее составляла шесть рублей в год [4, л. 5]. В 1912 г. губернатор разрешил издавать газету «Алтайское дело» мещанину Н.П. Литвинову в г. Новониколаевске. Свидетельство последнему было выдано, несмотря на то, что накануне, в 1911 г., из жандармерии губернатору прислали на Литвинова отрицательную характеристику, отмечая его политическую неблагонадежность. В сообщении указывалось, что Литвинов состоял гласным новониколаевской городской думы, владел типографией, издавал газету «Народный голос», «которая стала на страже интересов трудящихся масс. ... Вообще, Литвинов был аккуратным посетителем всех в г. Новониколаевске и на станции Обь митингов и известен в городе как один из наиболее «передовых» общественных деятелей» [3, л. 2, 20 об., 54]. Однако донесение жандарма не убедило губернатора, и в статистической ведомости по г. Новониколаевску указано наличие типографии и книжного магазина Н.П. Литвинова [2, л. 135]. Газета выходила до 1917 г. [27].

В целом, накануне 1917 г. в городах Западной Сибири наблюдался подъем издательского дела, губернаторы постоянно получали от отдельных лиц заявления о желании издавать новые газеты и журналы. Одни периодические издания закрывались, другие открывались, интерес горожан к новым газетам и журналам набирал силу.

Рассмотренные нами новые явления жизни региона, вошедшие в быт горожан в предреволюционное время, позволяют говорить о наличии четкой, прочной тенденции уравнивания образа жизни населения. В условиях роста грамотности молодого поколения, распространения просветительской культуры, расширения возможностей для чтения разнообразной литературы как библиотечной, так и купленной в книжных лавках и магазинах, происходила

своего рода унификация ценностного мира представителей разных сословий. Этому же способствовало чтение газет. Общими становились и явления повседневной жизни, связанные с коммерческой сферой услуг. Таким образом, в российской империи с самодержавной, царской властью, с отсутствием развитого гражданского общества, с отставанием в плане демократизации от западноевропейского мира, тем не менее, происходили весьма либеральные процессы. На окраине империи, в западно-сибирском регионе среди представителей всех сословий распространялись черты светской жизни, ценности просвещения, общие явления быта. Вкупе с распространением в окружающей городской действительности музеев, театров, выставок, кинематографа, общих праздников (День города, например, и т.д.) повседневная жизнь горожан двигалась в сторону все большей демократизации и гражданственности.

Список литературы

1. Волкова В.Н. Сибирское книгоиздание второй половины XIX века. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1995. – 239 с.
2. Государственный архив Томской области (далее: ГАТО). – Ф. 3. – Оп. 12. – Д. 3994.
3. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 13. – Д. 2100.
4. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 13. – Д. 2101.
5. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 18. – Д. 522.
6. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 2651.
7. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 2634.
8. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 2737.
9. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 3674.
10. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 56. – Д. 400.
11. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее: ГБУТО «ГА в Тобольске»). – Ф. 152. – Оп. 12. – Д. 186.
12. ГБУТО «ГА в Тобольске». – Ф. 152. – Оп. 12. – Д. 198.
13. ГБУТО «ГА в Тобольске». – Ф. 152. – Оп. 12. – Д. 200.
14. ГБУТО «ГА в Тобольске». – Ф. 152. – Оп. 12. – Д. 203.
15. ГБУТО «ГА в Тобольске». – Ф. 152. – Оп. 13. – Д. 27.
16. ГБУТО «ГА в Тобольске». – Ф. 152. – Оп. 13. – Д. 29.
17. ГБУТО «ГА в Тобольске». – Ф. 152. – Оп. 13. – Д. 34.
18. ГБУТО «ГА в Тобольске». – Ф. 152. – Оп. 13. – Д. 57.
19. ГБУТО «ГА в Тобольске». – Ф. 152. – Оп. 14. – Д. 78.
20. ГБУТО «ГА в Тобольске». – Ф. 152. – Оп. 14. – Д. 88.
21. ГБУТО «ГА в Тобольске». – Ф. 152. – Оп. 14. – Д. 90.
22. ГБУТО «ГА в Тобольске». – Ф. 162. – Оп. 14. – Д. 85.
23. ГБУТО «ГА в Тобольске». – Ф. 152. – Оп. 12. – Д. 190.
24. ГБУТО «ГА в Тобольске». – Ф. 152. – Оп. 12. – Д. 201.
25. Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). – Новосибирск: ИД «Сова», 2004. – С. 270-271.
26. Литягина А.В. Светское просвещение и повседневная жизнь горожан Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. – Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2014. – 180 с.
27. О чём писали первые газеты Новониколаевска? // Вечерний Новосибирск. – 2006. – 6 октября. – <http://vn.ru/index.php?id=80754> (дата обращения 22.03.2018 г.)
28. Панаев И.И. Избранные произведения. – М.: Гослитиздат, 1962. – С. 464.
29. Шевцов В.В. Формирование и развитие губернской официальной прессы Сибири во второй половине XIX – начале XX века. – Автореф. доктора ист. наук. – Томск: ТГУ, 2014. – 52 с.

Информация об авторах

Литягина Алла Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия, e-mail: alityagina@yandex.ru

Information about the autor

Lityagina Alla Vladimirovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of historical, legal and social-humanitarian disciplines of The Shukshin Altay State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia, e-mail: alityagina@yandex.ru

УДК 94(571)

А.В. Литягина, С.В. Аброськин

ГАЗЕТА «АЛТАЙ» О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ БИЙСКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Целью статьи является исследование повседневной жизни города Бийска в годы Первой мировой войны на основе данных газеты тех лет «Алтай». Предпринимается попытка проанализировать отражение повседневности тылового города на страницах источника, сопоставить данные за разные годы, оценить ценность публикаций газеты для восстановления картины повседневной жизни г. Бийска.

Ключевые слова и фразы: повседневная жизнь, Бийск, Первая мировая война, периодическая печать.

A.V. Lityagina, S. V. Abroskin

“ALTAI” NEWSPAPER ABOUT EVERYDAY LIFE OF BIYSK IN THE YEARS OF WORLD WAR I

The purpose of the article is the research of everyday life of the city of Biysk in the years of World War I on the basis of data of the newspaper “Altai” of those years. An attempt is made to analyze the reflection of the daily life of the rear city on the pages of the source, to compare the data for different years, to evaluate the value of the newspaper's publications for restoring the picture of everyday life in Biysk

Key words and phrases: daily life, Biysk, Great war, periodical press.

В истории каждого народа есть знаковые события, которые определили дальнейшее развитие на многие годы вперед. Только спустя время люди приходят к полноценному пониманию того, что стояло на карте, чему они были непосредственными свидетелями. Сменяются поколения, которые начинают проявлять больший интерес к историческому прошлому, анализировать каждый день, каждый час, пытаются определить место и роль конкретного человека в событии. В настоящее время начинается возрождение интереса к Первой мировой войне, в которой можно найти ответы на некоторые вопросы современности.

Основное внимание в нашей статье будет уделяться повседневной жизни города Бийска в годы Первой мировой войны на основе анализа периодической печати, в частности газеты «Алтай».

Как справедливо отмечал М.В. Шиловский, «среди источников богатством фактического материала выделяется периодическая печать, которая не только аккумулировала информацию о событиях военного времени в рамках определенной территории, но и отражала настроения населения, различные проявления его социального поведения» [15, с.10].

Газета «Алтай» - ежедневное (кроме праздничных дней) печатное издание города Бийска, издававшаяся преимущественно в дореволюционный период.

О периодической печати как весьма своеобразном историческом источнике писали и пишут многие авторы [3]. Источник связан с обстоятельствами своего возникновения, с целями и задачами, которые ставились первоначально при его создании и так или иначе отражает ту социальную реальность, которая была контекстом при его возникновении. Материалы периодической печати создавались для удовлетворения практических нужд, несли информацию для населения и формировали общественное мнение. Исследователями справедливо отмечается, что «значение прессы как источника для историка не следует ни недооценивать, ни преувеличивать» [5, с. 107]. Необходим комплексный анализ любого события с использованием архивных документов и других источников, их сопоставление.

Именно пресса дает самую разнообразную и богатую информацию о прошлом. Но для получения достоверных выводов об исследуемом предмете к сведениям из прессы следует относиться весьма скептически, так как в реальности то, о чем писали газеты и журналы, могло быть совершенно иным. Информация из периодики может сознательно или ошибочно искажать реальную картину прошлого. Однако и игнорировать данные прессы нельзя. Изучая то или иное событие по газетным и журнальным публикациям, можно получить выводы о том, например, к созданию какого общественного мнения стремилась периодика, излагая о событии или людях, какие актуальные для того времени вопросы поднимала, какие оценки давала чему-либо, какая информация из номера в номер сообщалась и т.д.

В данной статье по материалам газеты «Алтай» мы стремимся охарактеризовать повседневность г. Бийска в годы Первой мировой войны. Газетные публикации не являются зеркальным отражением того, что было, но важную и нужную информацию, отчасти содержат.

На ее страницах можно встретить сообщение о том, что она является «внепартийной и прогрессивной газетой». На основании данного факта можно предположить, что она на тот период не была подвержена влиянию со стороны государственной власти и стремилась с объективностью представлять все происходящие в стране и в городе события и явления. По существу, она была посвящена актуальным государственным вопросам и событиям страны (например, рубрика, связанная с войной 1914-1917 гг., государственный переворот 1917 г., деятельность Государственной думы и др.), а также освещала повседневную жизнь города (например, рубрики «Местная жизнь», «Хроника», «Объявления» и т.д.). В публикациях газеты получали отражение экономическая, общественная, культурная стороны жизни города, т.е. издание было посвящено повседневности. Издателем, (а позже и редактором) являлся П.В. Орнатский, редактором – А.М. Аносов.

В нашей стране Первая мировая война стала забытой войной XX в. Практически нет ни памятников, ни почестей солдатам, о героях вообще никто не вспоминает. Объяснение данному факту кроется, прежде всего, в том, что за ней последовали события (революции, войны, технические прорывы), которые наложили свой отпечаток и привели к полному угасанию интереса. Пришло время, чтобы вспомнить о тех событиях и рассмотреть, какое влияние они оказали на жителей обычного тылового города. Таким образом, ни в коем случае нельзя преуменьшать роль войны в мировой истории, ведь она стала одним из самых крупных военных столкновений XX в.

Необходимо дать небольшую характеристику Бийска в целом перед началом войны. Во второй половине XIX – начале XX вв. Бийск являлся характерным средним сибирским городом. Все социально-экономические процессы протекали под воздействием утверждения и развития капитализма в Сибири, что и определяло формирование населения города, его численность, состав и структуру занятости. Национальный и конфессиональный состав был неоднородным [1].

Анализируя промышленное развитие Бийска, можно отметить закономерность, что он в значительной мере отставал не только от городов Европейской России, но и от крупнейших городов региона. Однако наряду с этим можно выделить положительную тенденцию, которая выражалась в росте городской промышленности, а также возрастание ее доли в экономике города.

Подтверждение данному факту можно найти в том, что в начале XX в. начали появляться крупные промышленные предприятия фабричного типа (например, льноткацкая фабрика братьев Бородиных, кожевенный завод, паровая мельница Е.Г. Морозовой, лесопильный завод Г.П. Исаева, мельница Я.М. Бахтина) [1, с. 50].

Следует помнить, что в рассматриваемый период Бийск по большей мере являлся торговым центром, и торговля играла значительную роль в занятиях жителей. В начале XX в. заметную роль в жизни горожан начинают играть органы самоуправления.

Нами просмотрены номера газеты «Алтай» за 1915, 1916 и 1917 гг.

Из номера в номер, по-прежнему, как и в довоенное время, в «Алтае» размещалась реклама торговых и промышленных заведений Бийска, частных медицинских услуг, спектаклей и кинофильмов в местных театрах. Это напоминало довоенное время. Однако публикации о войне тут же возвращали в реальность: военные будни тыла.

Чаще всего материалы, связанные с военным бытом, помещались в разделе «Хроника». Здесь публиковались сообщения о выдаче пособий семьям мобилизованных, о благотворительной деятельности и сборе пожертвований Бийского отдела Сибирского общества на нужды фронта, о раненых на войне земляках и т.п.

Рядом располагалась рубрика «письма в редакцию». В одном из таких «Писем» сообщалось: «Господин Редактор! Позвольте через посредство Вашей газеты выразить мою искреннюю благодарность всем отзывчивым людям и в особенности госпоже Ченстоховой, поддерживавшим во время моего пребывания на войне мое семейство. Вернувшийся с войны раненый солдат Яков Данилов» [4, с. 4].

В газете давалась информация о наличии в Бийском уезде хлебных запасов. Это отражало обеспокоенность населения продовольственным положением города в сложных условиях войны. Так, отмечалось, что по данным на 1 февраля 1915 г. пшеницы было 7293,796 пуд., ржи 98709 пуд., овса 1,886,146 пуд., ячменя 116114 пудов [14, с. 4].

Проходили благотворительные мероприятия. В газете за 15 марта сообщалось о проведении Бийским отделом Сибирского общества в городе Вербного базара, выручка от которого предназначалась в пользу данного Общества. Газета сообщала, что плодотворная деятельность Сибирского общества на войне, на передовых позициях, зарегистрирована уже и столичной печатью, и специально командированными уполномоченными от Союза городов. Председатель А. Хакин, который являлся автором данной заметки, надеялся на успех данного мероприятия [6, с. 3].

Проводились детские новогодние праздники, носившие благотворительный характер. Так, газета сообщала о прошедшем праздничном вечере, в котором принимали участие дети в возрасте 8-11 лет (учащиеся начальной школы г. Желтоуховой) в пользу раненых воинов. Отмечалось, что программа для детского вечера была даже слишком насыщенной. Вначале дети исполняли национальный гимн. Затем играли спектакль, читали стихи. Мероприятие прошло на высоком уровне [8, с.3]. Здесь же анонсировалось проведение елки для детей запасных воинов и ратников, ушедших на фронт. Она должна была проходить, по данным газеты, в Катехизаторском училище 2 и 3 января. Указывалось количество детей от 8

до 13 лет (800 чел.), которым будут вручены билеты на новогодний праздник, а также число детей младшего возраста (600 чел.), которым будут вручены новогодние подарки.

Газета ссылалась на сведения полицейского управления, согласно которым к марту 1915 г. через город проехало двести тридцать восемь раненых. Здесь же сообщалось о раненых из Бийского и Кузнецкого уездов. Указывалось, куда именно были ранены бойцы (в руку, в спину и т.д.), и где находятся на лечении или уже вновь отправлены на фронт [11, с. 4].

Из Бийска отправлялись и военнопленные австрийцы. Первая партия была отправлена по железной дороге 16 марта 1915 г. в Каинский уезд. Кроме низших чинов отправлялась и часть офицеров [13, с. 4].

В газете за 1916 г. появляется заметно больше сообщений о кризисных явлениях в жизни города. Не могли привезти дрова. Городская управа «никак не могла найти возчиков для перевозки дров для соколовского лестничества». Сообщалось, что возчики соглашались лишь при условии оплаты им за доставку дров по одному пуду овса за каждую доставленную сажень дров [9, с. 4].

«Жгучим» стал вопрос о приюте детей, ставших сиротами из-за войны. Так, 5 сентября состоялось заседание Бийского благотворительного общества по этому вопросу. Приют был, как сообщалось, переполнен. Размер помещения позволял без вреда для здоровья содержать 50 детей, а было уже 67, и шли многочисленные просьбы о принятии в данное благотворительное учреждение еще детей [10, с.4.].

Сообщалось о «папиросном» кризисе. Почти все мелкие торговцы прекратили торговлю папиросами высшего сорта из-за отсутствия их у оптовиков [9, с. 4].

Более объемной и содержательной стала рубрика «Письма солдат» [9, с. 4].

Номера газеты за 1917 г. отражали политические события в стране и в городе, смену власти, будни тыла.

Необходимо отметить, что в последнее время на государственном уровне происходит пересмотр отношения к Первой мировой войне. В 2012 г. в календаре памятных дат 1 августа объявили Днем памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914-1918 гг. В стороне не остался и Бийск. В 2014 г. на стене здания физико-математического факультета АГППУ им. В.М. Шукшина (бывшая Николаевская женская гимназия) администрация города совместно с жителями установили мемориальную доску. Данное обстоятельство стало одним из напоминаний о том, что именно в этом здании в 1915 г. размещался военный госпиталь для раненых и увечных воинов Первой мировой войны.

Таким образом, газета «Алтай» дает ценную информацию о повседневной жизни города в годы Первой мировой войны. Она отражает существенную сторону военного быта, помощь фронту, проведение различных благотворительных мероприятий, наличие госпиталей, тяжелую жизнь людей в годы войны. Наряду с сохранением довоенных черт повседневности Бийска добавились новые, мрачные краски, связанные с войной. Тыловые районы (Бийск и Бийский уезд) организовывали фонды сбора денежных средств, госпитали, снабжали армию продовольствием, разворачивали военно-промышленное производство и многое другое. Все вышеуказанные факты получили непосредственное отражение на страницах газеты «Алтай». В сопоставлении с другими историческими источниками (архивными материалами, статистикой и т.д.) можно раскрыть более полную и достоверную картину повседневности г. Бийска и Бийского уезда в годы Первой мировой войны.

Список литературы

1. Гончаров Ю.М., Литягина А.В. Очерки истории города Бийска (вторая половина XIX – начало XX века). – Барнаул: Изд-во «Аз Бука», 2009. – 276 с.
2. Местная жизнь // Алтай. – 1915. – 19 марта. Ст. № 62 – С. 3;
3. Никаев Х.Р. Материалы периодической печати как исторический источник // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 9. – С. 74-82.
4. Письма в редакцию // Алтай. 1915. – 20 мая. – С.4.
5. Сесицкая А.С. Периодическая печать как источник по истории Великой Отечественной войны (по материалам камчатской прессы) // Вестник Краунц. - Серия «Гуманитарные науки». – № 1 (19). – 2012. – С. 107-111.
6. Хакин А. Вербный базар // Алтай. – 1915. – 15 марта.
7. Хроника // Алтай 1915.– 31 марта.
8. Хроника // Алтай. – 1915. – 1 января.
9. Хроника // Алтай. – 1916. – 10 февраля
10. Хроника // Алтай. – 1916. – 7 сентября
11. Хроника // Алтай. – 1915 г. – 28 марта.
12. Хроника // Алтай. – 1915. – 1 января.
13. Хроника // Алтай. – 1915. – 15 марта.
14. Хроника // Алтай. – 1915. – 19 марта.
15. Шиловский М. В. Первая мировая война 1914-1918 годов и Сибирь / отв. ред. В. П. Зиновьев; Рос. Акад. Наук, Сиб. отд-ние, Институт истории. – Новосибирск: Автограф, 2015. – 330 с.

Информация об авторах

Литягина Алла Владимировна – к.и.н., доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия, e-mail: alityagina@yandex.ru

Аброськин Сергей Васильевич – студент факультета истории и права Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия, e-mail: abroskin1997@bk.ru

Information about the autor

Lityagina Alla Vladimirovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of historical, legal and social-humanitarian disciplines of The Shukshin Altay State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia, e-mail: alityagina@yandex.ru

Abroskin Sergey Vasilievich – student of the faculty of history and law of The Shukshin Altay State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia, e-mail: abroskin1997@bk.ru

СОВЕТСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 94 (571)

Г.Б. Эшматова

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В 20-30-Е ГГ. XX В.

После установления Советской власти в Горном Алтае стала создаваться сеть культурно-просветительных учреждений. В данной работе делается попытка освещения культурно-просветительной работы в регионе в 20-30-е гг. XX в.

Ключевые слова: советская власть, культурная революция, культурно-просветительные учреждения.

G.B. Eshmatova

CULTURAL INSTITUTIONS OF THE ALTAI MOUNTAINS IN THE 20-30-IES. IN THE TWENTIETH CENTURY

After the establishment of Soviet power in the Altai Mountains began to create a network of cultural and educational institutions. In this work, an attempt is made to cover the cultural and educational work in the region in the 20-30s of the XX century.

Key words: the Soviet regime, cultural revolution, cultural institutions.

Становление и развитие культурно-просветительной работы как самостоятельной области культурной и идеологической деятельности началось после победы Октябрьской революции 1917 г. и было непосредственно связано с осуществлением в СССР культурной революции. Целью, которой было формирование «нового человека» – советского. Он должен был отличаться от прежнего – «старорежимного». В первую очередь должен быть грамотным, широко образованным, идейно убежденным и сознательным. Такой человек не должен был иметь сословных и религиозных предрассудков, поскольку наличие их не позволило бы осуществить задачу – создать общество нового типа.

Культурно-просветительная работа рассматривалась как часть партийного дела, вместе с тем, как осуществление культурно-воспитательной функции Советского государства. Задачи социалистического строительства настоятельно диктовали ликвидацию безграмотности, повышение культуры, в том числе политической. Ликвидация безграмотности проводилась в рамках культурно-просветительной работы.

По данным переписи 1897 г., грамотных в Горном Алтае насчитывалось 1480 чел., из них мужчин 1149 чел., женщин – 331. Кочевое население было преимущественно сосредоточено в Южном Алтае. Так, в Чуйском районе (Улаганский, Кош-Агачский аймаки) из 4628 чел. – грамотных было всего 21, в Левобережном (Онгудайский, Шебалинский аймаки) из 8376 чел. – только 14 грамотных (в том числе 3 женщины), а в Западном районе (Усть-Канский, Усть-Коксинский аймаки) – ни одного [4, с. 294–295, 278–279].

Революционные и военные потрясения в России в начале XX в. с особой силой обнажили необходимость преодоления культурной отсталости людей, основой которой была неграмотность. Ликвидация неграмотности в Горном Алтае началась в 1920 г., но была прервана в связи с вооруженными восстаниями. Планомерная работа по ликвидации неграмотности наладилась с 1923 г.

Грамотность населения области по данным переписей [9, с. 22].

	1920 г.	1939 г.
Всего населения (тыс. чел.)	82,9	162,4
В т.ч. алтайцев (тыс. чел.)	34,6	39,3
% грамотности всего населения	14,5	81
В т.ч. % грамотности алтайцев	6,0	73,6

Ликвидация неграмотности завершилась в Горном Алтае в 1937 г., когда грамотность населения области в возрасте от 8 до 50 лет составила 86% [10, с. 61]. Не все слои населения были до конца охвачены обучением, это были преимущественно люди зрелого возраста, домохозяйки, охотники и пастухи. По данным переписи 1939 г. уровень грамотности среди алтайцев составил 73,6% [9, с. 22].

Большую роль в ликвидации неграмотности у населения, особенно у сельского, сыграли избы-читальни, а у коренного населения – юрты-передвижки.

Сеть изб-читален и юрт-передвижек [1].

Годы	Количество изб-читален	Количество юрт-передвижек
1924–25	7	1
1925–26	10	3
1926–27	12	5
1927–28	21	14
1928–29	44	14

Наряду с ними стали создаваться стационарные культурно-просветительные учреждения «Дома культуры алтайки» – это комплекс мероприятий по обучению грамоте, улучшению бытовых условий и повышению общекультурного уровня женщины-алтайки. Кроме того, «Дом культуры» решал задачи агрономического и зоотехнического обучения и элементарного политического образования. Первый «Дом культуры алтайки» был открыт в конце 1929 г. в с. Онгуде, а затем в Улагане, Кош-Агаче и Усть-Кане [11, с. 32].

Незаменимой формой просвещения среди кочевого населения долгое время были универсальные культурно-просветительные учреждения – красные юрты («кызыл айлы») и красные уголки. Красная юрта вела политико-массовую, культурно-воспитательную и оздоровительную работу среди кочевого народа и отдаленных от центра национальных поселений. В красных уголках протекала вся культурная деятельность, к 1936 г. в области насчитывалось 296 красных уголков [8, с. 109].

Одним из главных очагов культуры были народные дома и клубы. Только в первом полугодии 1920 г., в народных домах Горного Алтая состоялось 100 спектаклей, которые посетили более 36 тыс. зрителей. В печати сообщалось о значимости народных домов: «...В феврале месяце в Караколо-Куроте Онгудайского аймака, был отремонтирован народный дом. 22 февраля был поставлен первый спектакль. Шла пьеса «За голубой лошадыю. На спектакле были граждане двух урочищ – Каракола и Куроты – как алтайцы, так и русские в количестве не менее 100 чел. некоторые граждане не знали до этого, что собой представляет народный дом и только теперь поняли, зачем он нужен крестьянину» [6, с. 1].

Немаловажную роль в культурно-просветительной работе играли и клубы. К середине 1930-х гг. их число увеличилось до 75 [8, с. 109].

Повышение культурного уровня населения было взаимосвязано с библиотечной работой. Первая общедоступная библиотека-читальня была открыта 9 февраля 1920 г. по решению Улалинского райревкома [5, с. 19]. В области началась работа по превращению библиотек в культурные центры сел. Число библиотек быстро росло, если в 1922 г. их было 16, то в 1936 их стало 52. Увеличился и книжный фонд – с 8400 книг в 1922 г. до 61279 – в 1937 г. [9, с. 21; 7, с. 339].

Большое место в просветительской деятельности играла художественная самодеятельность. Особым успехом пользовалась «живая газета» «Синяя блуза» (на русском языке) и «Кызыл Дьылдыс» («Красная звезда») (на алтайском языке), «политсуды». В 1932 г. на базе художественной самодеятельности в Горно-Алтайске открылся драматический театр, в 1936 г. – кинотеатр со стационарной звуковой киноаппаратурой.

Определенную роль в просвещении населения играла периодическая печать. Начало процесса становления местной печати положили газеты – «Кызыл Ойрот» и «Ойротский край». Обе газеты систематически публиковали материалы об условиях жизни и быта алтайцев, о формах и методах работы партийных ячеек среди алтайского населения, разъясняли вопросы национальной политики, ленинского кооперативного плана и др. К 1934 г. в области уже выходило 18 местных газет. Постепенно росли ряды селькоров областных и аймачных газет: в 1924 г. их было 20, в 1930 г. – 550, в 1934 г. – 970 [7, с. 333, 334].

Заметное место в системе учреждений культуры занимало издание книг на алтайском языке. Если в 1923 г. вышло всего 2 книги, то к 1929 г. – 69 книг [7, с. 334]. Среди них была учебная и художественная литература.

Существенную роль в улучшении работы культурно-просветительных учреждений играли радио- и кинопередвижки.

Сеть кино-радио, 1928 г. [2].

Название аймака	Количество кинопередвижек	Радиоустановки	В каких селах находятся
Майминский	1	1	Майма-Чергачак
Чемальский	1	1	Чемал
Лебедской	1	3	Курево, Турочак, Кебезень
Успенский	–	2	Чоя, Паспаул
Усть-Канский	1	1	Усть-Кан
Шебалинский	1	1	Шебалино
Уймонский	1	1	Усть-Кокса
Кош-Агачский	1	–	Кош-Агач
Онгудайский	1	1	Онгудай

В рассматриваемый период была заложена основа музейной сети. Возникновение первого музея стало возможным благодаря Каракорум-Алтайской Уездной Земской Управе (Алтайская Горная Дума), созданной в 1917 г. Для создания музея в 1918 г. были закуплены археологические, минералогические, палеонтологические коллекции, научная библиотека и архив сибирских краеведов С.И. и Н.С. Гуляевых.

С 1928–1930 гг. музей проводил по аймакам области первые экспедиции по исследованию археологических памятников, полезных ископаемых, красящих и лекарственных растений, местонахождений целебных источников и по сбору этнографического материала, в последующие годы коллекции музея пополнялись [3].

Таким образом, практическая деятельность культурно-просветительных учреждений выступала составной частью политико-идеологической работы с населением по внедрению нового мышления. Все ее формы и методы были направлены на решение задач национальной программы культурного просвещения. Была создана развернутая инфраструктура культурно-просветительных учреждений, выполняющая задачу удовлетворения духовных потребностей населения.

Список литературы

1. Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай (ГАСПД РА). – Ф. 33. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 205.
2. ГАСПД РА. – Ф. 33. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 207.
3. Белекова Э.А. История музейного дела в Республике Алтай: 1918–2009 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2010. – 22 с.
4. Горный Алтай и его население. Т. II. Экономические таблицы. – Барнаул: Статистический отдел при Главном управлении Алтайского округа, 1901. – 312 с.
5. Календарь юбилейных и памятных дат Республики Алтай, 2005 г. / Сост. Л.Т. Баштыкова и [др.]. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская республ. тип., 2005. – 114 с.
6. Наусчанов В. Ещё один очаг культуры в глухом углу // Ойротский край. – 1925. – № 21. – С. 1.
7. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / Под ред. и с предислов. Л.П. Потапова. – Горно-Алтайск: Алтайское кн. изд-во, 1973. – 541 с.
8. Саруева М.Ф. Горный Алтай за годы Советской власти // 40 лет Советскому Горному Алтаю. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское кн. изд-во, 1957. – С. 67-112.
9. Статистический бюллетень. Основные показатели развития промышленности, сельского хозяйства, культуры, здравоохранения, торговли и других отраслей народного хозяйства Горно-Алтайской автономной области за 40 лет (с 1922 г. по 1962 г.). – Горно-Алтайск: Барнаул, тип. «Алтайская правда», 1962. – 24 с.
10. Тимофеева Ф.М. Горно-Алтайская партийная организация в борьбе за ликвидацию неграмотности взрослого населения // Ученые записки. – Вып. 9. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алтайского кн. изд-ва, 1970. – С. 47-62.
11. Тощакова Е.М. Женщина в обществе и семье у современных алтайцев / Отв. ред. Л.П. Потапов. – Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение, 1973. – 58 с.

Информация об авторах

Эшматова Гульнара Бахтияровна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, Горно-Алтайск, Россия, e-mail: altaistika@mail.ru

Information about the autor

Eshmatova Gulnara Bakhtiyarovna – Candidate of Political Sciences, Senior staff scientist, Scientific research institute of Altaic studies, by name of Surazakov, S.S., Gorno-Altai, Russia, e-mail: altaistika@mail.ru

А.П. Ярков

О МЕСТЕ РЕЛИГИИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МУСУЛЬМАН СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1920-1930-Е ГОДЫ*

В статье анализируются особенности отношения повседневной культуры мусульман Сибири и Дальнего Востока в 1920-1930-е гг. и государственной политики советского государства, направленной на исключение религии из жизни общества.

Ключевые слова: Сибирь и Дальний Восток. 1920-1930-е гг. Ислам. Повседневная культура и государственная идеология.

A.P. Yarkov

ABOUT THE PLACE OF RELIGION IN EVERYDAY LIFE OF MUSLIMS IN SIBERIA AND THE FAR EAST IN THE 1920-1930TH YEARS

This article analyzes the features of relationships everyday culture of the Muslims of Siberia and the Far East in 1920-1940 and public policy of the Soviet State, designed to exclude religion from public life.

Keywords: Siberia and the Far East. 1920-1940. Islam. Everyday culture and State ideology.

Отправная точка данного обзора связана с окончанием Гражданской войны, завершившейся на Дальнем Востоке лишь в 1923 г., а завершающая дата связана с созданием общесоветской системы идеологической и бытовой унификации, подавления инакомыслия, репрессиями.

В начале этого периода партийные и советские органы в Азиатской части РСФСР достаточно индифферентно оценивали место ислама, как, впрочем, и других религий, в жизни общества. Повседневная жизнь вообще находилась «вне поля» их внимания, поскольку предполагалось – по мере строительства коммунизма частная жизнь «сотрётся» в общем быте коммун.

Проявленная иными имамами и верующими поддержка Западно-Сибирского восстания и приграничных конфликтов с участием эмигрантов заставила власти усилить атеистическую пропаганду, хотя не всегда большевики верили в силу религиозного воздействия. Характерно, что секретарь татаро-башкирской секции Уралбюро ЦК ВКП /б/ Утяганов убеждал коммунистов Тюменской губернии в том, что: «Ислам среди татаро-башкир не имеет характера созидательного» [9, ф. 1, оп. 1, д. 727, л. 6].

По мнению партийных деятелей, в борьбе с религиозными заблуждениями необходимо разрушить самую опасную социальную структуру – сельскую общину, тесно связанную с уммой, ограничить влияние имамов на семейный уклад и повседневную жизнь. В результате давления на семью, выведения её главы на уровень «лишенца», утверждённый в 1922 г. в должности имама А. Этбакмасов вскоре сам отказался от неё. И, одновременно, в 1922 г. власти разрешили постройку новой мечети в юртах Иртышатских [7, с. 35], свидетельствуя о желании верующих исповедовать привычное, доставшееся от предков, как и наличии у них скрытых – на уровне семьи, ресурсов.

* Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 18-1-012650 «Кросскультурный штурм-2018».

Относительно легче, несмотря на усилившееся давление, оказалось поддерживать мусульманам духовные традиции в особой административной структуре – национальных сельских советах, созданных в 1920-е гг. в местностях с доминированием соответствующего населения – татарского, бухарского, казахского. Там легче было «проникнуть» в «ячейку общества» – через общие традиции, язык, ритуальную и обыденную культуру.

При этом «новое» население необходимо было встроить в имеющуюся структуру, а при необходимости и изменить её ориентиры. Так, в результате переселения, землеустроительных работ и районирования изменился состав населения в отдельных районах. Например, бывшее татарское селение стало чувашским (по основному составу населения) Петрунькино, а оставшуюся в «наследство» мечеть переоборудовали под школу [10, ф. Р-814, оп. 1, д. 77, л. 2, 17], поставив перед учителями и родителями чувашей-переселенцев трудную задачу – объяснения детям: почему родственные по языку татары исповедуют другую религию, а повседневная жизнь прежних хозяев (отраженная в оставленной в домах и усадьбах) отлична от их?

Этнически однородных районов в Сибири и на Дальнем Востоке было немного, но остались существенными конфессиональные предпочтения в характере расселения, в т. ч. при перемещении бежавших от голода. Искавшие спасения были часто набожны, но среди них были и те, кто прошёл Гражданскую войну, стали атеистами и большевиками. На последних стали опираться органы власти, проводя политику в массы. Постепенно советизация проникала и туда. А как раз в то время органы госбезопасности обвиняли мусульман Восточного Забайкалья в связи (через семейно-родственные контакты) с исламскими движениями в Маньчжурии, призывавших к борьбе с большевиками. Очевидно, при перлюстрации переписки органы контроля узнали о том, что в обыденной жизни родственников по обе стороны государственной границы существуют схожие традиции, но в одном случае скрываемые.

В 1920-е гг. фактически разделялись городская и сельская умма, и во многом за счёт приезжих из Европейской части страны и сельской местности: в 1923–1926 гг. население только 30 городов Сибири выросло на 158,9 тыс. чел. [3, с. 282]. Внедрение «социалистического быта» в коммунальные квартиры, бараки на стройках сказалось и на религиозных практиках внутри семьи – их стало вообще невозможно соблюдать, «живя на виду». Проявлять же их, значить подпасть под репрессии.

И всё же в 1926 г. в Сибирском крае проживало 96 тыс. татар и 50 тыс. казахов, большей частью верующие, объединённые в 166 общин со 185 служителями культа [3, с. 667], которые из-за ужесточения внутренней политики были лишены гражданских прав, став «лишенцами». Пострадали и члены их семей, вынужденные скрывать не только вероубеждения, но и семейные предания.

В 1929 г. Наркомат труда РСФСР обосновал необходимость в ходе реконструкции городов проводить «максимальное форсирование темпов индустриализации и обобществления быта», игнорируя этноконфессиональные особенности. Впрочем, все сибиряки и дальневосточники (горожане и сельчане) оказались оторванными от остального исламского мира, а развитие местной традиции богословия – прерванным. Внимание партийных и советских органов было обращено не только на бывших служителей культа, но и простых прихожан, если они публично не отказывались от религии, а семейный быт не являл «наружу» тщательно скрываемого сакрального.

Исходя из изучения сознания и повседневного поведения, Сибтаткирбюро предложило проводить «комсомольские байрамы», увеселительные и физкультурные мероприятия, читать лекции на темы: «Нужна ли религия рабочим?», «Вреден или полезен Рамазан?». Показателен циркуляр Тобольского уездкома партии всем волостным комитетам и сельячейкам «татаро-башкир» о проведении комсомольского праздника «Ислам» [9, ф. 29, оп. 1, д. 399, л. 1]. Ячейки и кружки ориентированного на мусульман «Дегриляра» во второй половине 1920-х гг. призывали «истребить» религиозные традиции на уровне социума и семьи. На перевод с арабской графики на латиницу и отрыв масс от ислама направлено и

созданное в 1927 г. общество «Яналиф» [1, с. 168], отрицавшего письменность в арабской графике. В след за этим «уходил» и арабский язык из сферы культурной коммуникации.

Организации содействовали и ликвидации неграмотности по-русски. Использовался для антирелигиозной пропаганды «партактив нацмен», например, согласно резолюции их окружного совещания 26.02.1930 г. в Тобольске.

Мусульмане (как и представители других конфессий) пытались защитить обещанные Конституцией права, но встречали сопротивление не только со стороны власти, но соплеменников, «порвавших с опиумом народа». Из их числа – не только выросшие при советской власти, но и бывшие служители культа, занявшие своё место (но временно) в иерархии совслужащих.

Многих служителей культа, в т. ч. официально отказавшихся от служения или недавно переехавших из других регионов СССР, арестовывали, в т. ч. по обвинению в «организации контрреволюционной группировки» (М. Вильданов). Н.А. Арустанов, якобы, «терроризировал коммунистов». Репрессировали за: принадлежность к «Союзу спасения России» (Дж.Р. Кирасирова); «контрреволюционную деятельность» (Н.Ф. Жалилова), участие в «Гаскери Уешма» (Ф. Галямова), «шпионскую деятельность» (З.С. Гайсина) [6, с. 28, 47].

На этом фоне жизнь верующих в зоне КВЖД, находящейся под совместным управлением СССР и Китая, существенно отличалась. Так, уроженец Тобольской губернии А. Ченбаев в письме на родину писал: «возвращаться в СССР не намерен», т. к. в Харбине не только дешевизна товаров, но и «много татар, много мечетей, магометане свободно отправляют религиозные обряды» [2, с. 225].

Несмотря на репрессии, духовная жизнь в Сибири и на Дальнем Востоке продолжалась, а традиции не прервались, уйдя во «вторую реальность» – в подполье – на уровень семьи. Если в двух «реперных точках» жизни – при рождении и бракосочетании обряды можно провести втайне, то самый консервативный – похоронный требовал публичного обозначения конфессиональной принадлежности (не редко уже только по происхождению) умершего. И в отсутствии «легальных» роль муллы исполнял любой из стариков, знавший молитву и обряды. Содержание общих предметов (например, погребальных носилок) и сооружение хранилищ инвентаря говорит о наличии зрителей, одновременно исполнявших функции муллы. Власть не препятствовала.

Как не противилась она и инициативе бригадира из юрт Авазбакиевских в 1937 г. Вахитова, перекрывшего новым материалом прохудившуюся крышу мечети (1778), сохранив её. Никто не мог верующим запретить уважать «неофициальных» мулл, воспитывая это и у детей: «Помню, однажды, – рассказывала свидетельница, – начертила на земле "классики" и прыгала из одного в другой. Это увидел мой старший брат Мырзагали. Он строго-настрого запретил мне прыгать возле дома муллы Ердена, говоря, что так нельзя делать, нужно уважать муллу, следует вести себя скромно рядом с его домом» [5, с. 20].

Обыденная жизнь была наполнена множеством прежних традиций и обрядов, не фиксируемых официальной статистикой. Это проявлялось своеобразно – в неявке на работу в дни религиозных праздников. Подобное обнаружено в 1939 г. в ю. Чебургинских (Кукренды).

Полагаем, что у мусульман в выполнении обрядов с жертвоприношением животных в те годы возникали сложности, ведь к 1933 г. количество овец в Западно-Сибирском крае по отношению к 1916 г. снизилось до 62,1 %, поднявшись к 1938 г. (успешному для колхозного строительства) до 94,5 %. Контроль за поголовьем выявил интересную подробность: через год, выясняя причину снижения количества мелкого рогатого скота, власти столкнулись с тем, что в колхозе «Красный казах» Сорокинского района в жертву Аллаху принесли 35 баранов [4]. Это отражалось не только на рационе питания в подобные праздничные дни, но и в установках семейного быта, воспитании детей.

К концу 1930-х гг. окончательно сформировались советское законодательство и система его исполнения, но необходимо иметь ввиду: документы любых тоталитарных систем нуждаются в критическом осмыслении, хотя о многом могут рассказать. Любопытна система

вопросов следователей НКВД: «Расскажите, какую контрреволюционную агитацию вели после тарравиха – гаита "Курбан-гаита"..?». На это последовал ответ: «Да, я это признаю, вел контрреволюционную агитацию, говоря, что мероприятия советской власти идут в разрез учению Аллаха, я убежденный законам Аллаха, обязан был читать тарра, призывать массу колхозников против колхозного строя. Результат – у колхозников была расшатана трудовая дисциплина, зачастую не выходили на работу, а в дни богослужения устраивали праздник» [8, д. 7166, л. 72–73].

Разведение общедекларируемого и частного права отражалось на появлении «двойной» нравственной установки и скрываемого в повседневной культуре. Провозглашаемая свобода совести расходилась с реальной практикой, но власть вынуждена принять «публичные» меры по её формальному обеспечению по всему пространству СССР, а не только в Сибири и на Дальнем Востоке.

Список литературы

1. Диньмухаметова Э.Р. Власть и религиозные объединения Тюменского региона в 1920-е годы: обзор ист. источников // Сибирская, Тобольская, Тюменская губерния: исторический опыт и современные управленческие практики в первой пол. XIX в.: докл. и сообщ. Всерос. науч.-практ. конф, посв. 300-летию образования Сибирской губернии. – Тюмень, 2009.
2. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: [в 3 т.]. – Т. 3: Трансформация уммы в XIX – XXI вв. [коллективная монография] / А.П. Ярков (ред.), И.Б. Гарифуллин и др. – М. – 416 с.
3. Историческая энциклопедия Сибири: [в 3 т.]. – Т. 1. – Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. – 716 с.
4. Ишмухаметов З. Курбан-байрам и его реакционная сущность // Омская правда. – 1940. – 18 января.
5. Кабдулвахитов К. Аул Дальневосточной Красной армии // Национальные культуры региона: науч.-метод. и репертуарно-информ. альманах. – Тюмень, 2008. – 212 с.
6. Кокоулин В.Г., Рахматуллина А.Р. Томская мусульманская община: история и современность. – Новосибирск, 2011.
7. Мечети и мусульманские организации Тюменской области. Информ. справочник / авт.-сост. К.Б. Кабдулвахитов. – Тюмень, 2011. – 120 с.
8. Архив РУФСБ по Тюменской области.
9. ГУТО «ГАСПИТО» – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области».
10. ГУТО «ГАТО» – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области».

Информация об авторах

Ярков Александр Павлович, доктор исторических наук, ведущий эксперт Экспертного научного центра противодействия идеологии экстремизма и терроризма Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия, ayarkov@rambler.ru

Information about the author

Yarkov Alexander Pavlovich, is the doctor of historical sciences, the leading expert of Expert scientific center of counteraction of ideology of extremism and terrorism of the Tyumen state university, Tyumen, Russia, ayarkov@rambler.ru

Т.П. Шастина

«БЫТ, КОТОРЫЙ НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ...» В ОЧЕРКАХ ОБ ОЙРОТИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(грант № 18-412-040004 p_a)

В статье анализируется отражение быта в очерках столичных и сибирских журналистов об Ойротской автономной области в аспекте художественно-идеологического конструирования национальной окраины СССР. В научный оборот вводится очерк Б. Айхенвальда «Образы Алтая».

Ключевые слова: Ойротия, очерк, национальная окраина, восток, "terra incognita":

T.P. Shastina

“LIFESTYLE THAT SHOULD NOT BE...” IN STORIES ABOUT OIROTIA

The article analyses the reflection of lifestyle in essays of Moscow and Siberian journalists about Oirot autonomous region in the aspect of artistic-ideological building of a national periphery of USSR. The researcher introduces an analysis of a story “Images of the Altai” (1929) of Boris Eichenwald.

Key words: Oirotia, essay, national periphery, east, “terra incognita”.

«Быт, который не должен быть» - так назвал одну из первых глав своей книги о поездке в Горный Алтай [10] журналист Дмитрий Стонов (Дм. Меерович Влодавский, 1892-1962. К началу второго советского десятилетия поездки столичных журналистов на окраины СССР особенно приветствовались: подводились первые итоги строительства *новой жизни*, центр особенно интересовали территории и этносы, по шкале отсталости отнесенные к *восточным*.

В процессе изучения очерковой трактовки Ойротии нами рассмотрен корпус текстов начиная с произведений П. Низового (Тупикова), попавшего на Алтай в 1918 г., и заканчивая очерками М. Шагинян, приехавшей в Ойротию в 1945 г.; в научный оборот введен очерк репрессированного писателя Н. Зарудина «Прекрасная Ойротия» [3]. Отправной точкой исследования стало сталинское определение пролетарской культуры, в котором *быт* был детерминирующей национальную культуру категорией [9, с. 138]. Следовательно, задачи по изучению и описанию быта национальных окраин СССР ставили перед собой профессиональные творческие объединения - запечатление старого быта было необходимо для контрастного рассмотрения ростков быта нового. Так, сибирские художники подчеркивали: «Надо изучать, отражать экзотику уходящего быта. Момент встречи нового быта со старым – любопытнейший момент» [6, с. 213], сибирские писатели в свою Платформу закладывали разработку сибирских тем, в том числе бытовых форм «пестрого» населения Сибири, и отображение «жизни туземных народностей Сибири» [5, с. 229]. В названиях выставок Ассоциации художников революционной России постоянно присутствовало слово «быт» («Революция, быт, труд» - 1925-1926; «Жизнь и быт народов СССР» – 1926). Кинематографисты «...выдвинули идею создания цикла картин о малых народностях, культура и быт которых были изучены очень плохо», - вспоминал А. Разумный, снимавший в 1924 г. в Горном Алтае игровой фильм «Долина слез» [7]; сборы в экспедицию ему чем-то напоминали «начало пути открывателей новых земель».

Применительно к Горному Алтаю последнее сравнение имеет прочный фундамент - в символической географии Российской империи за территорией закрепилось представление «terra incognita». Кто бы его ни посещал со времен Г.-Ф. Миллера, кто бы его ни изучал – все

писали о неизведанности и неизученности Алтая. При этом за Алтайскими горами в XIX – начале XX вв. удерживались одновременно несколько образных определений. Так топоним «Русский Алтай» подчеркивал государственную принадлежность территории; метафора «Золотые горы» указывала на несметные природные богатства, «сибирская Швейцария» формировала рекреационный бренд, «жемчужина Сибири» акцентировала природную исключительность и эстетическую привлекательность ландшафтов. Названные именованья горной страны в трудах ученых и путешественников XIX - начала XX вв. функционировали в рамках ориентальности. *Восточность* территории была аксиомой, восходящей к периоду пребывания территории в составе Джунгарского ханства; таковая была художественно закреплена словесным рифменным образом «Алтай-Китай» (см. интерпетацию данного образа в творчестве Г. Д. Гребенщикова [Шастина, с. 146-147]).

Но в сталинский период *восточность* в литературе была сведена до отсталости/дикости/первобытности, черты которой фиксировала «литература факта». Ойротия - типичная восточная окраина - привлекала журналистов и писателей относительной транспортной доступностью (описания дорожных впечатлений начинались от Новониколаевска/Новосибирска, чаще - от Бийска) и природной экзотикой, сюда оформляли творческие командировки на лето М. Эгарт, Д. Стонов, М. Шкапская, З. Рихтер, И. Катаев, Н. Зарудин, А. Коптелов, Г. Пушкарев и др.. По очеркам весь *ойротский* этап истории художественно-идеологического воображения Горного Алтая можно рассматривать как процесс постепенного ослабления темы старого быта и усиления темы быта нового. Наиболее характерной презентацией этого вектора может служить ойротский выпуск пропагандистского журнала «СССР на стройке» (фотоочерк М. Альперта и С. Фридлянда, литературное сопровождение М. Эгарта), тематику которого позволяет представить заключение: «От векового гнета бая, попа, урядника – к национальному освобождению трудящихся, от нищеты, забитости, суеверия – к грамоте, культуре, росту общего благосостояния. От завывания кама, изуверской обрядности – к газете, клубу, театру, из аила – в избу, от кочевья – к оседлости» [8, б/с.] – таков путь Ойротии.

Остановимся подробнее на очерке Б. Ю. Айхенвальда «Образы Алтая: дневник путешествия» [1], вводя его текст в литературную алтаиану. Предысторию очерка гипотетически можно восстановить из биографии автора: Борис Юльевич Айхенвальд (1902-1938, репрессирован в 1937 г.), философ, литературовед (см. единственную публикацию его научных трудов [4, с. 475-481, 574-576]) – сын известного в начале XX века критика Юлия Исаевича Айхенвальда, пассажира «философского парохода». В 1922 г. Ю. Айхенвальд написал предисловие к повести П. Низового «Язычники», в духе философского вопроса о соотношении природы и культуры объясняющее смысл названия произведения: «...чувствовать благословенность плоти, радостно растворяться в океане природы и ощущать самую физиологию её – это значит быть язычником» [2, с.6]. В Предисловии картины Алтая были названы «причудливой и пленительной панорамой» [2, с.8]. Возможно, тоска по отцу и заставила Бориса Айхенвальда отправиться в туристическую поездку в Горный Алтай (столичные туристические организации еще только начинали осваивать этот район). В небольших бытовых зарисовках очерка чувствуется философский подход: «Улала притворяется, что она город. Мороженое скверное, но квас дешев и хорош. Были в музее, слушали лекцию об ойротах-алтайцах./ Века нищеты и гнета, унижений сделали этот народ примитивным и жалким./ Но в своих обрядах он так же целомудрен, как природа. Он умеет смаковать жизнь. Великое искусство играть иногда в жизнь – удел детей и отсталых народов» » [1, с.155]. Автор задается вопросом: «Есть ли связь между глубоким величием Алтая, его светлым и спокойным целомудрием, и тем убогим, робким народом, который поселился в этих горах?» [1, с.157-158]. Попытка найти на него ответ – поездка в «в гости к первобытному человеку», в «далекий, незнакомый, спрятанный в горах мир». Этнографически точное описание корьевого аила и его обитателей, рассказ о свадебном обряде с умыканием невесты, о похоронном обряде – все это делается под знаком первобытности. Идеологема *угнетенной женщины Востока* иллюстрируется следующим

пассажем: «Она не человек, но предмет, необходимый в домашнем хозяйстве. Безгласное существо, купленное за калым; муж, ленивый и беспечный, взваливает на неё всю работу. Женщина поддерживает костер, доит коров, варит чай, арачку (водка), шьет обувь, шубу, колет дрова, седлает коня пьяному мужу, - а иногда и не пьяному» [1, с.160] – но именно женщины ломают старый быт. Все удивившие экскурсанта подробности *первобытной жизни* алтайцев запечатлены в очерке: и отсутствие гигиенических навыков, являющееся причиной распространения сифилиса и трахомы, и пищевые пристрастия, и приверженность к алкоголю («Арачку пьют много и долго, и под её влиянием алтаец теряет свою молчаливость и вялость, становится разговорчивым, хвастливым и даже драчливым» [1, с.160], и наличие специального «драчуна-забияки – Чалчи-Кизи» в церемониале свадебного пира. Очеркист уточняет, что в реальной - не музейной – юрте экскурсанты рассматривали вещи, трогали их, снимали с мест. Скачок от доисторического человека к человеку далекого будущего демонстрирует алтайская коммуна онгудайского аймака – «фантастический сон дикаря» [1, с.162]; традиционализм бытового уклада - уймонские староверы-кержаки.

Образы Алтая в очерке навеяны всей предшествовавшей литературной традицией, текст перенасыщен прямыми цитатами и литературными аллюзиями и реминисценциями. Чувствуется, что в качестве непосредственного претекста использована уже упомянутая нами книга Д. Стонова (совпадение целого ряда бытовых подробностей нельзя назвать случайным). От предшествовавшей (и последующей) традиции очеркового изображения Ойротии текст Б. Айхенвальда отличает принципиальная позиция экскурсанта, он много внимания уделяет экскурсионному быту (поведение экскурсовода, проводника, экипировка, погода, еда и т.д.), он – коллекционер собственных впечатлений, а не фактов.

Директивное переименование Ойротии в Горно-Алтайскую автономную область в 1948 г. позволяет говорить о завершении символического переоткрытия окраинной территории, о закреплении за коренными этносами статуса «преодолевшие отсталость», о выходе их из возраста «младенцев гор» (Г. Пушкирев). Тема дикости/отсталости/ первобытности быта в очерке последующего времени будет практически закрыта.

Список литературы

1. Айхенвальд Б. Образы Алтая: Дневник путешествия // Новый мир. – 1929. - № 12. – С. 154-172.
2. Айхенвальд Ю. Предисловие // Низовой П. Язычники. – Чита: Утес, 1922. – С. 5-13.
3. Зарудин Н. Прекрасная Ойротия // Наши достижения. - 1936. - № 11. - С. 92-106.
4. Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. Том II. Публикации / Под ред. Н.С.Плотникова и Н.П. Подземской при участии Ю.Н. Якименко. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 928 с
5. Первый Сибирский съезд писателей // Сибирские огни. - 1926. - № 3. – С. 208-256.
6. Первый сибирский съезд художников // Сибирские огни. - 1927. - № 3. – С. 203-231.
7. Разумный А. Е. У истоков... Воспоминания кинорежиссера. - М.: «Искусство», 1975. - 144 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.razumny.ru/u_istokov.pdf
8. СССР на стройке. -1932. - №9. - Б/с.
9. Сталин И. В. О политических задачах университета народов Востока. Речь на собрании студентов КУТВ // Сталин И.В. Сочинения. – Т. 7. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1952. - С. 133–152.
10. Стонов Д. Повести об Алтае. - М.: Федерация, 1930. - 297 с.
11. Шастина Т. П. От Ойротии - к Горному Алтаю: этнос и пространство в художественно-идеологическом воображении региона // Диалог культур: поэтика локального текста. Материалы IV междунар. науч. конф.- Горно-Алтайск, 2014. – С. 145-151.

Информация об авторах

Шастина Татьяна Петровна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и литературы, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия, e-mail: tshliteratura@mail.ru

Information about the author

Tatyana Petrovna Shastina, senior lecturer of Department of the Russian Language and Literature, Candidate of Sciences (Philology), senior lecturer (honor), Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia, e-mail: tshliteratura@mail.ru

УДК 94(517.13)"1939/1940"

Н.В. Кабакова

МИР ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПРЕДВОЕННОЙ ЭПОХИ В ВОСПОМИНАНИЯХ ОМСКИХ РАБОЧИХ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования Омской области № 17–11–55006 «Повседневная жизнь в Западной Сибири накануне и во время Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.)».

Рассматриваются факторы, определявшие численность рабочих в условиях индустриализации на территории Западной Сибири, исследуется отношение рабочих предприятий города Омска к собственной бытийности и их оценки своей жизни в предвоенное время в воспоминаниях.

Ключевые слова: советская повседневность, рабочие, воспоминания, Омск.

N.V. Kabakova

THE WORLD OF THE DAILY OF THE PRELIMINARY EPOCH IN THE MEMORIES OF OMSK WORKERS

Abstract: Factors determining the number of workers under conditions of industrialization in the territory of Western Siberia are considered, the attitude of workers of the city of Omsk to their own beingness and their evaluation of their life in the pre-war time in memories is investigated.

Key words: Soviet everyday life, workers, memories, Omsk.

Ракурс повседневности, направленный на изучение отдельных микросоциумов, способствует комплексному осмыслению глубинных явлений конкретной эпохи. Потому материалы, позволяющие оценить условия труда и жизни советских рабочих как основополагающей части социальной структуры общества СССР, являются одним из источников понимания особенностей их бытования. Именно рабочий человек являлся символом, ключевой фигурой эпохи социализма в нашей стране, ее строителем и преобразователем. Рассматривая исторический период 1939–1940 гг., обратимся к исследованию мира повседневности на примере оценок собственной бытийности рабочих заводов города Омска в изучаемые годы и в сохранившихся воспоминаниях.

Находясь в процессе трансформации в условиях индустриализации в СССР в 1930-е гг., состав рабочих постоянно пополнялся. Став главной строительной площадкой периода первых пятилеток, западносибирский регион переживал демографический бум. Многочисленные погрешности в подсчетах, неточности фиксации народонаселения не позволяют представить точные сведения о количестве жителей и установить подлинные данные в их изменениях, но исследователи сходятся во мнении, что наиважнейшую роль в возрастании количества горожан в предвоенное десятилетие имели миграции из сельской местности, превышавшие по своим значениям естественный прирост городского населения. Подчеркивая приблизительность статистики по 1930-м гг., специалисты свидетельствуют, что в 1930–1934 гг. численность городских жителей в Западной Сибири увеличилась на 778,2 тыс., в 1934–1937 гг. – на 328,1 тыс. чел. [11, с. 196, 198]. Рассматривая демографические процессы в регионе накануне Великой Отечественной войны, авторы соответствующих исследований выявили, что с января 1939 г. по январь 1941 г. количество населения выросло на 340 тыс. чел., при этом число городского увеличилось на 210,8 тыс. [10, с. 144]. Отмечая весомость доли притока сельских жителей в города, историки констатируют, что непосредственно в предвоенные годы он сократился по сравнению с предыдущим периодом. Власти в конце 1930-х гг. стремились ограничивать миграции из деревень, поскольку работа на индустриальных объектах требовала меньшего количества трудовых рук, чем их строительство. На промышленных предприятиях стала внедряться система организованного набора рабочей силы. Таким образом, численность городского населения, а среди них – рабочих, на протяжении 1930-х гг. и накануне Великой Отечественной войны во многом возрастала за счет деревенских жителей, а миграции этого периода носили, преимущественно, экономический характер. Несомненно, что столь значительное вливание слоя людей из сельского мира с их собственным укладом жизни и спецификой мировоззрения, не могло не оказать влияния на формирование повседневного бытования горожан в целом, и представителей рабочих – в частности.

Будучи вчерашними представителями крестьянского социума, «новые» рабочие являлись обладателями собственной специфической культуры, первоначально не имели навыков индустриального труда, но привносили в иную для них городскую среду и на предприятия свои привычки и представления. Оторванные от земли, освобождавшиеся от прежней системы ценностей в силу утраты прежнего социального статуса, новобранцы начинали приобщаться к городским стандартам жизни. Судьбы таких людей, причины миграций и особенности их последующего вживания в новую среду и социум рабочих были разнообразными. Так, Петр Алексеевич Беликин родился в 1913 г. в селе Коровино Тамбовской области. После женитьбы в 1933 г. на Полине Ивановне Новиковой и рождения двух сыновей, чтобы прокормить свою семью («наступили трудные времена, голод»), переехал в Омск, устроился на завод [6]. Семья Варвары Яковлевны Долговой (в девичестве Сулимовой) переехала в Омск из уральского поселка Кузино; на новом месте Варвара вышла замуж за рабочего Сибзавода [5]. Виктор Иванович Обанин рассказывал, что рос в большой семье, где было 12 детей, в деревне Асаново, в Северо-Казахстанской области. После раскулачивания им удалось переехать в город, где подросток получил специальность слесаря-инструментальщика в ФЗО и пошел трудиться на завод [4]. Большая семья Шнякиных, где было шестеро детей, переехала в Омск в 1935 г. из деревни Ракиты Павлоградского (ныне – Таврического) района Омской области из-за «невозможности прокормиться в деревне» [9, с. 140]. Под раскулачивание попала эстонская семья Юлиуса Крийска, переехавшая из села Большеречье Омской области в город в 1937 г. [8, с. 98].

В повествованиях о восприятии городского, нового для них мира, многие подчеркивали его разобщенность («город – большой, людей – много», «никого не знали, непривычно»), непохожесть на понятную и знакомую крестьянскую жизнь. Чаще всего бывшие сельские жители оказывались в стесненных жилищных условиях: «В городе мы стали снимать угол в квартире, а после того как папа какое-то время поработал плотником на заводе, ему дали комнату в бараке, которая на много лет стала нашим домом» [8, с. 141]; «Жили долгое время

в сарае» [6]. Но грандиозные политические замыслы и важные свершения экономики, ощущаемое дыхание близкой войны препятствовали решению проблем жилищной и бытовой обустроенности рабочих, удовлетворенности их питанием и одеждой. По мнению М.С. Зинича, в предвоенный период вообще происходило обеднение населения СССР, о чем свидетельствовал высокий удельный вес затрат на питание в общей сумме доходов: «В 1940 г. он составлял у рабочих 53,8 %» [7]. Реалиями советского общества конца 1930-х гг. являлись очевидные приоритеты, заключавшиеся в том, что «на приобретение спиртного рабочие отводили 3–4 % от общих доходов, на культуру и образование всего 0,9 %» [12, с. 22].

Идентифицировать мир повседневности, настроения рабочих в рассматриваемый период – задача весьма затруднительная, особенно если полагаться на документы официального плана, среди которых – архивные материалы партийных, комсомольских, профсоюзных организаций предприятий. Все они изобилуют лозунгами, наполнены идеологическими посылами и обоснованиями. Но и такие источники позволяют разглядеть истинную картину повседневной жизни, если рассматривать их «от противного» – критика определенных недостатков и проблем, активная борьба с ними и стремление их искоренения выявляет то, что составляло реальную бытийность человека труда. Так, в документах первичной партийной организации Сибзавода в течение 1939–1940 гг. неоднократно были упоминания о недостаточных усилиях в области воспитания культуры, неумении организовать свой досуг: «Некоторые рабочие играют в домино прямо в цехе вместо того, чтобы записаться в библиотеку, да книжку почитать», «Надо нам и на самих себя посмотреть – заступаем на смену небритые, грязные» [1, л. 20]. Отмечали руководители заводских структур невысокий уровень образования рабочих: «Многие и умеют только, что писать, да считать»; «Надо, чтобы рабочие знали технические основы производства хотя бы на базе техникума – с технически грамотными рабочими легче побеждать» [2, л. 5].

Культивируемая пропаганда аскетизма призвала отложить ожидание изобилия до неизбежного наступления коммунизма, а трудящийся люд быстро погружался в атмосферу индустриального производства с его требованиями выполнять план, давать норму выработки. При этом для рабочих обстановка, когда не соблюдались санитарные нормы, недостаточное внимание уделялось охране труда, становилась скорее обыденной, нежели экстраординарной. Вот как оценивали состояние своего рабочего места трудившиеся на Сибзаводе: «У нас на заводе войдешь в цех – можно выткнуть глаз, сломать ногу о хлам. На шлифовальных станках в охлаждающую воду заливают до 6 % соды, это выводит из строя людей, соприкасающихся с такой работой»; «В механическом цехе вокруг станков море масла. Им пропитаны пол и стены в термическом цехе. Никаких мер к устранению не принимается. В цехах всюду грязь, масляные тряпки. В подвальном помещении вода, туда сваливаются детали. Территория завода засыпана мусором со строительства, железной стружкой, которой – целые горы. Всё в траншеях от водопровода» [1, л. 4 об., 14].

При этом современники реконструируемого периода спустя годы в воспоминаниях уже не говорили об указанных сложностях, но с гордостью оценивали личное место на производстве, определяли собственную роль и значимость. Так, А.П. Казанцев, поступивший в 1937 г. на завод им. В.В. Куйбышева, работал слесарем-инструментальщиком и подчеркивал свою трудовую увлеченность: «Каждый день приходилось делать новую оснастку. Теоретические знания, полученные в ФЗО, практические навыки, приобретенные на заводе, сделали из меня специалиста высокого класса» [3, л. 9]. Т.Ф. Хомякова, начавшая трудовую деятельность в 1930 г., вспоминала: «Я помню безработицу, когда устраивалась... Но завод рос на моих глазах – появлялись новые корпуса, увеличивалось производство. Хорошее было время. Трудное, но хорошее. Особенно перед самой войной» [3, л. 93]. А.Я. Тимофеева, до войны работавшая фактуристом склада, говорила, как все в её окружении гордились званием рабочего [3, л. 49].

В воспоминаниях рабочих конец 1930-х гг. сохранился в целом как сложный, но благополучный период. В своих интервью респонденты не упоминали о репрессиях, синдроме

страха, иных отрицательных проявлениях эпохи. Растворенный в производстве, слитый с государственной системой, рабочий впитывал советскую пропаганду, разделяя веру в безусловное светлое будущее. Низкая степень образования и культуры, невзыскательность к жилищно-бытовым условиям, общий невысокий уровень жизни, а для многих – недавнее крестьянское прошлое определили отношение к бытийности со стороны простых трудящихся. Во многом оценка, особенно если она была дана спустя десятилетия, осуществлялась в сравнении с наступившим вскоре военным лихолетьем, на фоне которого годы перед Великой Отечественной воспринимались как стабильные и позитивные.

Список литературы

1. Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (БУ ИсА). – Ф. 377. – Оп. 1. – Д. 24.
2. БУ ИсА. – Ф. 377. – Оп. 1. – Д. 25.
3. БУ ИсА. – Ф. 2656. – Оп. 1. – Д. 5.
4. Воспоминания В.И. Обанина (из личного архива).
5. Воспоминания В.Я. Долговой (из личного архива).
6. Воспоминания П.И. Беликина (из личного архива).
7. Зинич М.С. Повседневная жизнь населения СССР в предвоенные годы. 1938–1941 гг. // Мир и политика. – 2012. – № 12. – URL: <http://mir-politika.ru/2817-povsednevnyaya-zhizn-naseleniya-sssr-v-predvoennye-gody-19381941-gg.html>, свободный (дата обращения – 20.05.2018).
8. История семьи в истории Отечества: сборник студенческих работ. – Омск : СибАДИ, 2012. – 196 с.
9. История семьи в истории Отечества: сборник студенческих работ. – Омск: СибАДИ, 2010. – Вып. 3. – 154 с.
10. Исупов В., Коробейникова Н., Семенов М. Население Западной Сибири в годы Второй мировой войны: 1939–1945 гг. // Демографическое обозрение. – 2016. – № 3 (2). – С. 143–168.
11. Исупов В.А. Численность населения Западно-Сибирского края в расчетах сибирских статистиков 1930-х годов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2010. – Т. 9. – Вып. 1: История. – С. 188–200.
12. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. – М.: Ин-т философии РАН, 1996. – 215 с.

Информация об авторах

Кабакова Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, г. Омск, e-mail: natalya-kabakova@rambler.ru

Information about the author

Kabakova Natalia Vasilievna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Siberian State Automobile and Highway University, Omsk, e-mail: natalya-kabakova@rambler.ru

Е.В. Почеревин, Д.П. Флейшман

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В 1932-1941 ГГ. НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ С. ЗОНАЛЬНОЕ

Статья посвящена проблеме формирования советской повседневности в условиях тотального влияния на общество со стороны Коммунистической партии в 1932-1941 гг. на примере зарождения и становления с. Зональное Алтайского края, не имевшего досоветской истории. Материал представляет интерес для историков-учёных, преподавателей, студентов, краеведов.

Ключевые слова: История повседневности, с. Зональное, Компартия, селекционная станция.

E.V. Pocherevin, D.P. Fleishman

FORMATION OF THE SOVIET DAILY IN 1932-1941 ON THE EXAMPLE OF HISTORY ZONALNOE

The article is devoted to the problem of the formation of Soviet everyday life in the conditions of total influence on society by the Communist Party in 1932-1941. on an example of origin and becoming with. Zonal Altai Territory, which had no pre-Soviet history. The material is of interest to historians-scientists, teachers, students, local lore.

Key words: history of everyday life, the village Zonalnoe, the Communist party, breeding station.

История общества по существу представляет собой повседневную жизнь человека в её историческом измерении, отражая некие неизменные свойства и качества в соответствии с закреплением новых форм жилья, питания, перемещения, работы и досуга [7, с. 125]. Именно в анализе повседневной жизни лежит ключ к разгадке часто возникающего при знакомстве с конкретными судьбами вопроса: как могли люди выживать и сохранять человеческое достоинство в экстремальных условиях революций, войн, террора, голода и разрухи? Как люди приспосабливались к жизненным обстоятельствам [6, с. 3]?

История повседневности - отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в её историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах.

Сегодня, исследуя советскую повседневность, определяют её как некий социокультурный пласт, существовавший в Советском Союзе с периода военного коммунизма до смерти И.В. Сталина. Этот период является особенным, так как ключевым фактором, влияющим на жизнь человека, была советская власть.

Октябрьская революция в 1917 году запустила процесс трансформации всех сфер жизни общества и, естественно, затронула саму ментальность людей. Повседневная жизнь теперь уже советского человека кардинально изменилась, вслед за его положением в обществе. Глобальная централизация в Советском Союзе делала жизнь одного конкретного индивида неотъемлемой частью всего социалистического механизма, что предопределяло его реакцию на любые решения партии.

Так например, судьбоносным для основания села и научного центра в с. Зональном стало решение XVII партконференции ВКП(б) (30.01.-04.02.1932 г., Москва) о расширении сырьевой базы и **утроении** норм душевого потребления по сахарной свёкле [1]. Оперативность разведывательных работ и получение первых результатов даже в наши дни поражает воображение. Так, весной 1932 г. правление Всесоюзного объединения «Союзсахара»

постановило: «Утвердить постройку зональной станции в лесостепной части зоны свеклосеянья в районе г. Бийска, как наиболее благоприятном для проведения селекционной работы и производства свеклосемян [5, с.9].

Наиболее подходящим местом для строительства станции был выбран Уткульский массив Бийского зерносовхоза в полукилометре от железной дороги. Здесь впоследствии был открыт железнодорожный разъезд для остановки пассажирских и товарных поездов. Выделенные земли представляли собой квадрат сплошной заросли полыни и пырея, принадлежащих как нерадивым частникам, так и одному из отделений Бийского зерносовхоза [3, с. 86].

На этом фоне кажется невыполнимым решение Наркомснаба и приказ Наркома пищевой промышленности СССР А.И. Микояна о необходимости завершения первой очереди строительства Зональной станции уже в 1932 г. на что было выделено один миллион семьсот тысяч рублей. Уже в мае 1932 г. на площади 2577 га Всесоюзное объединение «Хлебстрой» приступило к строительству сразу двадцати пяти объектов селекционной станции.

До конца года построили четыре барака на 400 человек, клуб, столовую, контору, кузницу, столярную мастерскую, лесопилку, кирпичный завод, который выпускал 500 тыс. шт. кирпича за сезон. Кроме того, провели телефон из г. Бийска, установили дизельную электростанцию. Первого января 1933 года заработал артезианский колодец. Продолжилось строительство лаборатории, двухэтажного жилого дома, инвентарного сарая с машинным залом, конюшни.

Сегодня двигателем прогресса принято считать конкуренцию, тем удивительней при её отсутствии такие высокие темпы развития с. Зонального. Наряду с высокими темпами строительства производственных объектов, активно развивалось село и его социальная сфера. В 1932 г. началось строительство зернозаготовительного пункта (будущее Зональное хлебоприёмное предприятие), нефтебазы, свеклопункта. Все они имели выход на железную дорогу.

Зональная средняя школа была открыта в одном из временных барачков (ул. Ленина, 1) с тремя классами-комнатами и небольшим залом. Уже к сентябрю 1938 г. в школе обучалось 525 учащихся, трудилось шестнадцать учителей. Сохранился список первых учителей 1932-1933 учебного года. Первым директором был Георгий Петрович Воронков. Под новые классы выделялись бараки, старая контора, однако даже электричество было не во всех классах. В 1940 г. состоялся первый выпуск – 12 мальчиков и 5 девочек окончили Зональную среднюю школу. Весь выпуск в 1941 г. вместе с четырьмя учителями (в том числе классным руководителем) ушёл на фронт.

В 1934 г. открылись первые ясли с трехразовым питанием в приспособленном помещении свеклосовхоза Бийский, а позже и в Зональной опытно-селекционной станции.

В праздничный день 7 ноября 1933 г. в свеклосовхозе во вновь открытом клубе проводилось собрание в честь 16-й годовщины Великого Октября. Книжный фонд библиотеки при клубе насчитывал семь тысяч экземпляров. Уникальным явлением была работа киноустановки, каждый сеанс был событием. В это же время селекционная станция открыла свой клуб (1933г.) и первую библиотеку, насчитывавшую 285 книг.

При организации района в 1938 г. отмечалось, что в с. Зональном при Бийском свеклосовхозе находился роддом на пять коек и стационар на пять коек [3, с. 94].

К началу войны на некогда поросшем травой пустыре, стояло образцовое советское село.

Но все эти показатели лишь внешнее отражение действий социалистической власти. Наиболее интересным для исследователя повседневности являются культурно-бытовые особенности жизни первых жителей села.

Село Зональное строилось силами научных работников, простого пролетариата и крестьянства, причём родом из разных частей нашей страны, что закономерно наложило отпечаток на культуру и быт жителей села. В селе проживали немцы, украинцы, русские и представители других народов. Для научных сотрудников создавались лучшие условия. Так,

водоснабжение в первую очередь шло на рабочие объекты и двухквартирные дома специалистов и руководства. Там устанавливалась даже канализация и существовало стабильное освещение. Жители землянок, рабочие по набору, вербовке, находились в более трудных социально-бытовых условиях.

Однако доступ к культурным ценностям, обучению детей в школе, получению услуг здравоохранения был равным. А вот в ясли принимали по решению месткома станции на усмотрение директора. Если рабочий устраивался на станцию, он получал гарантию устройства ребёнка в ясли, где был организован присмотр за детьми, позже даже круглосуточные группы с недельным пребыванием.

Неравные социально-бытовые условия могли быть основанием для социального недовольства, конфликтов. Но мощная коммунистическая идеология, заявляя о равенстве в строительстве нового общества и распределении доходов по труду, не давала разгораться конфликтам. В школе почвы для недовольства не возникало по причине единой формы, равной доступности к средствам обучения, обеспеченности учебниками. Главной ценностью и мерилом лидерства оставались знания, проявление способностей и таланта.

Стоит понимать, что переход к новому общественному строю был крайне труден. Для того, чтобы человек перестроил свою модель жизни партия использовала идеологию, которая была построена на простых формулировках понятных каждому и вызвала к генетической памяти о сельской общине, просуществовавшей как форма организации общества сотни лет. Главным фактором, влияющим на формирование повседневности, являлась партия и поставленные ею задачи, направленные на строительство нового советского общества.

Рассматривая влияние политики ВКП(б), исполкомов советской власти на формирование советской повседневности, стоит отметить пример 1935 года, когда Бийским райисполкомом в качестве достигаемых конкурсных нормативов были определены мероприятия, направленные на улучшение «по сталинскому подходу» не только производственной и экономической деятельности, но, главное, в области школьного строительства, здравоохранения, дорожного строительства. Определялись конкретные сроки текущего и капитального ремонта, благоустройства, пополнения школ, яслей, больниц необходимым инвентарём, закреплялись колхозы и совхозы, единоличники за каждым социальным объектом, как ответственные за подготовку. За лучшие показатели устанавливались премии коллективам учреждений, сельсоветам [2].

Заботились не только о тепле, кровле, даже о форточках в учреждениях социальной сферы, но и об обязательном устройстве цветников и пришкольных площадок для игр, о проведении в летний период сплошной проверки грамотности допризывников, вовлечении всех неграмотных в обучение, обеспечении всех учителей топливом.

Результатом было постепенное благоустройство сёл района. В с. Зональном из года в год открывали по два-три классных кабинета. С ростом числа учащихся, благоустраивали танцплощадку. Была построена вышка для прыжков с парашютом. Правом пользоваться ею были удостоены передовики производства и активисты ОСОВИАХИМа.

В с. Зональном не было церкви, как и не было жёстких мер по противостоянию религии. Причин оказалось несколько: учёные чаще всего были атеистами, рабочие не стремились выражать линию, расходящуюся с установками партии. В фотоархивах сохранилось множество фотографий торжественной светской регистрации молодожёнов, новорождённых, что было практическим созданием новых обрядов [4].

На примере создания с. Зональное и селекционной станции можно рассмотреть становление советской повседневности. Следует отметить высокие темпы строительства предприятия и социально-культурной сферы села. Также, можно сказать, что советское и партийное руководство уделяло этому значительное внимание. Коммунистические идеалы и установки партии стали неотъемлемой частью жизни каждого человека и породили такой исторический феномен как «советская повседневность».

Список литературы

1. XVII конференция Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. – М.: Партиздат, 1932. – 296 с.
2. Архивный отдел Администрации Зонального района. – Ф. 25. Листовка. 1935. – Оп. 2. – Д. 38.
3. Беззубов П.Н. Село Зональное. Зональный район: история, люди и судьбы. Барнаул: Управление архивного дела Алтайского края. – 2003. – 852 с.
4. Зональный исторический музей. – Ф. 12. 1972. – Оп. 2. – Д. 3. Фотоальбом.
5. Морковкин Г.Г., Дёмин В.А., Дёмина И.В. Становление сельскохозяйственной науки на Алтае. // Вестник Алтайского государственного аграрного университета – 2009. – №8 (58). – С. 5-13.
6. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. – Москва, 2008. – 229 с.
7. Поляков Ю.А. Человек в повседневности // Вопросы истории. – 2000. – №3. – С. 125-127.

Информация об авторах

Почеревин Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, г. Бийск, e-mail: pev2@mail.ru

Флейшман Дарья Павловна – студентка факультета истории и права, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, г. Бийск, e-mail: rdp99@mail.ru

Information about the author

Pocherevin Evgeny Vladimirovich – The Candidate of historical Sciences Associate Professor of the Department of historical, legal and social-humanitarian disciplines of The Shukshin Altay State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia, e-mail: pev2@mail.ru

Fleishman Daria Pavlovna – student of the faculty of history and law, Altai state humanitarian pedagogical University named After V. M. Shukshin, Biysk, e-mail: rdp99@mail.ru

УДК 94(571)

Е.В. Демчик, Н.К. Боровец

ДОСУГ СОВЕТСКОЙ СЕМЬИ В 20–30-Е ГОДЫ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ АЛТАЯ)

Статья подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ
и Правительства Алтайского края (грант № 17-11-22006)

В статье на основе материалов личного происхождения, законодательных актов, периодической печати рассмотрены основные виды семейного досуга населения Алтая, определены методы проведения социокультурной политики советского государства как важнейшего условия формирования новой советской семьи, проанализированы формы досуга жителей региона в 1920-е – 1930-е гг. и его влияния на качество жизни людей.

Ключевые слова: социокультурная политика досуг, семья, быт.

RECREATION OF THE SOVIET FAMILY IN THE 20-30S OF THE XX CENTURY (BASING ON THE MATERIALS OF ALTAI)

This article examines the main types of family recreation of the population of Altai region basing on the author's personal materials, legislative acts, periodicals and literature. Methods for conducting the sociocultural policy of the Soviet state as the most important condition for the formation of a new Soviet family are being determined. The forms of recreation of the inhabitants of the region are being analyzed within the limits of the examined period and under its influence on the quality of people's life.

Keywords: social and cultural policy, recreation, family, everyday life.

Исследование истории повседневности в 1920-1930 гг. позволяет раскрыть сложный путь формирования особого типа личности - «советского человека».

Тема повседневности имеет давние традиции изучения в зарубежной историографии, но в работах российских историков стала фигурировать лишь в постсоветский период.

Досуг – одна из сторон повседневной жизни человека. Академик Ю.А. Поляков выделил изучение досуга в качестве одного из основных направлений истории повседневности.[5]

В монографии С.В. Журавлева и М.Ю. Мухина семейный досуг рассматривается как важнейший социальный фактор мотивации труда.[1]

В качестве источников использовались материалы устной истории – воспоминания жителей города Барнаула, Бийска, сел Быстрый Исток, Смоленское, Лесное, чье детство пришлось на период 1920 - 1930-х годов.

Если рассматривать досуг, как свободное от работы время, следует отметить, что рабочая неделя составляла 42 часа. 26 августа 1929 года была введена пятидневная рабочая неделя с одним выходным днём. Жительница города Барнаула В.К. Сацук (1927 г.р.) рассказывала: «Пятидневку мы ненавидели. Часто у родителей день отдыха приходился на разные дни пятидневки, и мы все вместе не могли встретиться за одним столом».

Семейный досуг – социокультурный и педагогический феномен, связанный с личностным развитием всех членов семейного коллектива при учете индивидуальных интересов и потребностей. Он делился на домашний и досуг с семьей вне дома. К видам досуга относятся: коллективные формы досуга и лично-семейные. Развитие новых форм связано с внедрением советской властью в обиход новых гражданских праздников и обрядов.

На Алтае новые революционные праздники слабо внедрялись в быт в 20-е годы. Устойчивые позиции сохраняла церковь, существовали две системы праздничной культуры: традиционная религиозная обрядность и система новых государственных праздников. А.Г. Кузнецова (1926 г.р., с. Быстрый исток) вспоминает: «Праздновали Рождество. Родители сдобы настряпают, мяса нажарят, холодца наварят. Обязательным лакомством были сырники. В Рождество отец всегда пел с нами. Ходили по домам поздравляли соседей, получали сладости». По воспоминаниям Е.И. Мазаевой (1932 г.р. с. Смоленское): «Если у родителей совпадали выходные дни, летом ходили в лес за ягодами и грибами, зимой лепили пельмени впрок за одним большим столом, в один клали головку чеснока «на счастье». Отмечали масленицу, наряжались, пекли блины».

С конца 20-х годов власти предприняли решительные меры по борьбе за «безбожный быт». Проходила отмена выходных дней в церковные праздники. Борьба с Рождеством привела к отмене Нового года. Под угрозой административного наказания запрещалось устраивать елки в домах и общественных заведениях.[3] Согласно резолюции общего собрания рабочих-строителей Барнаульского группкома №2 от 22 января 1930 года было решено снять все церковные колокола и превратить их в «полезный» трактор.[4]

Большую часть городских семей Алтая привлекала новая культура проведения досуга: выезд из города искупаться и позагорать. Зажиточные семьи приобретали дачи. По воспоминаниям В.П. Мальцевой (1929 г.р. г. Бийск): «Дома отмечали праздники 7 ноября, 1 мая, дни рождения. На праздники были лакомства: пирог-курник, варенье из ранеток, повидло. Гордостью отца был самогон. По вечерам слушали радио, читали вслух. Отец с братьями любили ходить на рыбалку, на Бию, но хотели не просто наловить рыбу для еды, а провести время вместе, на природе».

Отличительной чертой эпохи 20–30-х годов были коллективные формы досуга, семейный внедомашний досуг. Участие в праздничных демонстрациях, массовых праздниках.

Одним из самых распространенных видов культурного семейного досуга было посещение кино. В 1926-1927 гг. в городе Барнауле было открыто 8 кинотеатров. Население могло посещать сеансы в зависимости от предпочтений жанра.

Театры так же пользовались популярностью в изучаемый период. Репертуар состоял из современных советских пьес, русской и иностранной классики.

Профсоюзы занимались организацией досуга студентов в каникулярное время. Организовывались походы на лыжах, проводились соревнования. По вечерам в физкультурном зале устраивались спектакли и кинопоказы. Каждую зиму заливали катки.

Излюбленными местами отдыха становились рабочие клубы и дворцы культуры. Они представляли собой сочетание библиотеки и театра, там находились зрительный зал, комнаты отдыха, читальни, бильярдные.

Еще одним из видов досуга были танцы. Власти внедряли политизированные танцы, например, танец «За власть Советов» под музыку песни «Смело, товарищи, в ногу».[2] Подобные танцы популярности не имели. На Алтае к этому виду досуга сформировалось неоднозначное отношение. У молодежи были популярны такие танцы, как тустеп и танго, к которым пожилые люди относились негативно, считали их буржуазным развлечением.

Стремление большевиков построить в России социалистическое общество порождало новый социалистический быт и новые формы семейного досуга. Прежний уклад быта отвергался по идеологическим соображениям, как наследие капитализма. Однако следует подчеркнуть и объективно прогрессивное значение повышения культуры проведения семейного досуга. Велась активная работа по приобщению широких слоев населения к досуговым формам урбанистического типа, что непосредственным образом влияло на характер ментальности людей той эпохи.

Список литературы

1. Журавлев С.В., Мухин М.Ю. Крепость социализма. Повседневность и мотивация труда на советском предприятии 1928—1938 гг., М.: РОССПЭН, 2004.
2. Измозник В.С. В «зеркале» политконтроля: Политический контроль и российская повседневность в 1918-1928 годах // Нестор. СПб.; Кишинев, 2001. №1.
3. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб.: Летний сад, 1999. –С.7-115.
4. Московский А.С. Рост культурно-технического уровня рабочих Сибири (1920-1937 года) / А.С. Московский. – Новосибирск: Наука, 1979. – 311с.
5. Поляков Ю.А. Человек в повседневности. (Исторические аспекты) // Труды Института российской истории РАН. 1999-2000. Вып. 3 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н.Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 290-322.
6. Шмойлов Э.П. Бийск вчера и сегодня. Бийск: Алт. кн. изд-во. 1974. – 210с.

Список информаторов:

1. Кузнецова Александра Григорьевна, 1926 г.р., с. Быстрый Исток, Алтайского края.
2. Мазаева Евдокия Ивановна, 1932 г.р., г. Бийск, Алтайского края.
3. Мальцева Валентина Петровна, 1929 г.р., г. Бийск, Алтайского края.
4. Сацук Васса Кондратьевна, 1927 г.р., г. Барнаул, Алтайского края.

Информация об авторах

Демчик Евгения Валентиновна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета Алтайского государственного университета

Боровец Нелли Константиновна – студентка третьего курса исторического факультета Алтайского государственного университета

Information about the authors

Demchik Evgenia Valentinovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of National History, Dean of the History Department of the Altai State University

Borovets Nelli Konstantinovna - a third-year student of the historical faculty of the Altai State University

УДК 930.85

М. С. Носова

ШКОЛЬНЫЙ ВОПРОС В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ОМСКАЯ ПРАВДА»).

Статья посвящена изучению повседневной жизни школьников г. Омска в годы Великой Отечественной войны, по газетным материалам. Представлен анализ публикаций в «Омской Правде» в период с 1941 по 1945 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, пресса, детство, школа, повседневность.

M. S. Nosova

THE SCHOOL QUESTION IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON MATERIALS OF THE NEWSPAPER "OMSK TRUTH").

The article is devoted to the study of everyday life of schoolchildren in Omsk during the Great Patriotic War, according to newspaper materials. The analysis of publications in Omsk Pravda in the period from 1941 to 1945 is presented.

Keywords: Great Patriotic war, press, childhood, school, humdrum.

Великая Отечественная война отразилась на всех сферах жизни людей, не только в прифронтовых районах, но и в глубоком тылу. Особой категорией населения, которая подверглась воздействию войны, были дети. Дети в тыловых городах не просто наблюдали войну, они были активными участниками работы в тылу, которую вел советский народ для победы над врагом. Школьники выезжали в колхозы для помощи в полевых работах, активно участвовали в ремонте и подготовке к учебе школ, собирали посылки и писали письма фронтовикам.

Изучение провинциальной детской повседневности в тылу проводилась исследователями Пермской области М. В. Ромашовой и В. М. Коренюк [1; 18]. Повседневности детей глубокого тыла в Сибири посвящена статья С.Г. Сизова, где автор подробно рассматривает школьную повседневность и отмечает четыре основных аспекта, появившихся в школьной жизни после начала войны:

1. Введение практических военных занятий;
2. Обучение вождению на сельскохозяйственной технике;
3. Повышение внимания к общественной работе школы;
4. Повешение ответственности к учебе (боязнь остаться на второй год или не сдать экзамены) [19, с. 200-203] .

В Омской области указанная сфера публичной жизни детей достаточно полно отражалась в периодической печати. Целью данной работы является анализ публикаций из центральной газеты Омской области «Омская Правда», посвященных «школьному вопросу».

С началом войны характер публикаций в газете резко меняется. Первая полоса газеты стала отводиться сводкам с фронта, которые с опозданием на сутки перепечатывались и с газеты «Правда». Со страниц «Омской правды» практически полностью исчезают заметки развлекательного характера. Но даже в такой обстановке в газете находилось место для публикаций о детях, об их достижениях как учебных, так и трудовых. В материалах газеты отдельно можно выделить «школьный вопрос». Начиная с августа 1941 г. газетные сообщения о жизни школьников появлялись регулярно. В статьях в газете «Омская правда» по «школьному вопросу» можно выделить на несколько основных тем.

Процесс обучения рассматривается с самых разных сторон. Изменения, произошедшие в условиях повседневной жизни, с началом войны отразились и на учебном процессе. В первые месяцы войны работа в полях потребовала помощи от школьников, в поля выезжали целыми классами [2]. Помимо помощи в полях школьники проводили для колхозников художественные выступления. С началом учебы в школах, возникает потребность подготовить учеников к следующему сезону, в 9-10 классах вводятся сельхоз предметы, создаются кабинеты с сельхоз пособиями [6]. В последующие годы школьники заранее готовились к выездам в колхозы и даже заранее хотели знать, куда они поедут [7].

Для обеспечений учебного процесса у жителей закупаются учебники [4]. В периодике рассказывается о множестве пионерских слетах, конференциях, собраниях [14]. Ученики делали доклады на разную тематику. Например, в школе № 53 ученики готовили доклады на тему воспитания и поведения советского школьника. Интересно, что автор публикации не уделяет большого внимания подробному содержанию докладов, ограничиваясь лишь конкретным списком литературы, применяемой школьниками для подготовки к докладам [11].

В 1943 году в целях улучшения качества образования было введено раздельное обучение. Появились женские и мужские школы, что также нашло отражение в периодике. Авторы пишут о том, как это изменение претворялось в жизнь, как это повлияло на процесс обучения. Раздельное обучение позволило уделить больше времени специальным предметам, таким как рукоделие у девочек и механика у мальчиков. Опасения, что ребята перестанут общаться, не оправдались, мальчики предлагают девочкам свою помощь в тяжёлой физической работе, а также ходят, друг к другу в гости [13].

Ремонт омских школ проводится с помощью учеников и родителей. В сельских школах ученики помогают в рубке дров и доставке их до школы [3]. Осенью 1943 и 1944 года встречаются записи о том, что ремонт школ не выполнен вовремя, в связи с этим, оказалось, невозможно начать учебный процесс [12]. Школьники и их родители активно включаются в жизнь школы. Родители помогают проводить кружки, частично заменяя, ушедших на фронт учителей [5].

Каникулы. Организации школьного летнего и зимнего отдыха юных омичей достаточно полно освещается в публикациях газеты. К лету обязательно подготавливались пионерские лагеря, в них школьники не только отдыхали, но и играют в военные игры, учатся ориентироваться на местности. Корреспонденты газеты после посещения пионерских лагерей обязательно публиковали статью о буднях школьников на отдыхе [15].

Зимой школы проводят походы на лыжах, организуют кружки и праздники для учащихся [8].

Помощь фронту. Газета описывала то, как школьники писали письма фронтовикам, собирали вещи для фронта и отправляли их в посылках. Так же организовывали помощь семьям фронтовиков. После войны публикуются благодарные письма фронтовиков, рассказывающие о помощи школьников их семьям [9].

Выпускные экзамены. Подробные отчеты о проведении экзаменов начинают публиковаться только с 1943 года. Рассказывается о подготовке выпускников к экзаменам, все относится к этому очень серьезно. Испытания проходят в мае-июне. Авторы статей рассказывают о подготовке и о том, как ученики подготовились к испытаниям [16].

Комсомол и школа. К концу войны на страницах газеты «Омская правда» частыми становятся публикации о взаимоотношении школьников и комсомола. Отмечается особая значимость организации школьного досуга в школах и их патриотического воспитания [15].

В годы Великой Отечественной войны тема детства освещалась на страницах газеты «Омская правда». Публикации в газете представляют интересный срез повседневной жизни в тыловом Омске. При этом, естественно, что основным информационным поводом для публикаций, учитывая специфику времени, являлись события войны. Поэтому газета достаточно полно отражала самые насущные проблемы обучения и воспитания детей во взаимосвязи с военными задачами советского общества. С начала войны жизнь в тыловом городе резко изменилась, не могли остаться в стороне от этого и дети. На страницах газеты «Омская правда» описано, как меняется характер обучения в школах, приоритетными становятся сельскохозяйственные специальности, в 1943 году вводится раздельное обучение в школах. Родители и ученики включаются в жизнь школы. Периодика региона активно отражала публичную сторону жизни школ и школьников в годы Великой Отечественной войны своими публикациями по «школьному вопросу», побуждая родителей и детей к активному участию в общественной жизни, ориентируя их на помощь фронту для победы над врагом.

Список литературы

1. Коренюк, В. М. Повседневная жизнь детей военного и послевоенного времени (по материалам Молотовской области): дис. ... кандидата ист. наук: 07.00.02 Пермь, 2017. – 293 с.
2. Омская правда [Текст]: областная газета. – Омск : [б. и.], 1941. – №156 «Юный патриот», №183 «Юные патриоты».
3. Омская правда [Текст] : областная газета. - Омск : [б. и.], 1941. – №201 «Учебный год начнется нормально».
4. Омская правда [Текст] : областная газета. - Омск : [б. и.], 1941. – №247 «Усилить закупку подержанных учебников».
5. Омская правда [Текст] : областная газета. - Омск : [б. и.], 1941. - №207 «В школе закипела жизнь».
6. Омская правда [Текст] : областная газета. - Омск : [б. и.], 1941. - №307 «Сельское хозяйство в школах».
7. Омская правда [Текст] : областная газета. - Омск : [б. и.], 1942. - №165 «Школьники изучают агротехнику».
8. Омская правда [Текст] : областная газета. - Омск : [б. и.], 1942. - №13 «Зимние каникулы в школах».
9. Омская правда [Текст] : областная газета. - Омск : [б. и.], 1942. - №53 «Подарки фронту».
10. Омская правда [Текст] : областная газета. - Омск : [б. и.], 1942. - №165 «Школьники изучают агротехнику».
11. Омская правда [Текст] : областная газета. - Омск : [б. и.], 1943. - №2, №249 «О поведении советского школьника».
12. Омская правда [Текст] : областная газета. - Омск : [б. и.], 1942. - № 181 «Первый день».

13. Омская правда [Текст] : областная газета. - Омск : [б. и.], 1943. - №181 «Младшие школьники начали учебный год», «Первый день», №140 «Первые месяцы в женской школе».
14. Омская правда [Текст] : областная газета. - Омск : [б. и.], 1944. - №44 «Слет пионеров», № 37 «Пионеры готовятся к слету».
15. Омская правда [Текст] : областная газета. - Омск : [б. и.], 1944. - №99 «Комсомол и школа».
16. Омская правда [Текст] : областная газета. - Омск : [б. и.], 1944. - №99, № 100, № 101, №107, №110.
17. Омская правда [Текст] : областная газета. - Омск : [б. и.], 1944. - №123 «На отдыхе».
18. Ромашова, М. В. Советское детство в 1945 - середине 1950-х гг. государственные проекты и провинциальные практики по материалам Молотовской области: автореф. дис. ... кандидата ист. наук: 07.00.02 Пермь, 2006. – 24 с.
19. Сизов, С. Г. Повседневная жизнь сибирского школьника в годы Великой Отечественной войны (По материалам дневника П.П. Капитонова) // Развитие дорожно-транспортного и строительного комплексов и освоение стратегически важных территорий Сибири и Арктики: вклад науки материалы международной научно-практической конференции [Электронный ресурс]. Омск, 2014. – С. 200-203.

Информация об авторах

Носова Марина Сергеевна – аспирант, кафедра «Отечественная история», Омский государственный технический университет, г. Омск, e-mail: mari93_1993@mail.ru.

Information about the author

Nosova Marina Sergeevna - post-graduate student, department " "National history", Omsk State Technical University, Omsk, e-mail: mari93_1993@mail.ru.

УДК 94 (571)

А.А. Козлова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОЖАН В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ОМСКА)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ и Министерства Образования Омской области 17-11-55006 «Повседневная жизнь в Западной Сибири накануне и во время Великой Отечественной войны (1939-1945 гг.)»

Статья посвящена особенностям экстремальной повседневности городских жителей Омской области на последнем этапе Великой Отечественной войны, когда, казалось бы, граждане нашей страны уже отчасти свыклись с особенностями военного времени. Особое внимание уделяется бытованию таких категорий населения, как рабочие и интеллигенция.

Ключевые слова: повседневность, бытование, Великая Отечественная война, эвакуация, тыл.

THE DAILY LIVES OF CITIZENS IN RECENT YEARS GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE EXAMPLE OF OMSK)

The article is devoted to the peculiarities of extreme everyday life of urban residents of Omsk region at the last stage of the great Patriotic war, when, apparently, the citizens of our country have become somewhat accustomed to the peculiarities of war. Special attention is paid to the existence of such categories of the population as workers and intellectuals.

Keywords: daily life, existence, great Patriotic war, evacuation, rear.

Проблема экстремальной повседневности интересует историков уже не первое десятилетие, поскольку именно эта сторона жизни общества позволяет сформировать наиболее полное представление о конкретной исторической эпохе, в том числе о военном периоде, поскольку наряду с документами, повествующими об официальных военных событиях, важное место занимают свидетельства современников, рассказывающие об обыденной жизни. Не менее важную роль играет изучение прессы, особенно местной, которая также рассказывает нам о том, как жили люди страны в целом и в чем особенности, характерные для конкретного региона. Западная Сибирь была глубоким тылом, поэтому военные сведения доходили сюда в первую очередь через официальную прессу, поэтому все местные районные и городские газеты перепечатывали наиболее актуальную информацию из органов центральной печати, но кроме передовиц, большое место занимали статьи о том, что происходило в нашей области и ее районах.

Важным моментом здесь является понятие повседневности, под которым подразумевается обычная каждодневная жизнь, наполненная рутинными событиями. Для человека – это работа и все, что с ней связано (организация условий труда, отношения с коллективом, руководством, выполнение своих непосредственных обязанностей), а также досуг, т.е. проведение свободного времени с друзьями, близкими, занятие любимыми делами. В военное время к этим вопросам ежедневного существования добавлялись различные обязательства и огромный интерес к тому, что было связано с событиями на фронте. В первый год войны этот интерес был связан с постоянной тревогой не только за близких, находившихся на фронте, но и страх за свою страну, поскольку неудачи Красной армии привели к оккупации Германией значительной части советских территорий. По мере развития успехов СССР в войне пришла твердая уверенность в победе, что не могло сказаться и на обычной жизни граждан, а особенно тех, кто находился в тылу.

Труд работников тыла стал темой многих исследований, посвященных как истории Великой Отечественной войны, так и социально-экономическому развитию СССР в военные годы: о героизме, сложных условиях работы написано очень много, чего нельзя сказать о человеке, который ничем не выделялся, но проявил свои лучшие качества в экстремальной ситуации, когда героизм стал повседневностью. Нужно отметить, что работники в тылу трудились, понимая ограниченность ресурсов, поэтому старались расширить производство. Так, на молочных комбинатах стали делать сгущенную сыворотку, которая разнообразила рацион питания омичей. На Сибзаводе рабочие вместо гаек стали использовать пластмассу, что давало возможность сэкономить металл, необходимый на военном производстве.

По сравнению с первыми годами войны к 1944 году ситуация в стране стабилизировалась, и сибирский тыл не был исключением. По-прежнему нормой был 12-13 часовой рабочий день, но нормой стало и решение вопроса об отдыхе рабочих. Так в марте 1944 года в Чернолучье был открыт Дом отдыха, в котором с этого момента ежемесячно отдыхало 500 рабочих промышленности и транспорта. В июне 1944 года в Ишиме открылся дом отдыха ВЦСПС для 200 работников. Большое внимание в течение всего военного периода уделялось летнему отдыху детей, и такая тенденция сохранялась в последний период войны.

С 1942 года в санаторий «Чернолучье» 1 июня выезжало по 200 детей, кроме того появились небольшие санатории на 45-50 коек для детей ясельного возраста в Крутинском, Большеречинском, Ишимской районах [2, с. 2]. Кроме санаториев, открывались пионерские лагеря: под Тюменью на 250 детей, в Чернолучье на 240 детей. Создавались и военные лагеря, где учащиеся совершенствуют свои военные знания, что было необходимо в условиях войны, особенно для подростков, которых в ближайшем будущем призвуют на фронт. Дети отдыхали за городом, а родители в это время трудились на предприятиях.

На момент начала Великой Отечественной войны город Омск был небольшим по числу жителей, но все же областным центром (около 280 тыс. чел.). Уже летом 1941г. сюда начали прибывать эвакуированные заводы вместе с рабочими и их семьями, что не могло не повлиять на изменение как внешнего облика Омска, так и быта его жителей: ведь прибывавших нужно было где-то расселять, чем-то кормить и в условиях наступавшей осени делиться топливом [5, с. 125]. Практически сразу же наряду со строительством предприятий началось и благоустройство работников, для которых были построены целые жилые районы, открывались школы, детские сады, магазины и больницы. Именно поэтому коренные омичи достаточно быстро привыкли к эвакуированным, а город значительно увеличился и расширился за военный период.

В последние военные годы жизнь обывателей несколько стабилизировалась: в работу включались бывшие рабочие, комиссованные с фронта, что конечно, облегчало работу женщин и подростков, которые составляли значительную часть рабочей силы, трудились наравне со взрослыми мужчинами. Но трудности военного времени сохранялись: отпуска были отменены, хотя за них начислялась компенсация, но она не выплачивалась, а поступала на сберегательные книжки под 3%. Однако это вовсе не означает, что работники тыла не имели наличных средств. Так, в «Омской правде» было отмечено, что за 1941-1945 гг. труженики Омска и области внесли значительный финансовый вклад в военную экономику: военные займы на сумму более миллиона рублей, участие в лотерее по несколько раз в год на сумму около 60 млн. рублей. С другой стороны, существовало денежное премирование, причем даже для детей. В начале февраля 1944 года прошел конкурс юных натуралистов, победители в котором получили по 200 рублей, а за второе место – по 100 рублей [8, с. 2.]. В целом, школьная жизнь была вполне обыденной: комсомольские собрания, пионерские сборы и слеты, шахматные первенства и другие события довоенной жизни, но теперь, разумеется, основной темой стали военные события, подвиги на фронте и в тылу врага.

В 1944 году вся территория СССР была освобождена от оккупантов, и жители глубоко тыловых территорий взяли шефство над предприятиями освобожденных земель. Подшефной территорией для Омской области стало Запорожье, что означало оказание помощи оборудованьем предприятиям, лошадьми, плугами, сельскохозяйственными машинами. Очевидно, что делалось это не от того, что в своих хозяйствах или на предприятиях ощущался избыток, но начало восстановления разрушенного хозяйства страны не могло оставить равнодушными граждан, поэтому делились всем, что было у самих в ограниченном количестве.

Много внимания с 1944 года стали уделять благоустройству города: за год было высажено 18660 деревьев, не считая цветов, открывались городские парки, были очищены фонтаны [7, с. 2.]. Эти мероприятия способствовали ощущению приближения конца войны, поскольку акцент смещался на мирное устройство города.

Досуг последних лет войны был похож на мирное время. В 1944-1945 гг. в Омске работали кинотеатры «Гигант», «Художественный», «Октябрь», а так же симфонический оркестр, который давал в сезон более ста концертов, и драмтеатр, в котором ставили спектакли гастрوليрующие труппы [1, с. 2.]. Кроме того, в Омском цирке открывался очередной сезон, в основном труппу составляли акробаты, животные тоже радовали зрителей. Для детей был открыт театр юного зрителя.

В июле 1944 года был открыт областной музей изобразительного искусства, а при нем – Омская студия художников, в которой возобновлялись занятия. Затем прошла выставка картин омских художников и скульпторов, наиболее известными из которых были Белов,

Козлов, Ясин. В это же время в течение лета в Омске проходил кинофестиваль, на котором демонстрировались новейшие американские и советские картины [4, с. 2].

В ноябре прошла декада советской музыки: по радио, в госпиталях, на городских концертах исполняли произведения Хренникова, Мясковского, Блантера, Шапорина.

В декабре город стал готовиться к встрече Нового года. В торговую сеть поступали новогодние игрушки, елки, украшения. В городской совет стали поступать заявки на обслуживание детских утренников и елок по специальным новогодним программам с дрессированными животными. Для молодежи готовили новогодние балы [6, с. 4].

В январе-феврале 1945 года были открыты новые учебные заведения и начался набор в открытые ранее. Особое внимание уделялось подготовке специалистов в авиапромышленности: токарей, фрезеровщиков, медников, столяров в ремесленных училищах. А учащиеся техникума резиновой промышленности в первый же год показали второе место по успеваемости среди учебных заведений всего Наркомата [3, с. 2].

Таким образом, говоря о повседневной жизни последних лет войны, нужно отметить, что наряду с задачей обеспечения победы и организации быта в военных условиях горожане постепенно возвращались к мирной жизни. Конечно, Омская область находилась в глубоком тылу и не так остро переживала тяготы войны, как те, кто был под властью фашистов, сохраняя некоторые черты мирной жизни. Но ситуация изменилась с прибытием эвакуированных, во многом осложнив быт омичей, однако к 1943 году ситуация стабилизировалась, а к концу войны начался постепенный возврат к мирной жизни, что выразилось и в образовательной, и в культурной жизни, и в быту.

Список литературы

1. Афиши // Омская правда. Орган областного и городского советов депутатов трудящихся. – 1944. – №№1-210.
2. В несколько строк // Заветы Ильича. Орган Колосовского РК РКП(б) и РИКа Омской области. – 1944. – №101.
3. Готовятся кадры резинщиков // Омская правда. Орган областного и городского советов депутатов трудящихся. – 1945. – №68.
4. Кинофестиваль // Омская правда. Орган областного и городского советов депутатов трудящихся. – 1944. – №110.
5. Козлова А.А. Повседневная жизнь эвакуированных рабочих на начальном этапе Великой Отечественной войны (на примере Омска) // Лучшая научно-исследовательская работа 2017: сборник статей XI Международного научно-практического конкурса / Под общ. ред. Г.Ю. Гуляева – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2017 – С. 124-128.
6. Новогодняя елка // Серп и молот. Орган городского и районного комитетов ВКП(б), городского и районного Советов депутатов трудящихся (выходит в городе Ишиме). – 1945. – №1.
7. Озеленение Омска // Омская правда. Орган областного и городского советов депутатов трудящихся. – 1944. – №78.
8. Премирование юных натуралистов // Омская правда. Орган Областного и городского советов депутатов трудящихся. – 1944. – №24.

Информация об авторе

Козлова Анна Александровна – кандидат исторических наук, доцент, кафедры «Философия», Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), г. Омск, e-mail: beigul-1@yandex.ru.

Information about the author

Kozlova Anna Alexandrovna – Candidate of historical sciences, associate Professor, Department of Philosophy, Siberian state automobile and road University (SibADI), Omsk, e-mail: beigul-1@yandex.ru

А.Ю. Пономарев

**НАЧАЛО ОСВОЕНИЯ ЦЕЛИНЫ НА АЛТАЕ В 1950-Х ГГ.:
РАЗЛИЧИЕ ШАБЛОНОВ ПРОПАГАНДЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ ЦЕЛИННИКОВ**

В статье на основе газетных публикаций середины 1950-х гг. представлено различие официальной пропаганды и реальной действительности начального периода освоения целины в Алтайском крае.

Ключевые слова: пропаганда, освоение целины, периодическая печать

A.Y. Ponomarev

**THE BEGINNING OF THE VIRGIN LANDS IN THE ALTAI REGION
IN THE 1950-S.: THE DIFFERENCE IN THE PATTERNS OF PROPAGANDA
AND REALITY IN THE TESTIMONY OF LANDERS**

In the article on the basis of newspaper publications of the mid-1950-s the difference between official propaganda and the real reality of the initial period of virgin lands development in the Altai territory is presented.

Keywords: propaganda, development of virgin lands, periodicals

Изучение различий пропагандистских шаблонов целинной кампании на Алтае, официальным началом которой считается март 1954 г. [3, с. 1-4] и реальной действительности освоения целины представляется наиболее целесообразным посредством рассмотрения источников, отражающих обе стороны данной кампании. Таким источником является периодическая печать – газетные материалы 1950-х гг., содержащие как официальную позицию советского руководства, заключающуюся в привлечении к освоению целины как можно большего количества добровольцев (главным образом – молодежи), так и свидетельства непосредственных участников освоения целины. Рассмотрение обеих сторон позволит сделать вывод о реальном положении дел непосредственно на месте проведения мероприятий по освоению целинных земель.

Власти старались широко популяризировать целинную кампанию для вовлечения наибольшего количества «энтузиастов». Поскольку взрослое население не в полной мере подходило для «вербовки» в ряды целинников (большинство – семейные, состоявшиеся в жизни люди со стабильным, налаженным бытом, прочно закрепившиеся на своей работе), основной контингент вербуемых должна была составлять молодежь, в большинстве своем не семейная и поэтому легко могущая покинуть место жительства.

Главной организацией, занимающейся вовлечением молодежи в иницилируемые властью кампании являлся комсомол. В соответствии с официальной идеологией, комсомол внушал молодежи представления о правильности проводимой в стране политики и необходимость участия молодежи в проводимых властью кампаниях. Населению внушался приоритет общественных интересов над личными, превосходство коллективизма, из чего проистекала необходимость участия в проводимых властью мероприятиях. Коллективный, массовый характер комсомольских собраний, создававший эффект давления большинства, заставлял участников вынужденно соглашаться с призывами партийных и комсомольских вождей в необходимости личного участия в проводимых кампаниях.

Так, одним из мероприятий, призванным популяризировать целинную кампанию среди молодежи, стало собрание комсомольцев Москвы и Московской области. Собрание началось с чествования комсомольцев, решивших последовать указаниям партии: «... Во всенародном движении за подъем сельского хозяйства большую и почетную роль занимает комсомол, наша славная советская молодежь. По призыву партии комсомольцы многих заводов, фабрик, МТС, колхозов и совхозов, советских учреждений решили поехать в районы Сибири, Урала, Поволжья и Казахстана на освоение залежных и целинных земель. Эта инициатива заслуживает всемерного одобрения и поддержки» [4, с. 1].

Обязательным элементом подобных собраний являлись выступления самих комсомольцев, публично объявлявших о своей готовности выполнить поставленные партией задачи: «...На трибуне слесарь Московского завода малолитражных автомобилей тов. Лунькин.

Мне 18 лет, я комсомолец. Как и все вы, я готов ответить делом на призыв нашей родной Коммунистической партии. Если партия сказала «надо», комсомольцы отвечают «есть».

Партия призвала освоить новые земли. На московском заводе малолитражных автомобилей около 300 человек откликнулись на этот призыв. Все они лучшие производственники, комсомольцы, передовые люди.

Сегодня уходит первый эшелон комсомольцев-добровольцев. Среди них поеду и я» [4, с. 1].

После выступлений комсомольцев, как правило, следовало выступление взрослых, что должно было уверить молодежь в действительной необходимости личного участия в проводимой властью кампании: «... Слово предоставляется комбайнеру Усть-Лабинской МТС Краснодарского края Герою Социалистического труда тов. Балакину.

... В нашем Усть-Лабинском районе очень много молодежи изъявило желание ехать на освоение целинных земель. На молодежном собрании мы создали целую бригаду из 18 комсомольцев-механизаторов и назвали ее именем 12-го съезда ВЛКСМ. ...

Большие дела намечены нашей партией. Решать их идет молодежь, воспитанная комсомолом. Много юношей и девушек Кубани уже изъявили желание осваивать целинные земли. На днях группа энтузиастов отправляется в Алтайский край. ...

Комсомол всегда был впереди в решении больших задач. И мне хочется заверить Центральный Комитет партии, что поставленные задачи мы выполним, будем верны славным традициям комсомола» [4, с. 1].

Поскольку данное собрание проводилось в Москве, не составляло большого труда обеспечить на данном собрании присутствие главы государства – Н.С. Хрущева, выступление которого должно было закрепить в сознании комсомольцев правильность принятого решения отправиться на освоение целины: «... Слово предоставляется первому секретарю Центрального Комитета КПСС товарищу Хрущеву Н. С. ...

... Задача освоения целинных и залежных земель, поставленная Центральным Комитетом КПСС и Советским правительством, очень большая и важная задача. ...

– Очень хорошо, что вы, молодые, задорные, первыми откликнулись на призыв партии. Можно не сомневаться, что вашему примеру последуют тысячи, десятки тысяч советских людей. Вы едете в замечательные районы страны. Там много очень хороших людей, знающих свой край, любящих его, знающих, как надо вести сельское хозяйство. Надо работать рука об руку с ними, учиться у них, советоваться с ними» [4, с. 1].

Завершением комсомольского собрания стало обращение его участников к комсомольцам страны, призывавшем последовать их примеру и отправиться на освоение целины: «... Мы, молодые рабочие промышленных предприятий г. Москвы, специалисты и механизаторы Московской области, отъезжающие на новые земли, обращаемся к молодым механизаторам и специалистам сельского хозяйства, рабочим промышленных предприятий и совхозов, ко всем комсомольцам, юношам и девушкам с горячим призывом:

– Становитесь в ряды нашей новой трудовой рати! Поезжайте на новые земли!

...Сегодня под сводами Большого Кремлевского дворца мы торжественно обещаем – со всем жаром наших комсомольских сердец взяться за новое великое дело, которое поручает нам Коммунистическая партия и Советское правительство.

Мы уверены, что следом за нами выступят в дорогу новые трудовые отряды молодых энтузиастов» [4, с. 1].

Совершенно иным образом отражаются различные аспекты пребывания на новых местах энтузиастов-целинников, решивших по призыву партии и комсомола поехать на освоение целины. Эйфория торжественных партийных и комсомольских собраний исчезает при знакомстве с реальной действительностью на местах прибытия энтузиастов-добровольцев, прибывших в новые края по призыву партийных и комсомольских агитаторов. Так, главный инженер Зареченской МТС Топчихинского района С. Трандин высказывает справедливое возмущение по поводу неудовлетворительных социально-бытовых условий жизни целинников в селе Чистюнька, в котором располагалась Зареченская МТС: «По призыву партии я, авиационный инженер, приехал в Алтайский край, чтобы принять участие в подъеме сельского хозяйства. В Барнауле моя семья была встречена тепло и радушно. Здесь получил направление на работу в качестве главного инженера Заречной МТС Топчихинского района...

Очень плохо поставлено обслуживание работников МТС. В магазинах сельпо редко бывают в продаже продовольственные товары первой необходимости. Крайне узок ассортимент промышленных товаров. Серьезные нарекания механизаторов и специалистов вызывает неудовлетворительная постановка общественного питания. Мало проявляется заботы о бытовом обслуживании работников МТС. В Чистюньке нет общественной бани, парикмахерской» [2, с. 2].

Свидетельства целинников сохранили также их оценки собственно «производственных» аспектов освоения целинных и залежных земель, касающихся проводимых агрокультурных мероприятий и способов повышения эффективности возделывания земель. Так, в ходе проводившегося в марте 1954 г. краевого совещания директоров МТС, секретарей райкомов КПСС по зонам машинно-тракторных станций и председателей колхозов целинниками было представлено свое видение насущных вопросов освоения новых земель: «... Слово предоставляется директору Топчихинской МТС тов. Василенко.

– Шаблонное применение травопольной системы имеет место и в нашей МТС. В полях севооборота обслуживаемых станцией колхозов посеяно 10 000 гектаров трав, а урожаи получаем все же крайне низкие.

... Выступает директор Пospelихинской МТС тов. Химочко.

... Мы и по сей день еще не имеем ясного представления о том, где должны поднимать целину под пар и зябь. Дело в том, что у нас в районе нет точного анализа химического состава почв. А без этого нельзя правильно определить, где и какую обработку надо дать почве.

Мы ставили вопрос перед крайсельхозуправлением о создании в нашей МТС агрохимлаборатории, однако он до сих пор не решен.

... Выступивший на совещании председатель крайисполкома тов. Пысин заявил, что расширение посевных площадей за счет освоения целинных и залежных земель нельзя рассматривать только как механическое увеличение объема полевых работ. ...

Тов. Пысин на конкретных примерах показывает, к чему может привести односторонний подход к решению вопросов расширения посевных площадей.

– В Угловском районе будет распаханно в отдельных колхозах до 90 процентов всех закрепленных за артелью земель. Значит, в колхозе не будет выпасов, сенокосных угодий. Необходимо уже сейчас в деталях продумать меры по обеспечению скота кормами. Ясно, что надо организовать стойлово-лагерное содержание скота в летний период, позаботиться о производстве сочных кормов» [1, с. 2].

Представленные выше свидетельства целинников наглядно иллюстрируют неудовлетворительное состояние как социально-бытовых условий жизни целинников, так и непродуманную организацию сельскохозяйственных работ.

Источники, иллюстрирующие официально-пропагандистскую позицию власти и источники, представляющие реальные свидетельства жизни целинников по своему стилю и содержанию коренным образом отличаются друг от друга. Официально-пропагандистские материалы, в свою очередь, можно разделить на две группы. Первая – публикации решений партийных съездов, пленумов ЦК КПСС, комсомольских собраний и т. п. По сути, они представляют собой программные документы, планы намеченных властями преобразований. Главным обоснованием принятия тех или иных решений объявлялась забота партии о благах трудящихся.

Освоение целины с одной стороны является примером эффективности пропаганды, а с другой – примером невозможности истребить в людях законное, естественное стремление к нормальным условиям быта и работы. Так, энтузиасты, приехавшие на освоение целины и столкнувшиеся с недостатками быта, обслуживания, проведения сельскохозяйственных работ высказывали по этому поводу справедливое возмущение, совершенно обоснованно предъявляя претензии местным властям, упрекая их в невнимании к нуждам трудящихся.

Список литературы

1. Краевое совещание директоров МТС, секретарей райкомов КПСС по зонам машинно-тракторных станций и председателей колхозов // Алтайская правда. – 1954. – № 65, 17 мар. – С. 2
2. Неправильное отношение! // Алтайская правда. – 1954. – № 48, 27 февр. – С. 2
3. О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель: постановление Пленума ЦК КПСС, принятое 2 марта 1954 г. по докладу тов. Н. С. Хрущева // Алтайская правда. – 1954. – № 56, 7 мар. – С. 1-4
4. По призыву партии – на освоение целинных и залежных земель: собрание комсомольцев Москвы и Московской области в Большом Кремлевском дворце // Алтайская правда. – 1954. – № 46, 24 февр. – С. 1

Информация об авторах

Пономарев Андрей Юрьевич – магистрант Факультета истории и права, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, г. Бийск, e-mail: Marschall1991@mail.ru

Information about the author

Ponomarev Andrey Yurievich – student of the faculty of history and law, The Shukshin Altay State Humanities Pedagogical University, Biysk, e-mail: Marschall1991@mail.ru

Д.С. Орлов

**КУЛЬТУРНОЕ И СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ОБУСТРОЙСТВО СЕЛА
АЛТАЙСКОГО КРАЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГГ.**

В статье производится анализ развития культурного и социально-бытового развития села Алтайского края в 1960-1980-е гг. Рассматриваются проблемы государственной культурной политики в деревне, развития сельской инфраструктуры. Особое внимание уделяется кадровому и материально-техническому обеспечению учреждений сельской культуры.

Ключевые слова: аграрный сектор, культурное обслуживание, социальная инфраструктура, Алтайский край.

D.S. Orlov

**CULTURAL AND SOCIAL WELFARE OF THE VILLAGE
ALTAI TERRITORY IN THE SECOND HALF OF THE 1960-
FIRST HALF OF THE 1980S.**

The article analyzes the development of the cultural and social development of the Altai Territory in the 1960s-1980s. The problems of state cultural policy in the countryside, the development of rural infrastructure are considered. Particular attention is paid to personnel and material and technical support of rural culture institutions.

Keywords: agrarian sector, cultural services, social infrastructure, Altai Territory.

Различия в социальных, культурно-бытовых условиях жизни сельского и городского населения в связи с ускоренным развитием городского обустройства в 70-80-е гг. XX в. не сглаживались и оставались существенными. К середине 1970-х гг. в Алтайском крае, как и по всей стране, продолжали существовать заметные социально-классовые различия.

Центральными органами советской власти в рассматриваемый исторический период предпринимались шаги по развитию культурного обслуживания села. Так, совместное постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 24 декабря 1976 г. «О повышении минимальной зарплаты рабочих и служащих с одновременным увеличением ставок и окладов среднеоплачиваемых категорий работников, занятых в непроизводственных отраслях народного хозяйства» на 18% повысило зарплату работникам просвещения, здравоохранения, соцобеспечения, культуры, торговли и общепита [8, с. 159].

Постановление ЦК КПСС от 10 ноября 1977 г. «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения» отметило ряд имеющихся пробелов. Среди них особо выделялись: слабое использование всех имеющихся возможностей, недостатки в обслуживании мелких населенных пунктов, слабая работа телевидения на селе, малочисленность капвложений на объекты культуры, слабую централизацию библиотек и отсутствие координации среди предприятий культуры. Это постановление также предусматривало ряд мер для закрепления на селе молодых культработников. В частности, разрешалось предоставлять кредит до 1 тыс. руб. на хозяйственное обзаведение сроком на 5 лет с выплатами, начиная с 3 года. Хозяйствам было рекомендовано производить доплаты работникам культуры в размере 30% оклада за активную культмассовую работу на селе [5, с. 570-577].

Согласно этому постановлению в Алтайском крае была проделана определенная работа. Так, за годы десятой пятилетки (1976-1980 гг.) в крае были сданы в эксплуатацию здания Советского, Петропавловского, Табунского, Михайловского районных домов культуры, Шипуновской детской музыкальной школы. Также новые здания получили 160 библиотек, в том числе Благовещенская, Тюменцевская, Петропавловская и Ельцовская районные библиотеки. За этот же период сельской киносети было выделено 470 кинопроекторов, 69 автомобилей и 11 тяжелых мотоциклов. В Топчихинском районе вопросы развития культуры были обсуждены на бюро райкома в июне 1978 г. В июле состоялся партийно-хозяйственный актив по вопросам улучшения культурного обслуживания жителей района. В районном отделе культуры были разработаны мероприятия и проведен семинар культпросветработников, на котором обсуждались вопросы выполнения данного постановления. Был разработан план культурно-воспитательной работы, проведен текущий ремонт учреждений культуры, закуплена аппаратура и инструменты для народного хора [2, л. 84-87].

Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию художественного самодеятельного творчества» (март 1978 г.), способствовало расширению сети кружков художественной самодеятельности, объединению сельских клубных учреждений [6, с. 122]. В соответствии с этим постановлением в 30 райцентрах края были созданы культурные районные комплексы, в том числе в Родино, Павловске, Сорокино, Шипуново, Ключах, Алтайске и т.д. Например, в Родинском районе были организационно объединены: ДК, 2 клуба, кинотеатр, районная библиотека, музыкальная школа, парк культуры и отдыха, краеведческий музей, народный театр, народный университет культуры и художественно-оформительская мастерская. Также в этом роде показателен опыт совхоза «Заря» Баевского района. Ежегодно утверждался комплексный план воспитательной работы. Велись календари передового опыта, проводилось чествование передовиков, обряды посвящения в хлеборобы, праздники урожая. Также работники культуры проводили театрализованные вечера, народные праздники и обряды в клубах, устраивались премьеры фильмов, тематические кино вечера и т.д. Другой интересной формой сотрудничества было шефство учреждений и организаций культуры над колхозами и совхозами края. Например, Алтайский краевой драматический театр шефствовал над колхозом «имени Ленина», совхозом «Санниковский» и хозяйствами Новичихинского района. Всего же по культурному обслуживанию села работало 7 театров, 2 концертных организации, 2 тыс. клубов и ДК, 144 автоклуба, 1437 библиотек, 110 детских музыкальных и художественных школ. В 1977-1978 гг. предприятиям и организациям Родинского, Павловского и Рубцовского районов удалось установить тесные связи и наладить контакты с учреждениями культуры и искусства.

Остаточный принцип выделения ресурсов на развитие культуры, отношение к культурному строительству как к нерентабельному, привели в десятой пятилетке к падению темпов культурного строительства, снижению объемов капиталовложений на возведение объектов культуры и досуга. Например, крайне долго осуществлялось строительство клубов в хозяйствах объединением «Краймежколхозстрой». Долго строились клубы в колхозах «Заветы Ильича» Шипуновского и им. Ленина Романовского районов. Из 17 строящихся в 1978 г. клубов к сдаче было намечено всего 4. Строительными организациями «Главалтайстрой» с 1976 г. не осваивались средства, выделенные на строительство ДК в поселке Соколово и селе Первомайское Бийского района. Управление «Алтайсельстрой» также медленно вело строительство объектов социально-культурной сферы. Так, за 2 г. и 9 месяцев X пятилетки объем строительно-монтажных работ был выполнен на 46 %, не введены в эксплуатацию 19 клубных зданий. За 9 месяцев 1978 г. из 11 клубов был сдан только 1, освоено 40 % годового объема строительно-монтажных работ.

В Заринском районе функционировало 20 ДК, 19 клубов, 1 районный ДК, 1 городской ДК, 4 автоклуба, 34 библиотеки. Книжный фонд составлял 323 тыс. книг, количество читателей – 32 тыс. чел. Действовало 32 кружка, а в самодеятельности принимало участие 7 тыс. чел. В смотре 1979 г. выступали 25 коллективов (1,2 тыс. чел.). В районе 37 работников культуры обучались, причем 13 из них являлись стипендиатами хозяйств. На

приобретение костюмов и инструментов было затрачено 27 тыс. руб., хотя на укрепление материально-технической базы всего 13 тыс. руб. Зачастую и сами хозяйства вели культурное строительство. Так, колхоз им. Кирова Славгородского района с доходом в 10 млн руб. и прибылью в 4 млн руб. вкладывал деньги в благоустройство села, строительство ДК, стадиона, спортзала, торгового центра. Отметим, что такое строительство могли позволить себе только рентабельные хозяйства.

Обслуживанием сельского населения также занималась краевая филармония, состоявшая из 10 художественных коллективов, симфонический оркестр, 2 группы культурно-музыкального лектория, сольный концерт заслуженного артиста РСФСР Е.В. Скрипченко, ансамбль танца и песни «Огоньки», 5 эстрадных бригад [1, л. 178]. В 1979 г. театры дали в сельской местности 1169 спектаклей. Концертные организации дали 1877 концертов и обслужили 364,2 тыс. зрителей. В 1984 г. состоялся первый краевой поход автоклубов под девизом «Малому селу – высокое культурное обслуживание». В 1985 г. 145 автоклубов обслуживали 1 млн 50 тыс. жителей малонаселенных пунктов Алтайского края [4, л. 14].

С конца 70-х гг. в крае получили развитие культурные комплексы. Нововведение заключалось в том, что в районе объединялись все учреждения культуры, и шло комплексное планирование культурной деятельности. Процессы концентрации сельскохозяйственного производства вели к социально-демографическим изменениям, в частности, к укрупнениям хозяйств и населенных пунктов. Неравномерное распределение сети культурных учреждений, недостаточно высокий уровень материально-технической базы были причинами возникновения и развития комплексов.

Комплексы создавались по решению райисполкомов и управлялись координационными советами. Один из таких комплексов успешно функционировал в селе Ключи. В него входили районный ДК, районный спорткомплекс, кинотеатр «Мир», ДЮСШ, ДМШ (детская музыкальная школа), ДХШ (детская художественная школа), библиотеки, Дом пионеров, лыжная база, клуб СПТУ №10, спортзалы школ и красные уголки предприятий и организаций. КСК тесно сотрудничал с общественными организациями, депутатскими группами, женсоветом, обществом «Знание», Советом ветеранов и Советом наставников [3, л. 1-6].

Важным фактором улучшения культурного обслуживания сельского населения было совершенствование деятельности библиотек. Особо необходимо отметить проводимую в 1974-1976 гг. централизацию библиотечной системы Алтайского края. Она позволила читателям полнее использовать возможности библиотеки. В крае функционировали 1259 школьных, 102 детских, 963 сельских библиотеки и 584 библиотеки при начальных школах. Например, в Кулундинском филиале Кулундинской ЦБС, созданной в конце 1975 г., за 9 месяцев 1976 г. проведено вдвое больше мероприятий, чем за тот же период 1975 г. Число читателей возросло на 110 человек, книговыдача на 1 тыс. экземпляров. Всего по ЦБС за тот же период проведено на 246 массовых мероприятий больше. Однако необходимо отметить тот факт, что в Алтайском крае всего лишь 9,2% сельских библиотек имели стационарные читальные залы, а в 149 библиотеках условий для чтения книг вообще не было. Кроме того, значительное количество из них находилось в аварийном состоянии [7, с. 186]. В изучаемый период увеличился выпуск журналов и книг, выросло количество библиотек, киноустановок и клубных учреждений, увеличился и выпуск газет и журналов.

Таким образом, некоторые качественные изменения, достигнутые в сфере сельской культуры, не сняли полностью проблем с кадрами, что не могло не повлиять на уровень культурно-воспитательной работы. Излишний идеологический контроль над развитием учреждений культуры приводил к тому, что они зачастую занимались идеологической работой. Функционировавшая административно-командная система в силу своей централизованности, бюрократичности и консерватизма, не могла адекватно ответить на новые условия.

Список литературы

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). - Ф.Р.1041. – Д. 852.
2. ГААК. - Ф.Р.1041. – Д. 864.
3. ГААК. - Ф.Р.1041. – Д. 966.
4. ГААК. - Ф.Р.1041. – Д. 985.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1978. - Т. 12. – 573 с.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1987. - Т. 13. – 509 с.
7. Некоторые проблемы партийного руководства культурным строительством в Сибири. - Барнаул, 1985. - 211 с.
8. Орлов Д.С. Аграрный сектор Алтайского края во второй половине 70-х - первой половине 80-х годов XX в. / Д.С. Орлов. – Бийск: БПГУ им. В.М. Шукшина, 2007. – 204 с.

Информация об авторе

Орлов Дмитрий Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина. E-mail: orlovd2010@mail.ru

Information about the author

Orlov Dmitry Sergeevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Historical, Legal and Socio-Humanitarian Disciplines, Altai State Humanitarian Pedagogical University. V.M. Shukshin. E-mail: orlovd2010@mail.ru

УДК 629.4 + 94(571)

А.В. Соболев

ИСТОРИЯ НОВОСИБИРСКОГО ТРАМВАЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Статья посвящена истории трамвая города Новосибирска в советское время в период с 1934 по 1991 год. Автор выделяет три этапа в развитии Новосибирского трамвая и даёт краткую характеристику каждому из этапов.

Ключевые слова: Новосибирск, трамвай, история транспорта, городской электротранспорт.

A.V. Sobolev

THE HISTORY OF THE NOVOSIBIRSK TRAM IN THE SOVIET PERIOD

Abstract: The article is about the history of the Novosibirsk's trams during the Soviet period from 1934 to 1991. The author identifies three stages in the development of the Novosibirsk tram and gives a brief description of each stage.

Key words: Novosibirsk, tram, transport history, city electric transport.

Актуальность изучения истории трамвайного транспорта в нашем городе заключается в том, что сейчас возрос интерес к трамваю как самой доступной в строительстве альтернативе

метрополитена и пригородных электропоездов. Кроме того, его история неразрывно связана с историей Новосибирска.

В истории новосибирского трамвая в Советский период мы выделили три этапа его развития по критерию прироста или убыли длины трамвайных линий.

На начальном этапе постановлением президиума Новосибирского горсовета от 9 августа 1931 года за №448 началась подготовка к строительству. Первые пути стали укладывать на участке Вокзал – Центр. Возведено временное трамвайное депо. Торжественное открытие движения состоялось 26 ноября 1934 г. на маршруте «Вокзал – Ипподромская площадь – Центр», и в первый день перевезено 5945 человек [3].

Характерно, что в эпоху Первой и Второй пятилетки трамвай воспринимался как наиболее доступный вид транспорта, позволяющий перевозить большое количество людей и требующий минимальных затрат при эксплуатации. Трамвай стал появляться в промышленных городах Донбасса (Сталино, Луганск, Рыково, Макеевка, Константиновка, Краматорск, Горловка, Стаханов) и Сибири (Новосибирск, Сталинск, Прокопьевск, Омск).

Следующим шагом стало строительство трамвайных линий до заводов «Труд» и завода имени Чкалова. Так трамвай соединил промышленные окраины города с центром.

К 1937 году общее число воспользовавшихся этим видом транспорта составляло 43 млн, в 1938-м году — 47 млн, в 1939-м — уже около 50 млн пассажиров [1].

30 апреля 1941 г. открыто движение на левый берег Оби по кольцевому маршруту «А» по улицам Трамвайная (Титова), Троллейная, Вокзальная (Станиславского), Демьяновская (Широкая). В годы войны трамвайное движение было не только пассажирским, но и грузовым: доставлялись материалы и комплектующие на военные заводы, в весенний и осенний сезон осуществлялась перевозка картофеля [2, с. 17].

Второй этап – самый длительный – с 1945 г. по 1980 г., когда наблюдалось максимальное удлинение трамвайных путей. Данный этап связан с массовым жилым строительством на окраинах города. Выделим основные построенные линии: на правом берегу строительство линии по улицам Богдана Хмельницкого, Учительская, Трикотажная, Локтевская (Гурьевская), Гусинобродский тракт (Никитина), Волочаевская, Кошурникова.

На левом берегу – строительство линии по улице 2-ой Пятилетки (Сибиряков-Гвардейцев) и Памирская (Петухова), улица Мира, Вертковская улица [2, с. 82-83]. Отмечу 1955 год: пуск трамвайного движения по Октябрьскому мосту, связавшего Правобережную и Левобережную сеть в единую систему.

Пассажиropотоки на Правом берегу распределялись между крупными транспортными узлами, центром города и окраинами. Трамвайная сеть Левобережья в основном была ориентирована на связь «завод – рабочий микрорайон».

Трамвай становится неотъемлемым лицом города. На главном железнодорожном узле – вокзале Новосибирск-Главный приехавшего гостя встречал трамвай.

С 1949-го по 1989-й в городе появились четыре трамвайных депо: Кировское, Октябрьское, Ленинское и Дзержинское.

Третий этап пришёлся на рубеж 80-ых и 90-ых годов 20-ого века. Трамвайные пути убраны со многих центральных улиц города. Ликвидация трамвайных линий, прежде всего, связана с надземным способом строительства метро. Трамвай вытесняется на окраину, становится транспортом, соединяющим отдалённые жилые массивы со станциями метрополитена. Последним крупным строительством в Советский период станут линии по улице Троллейной и Связистов, идущие на Юго-Западный жилмассив.

Кроме того, одной из причин удаления трамвая с улиц города стал бурный рост автомобилизации населения – так, под предлогом перегруженности автотранспортом в 1992 году ликвидирована линия на Октябрьском мосту – получились две изолированные сети.

Открытие трамвая в 1934 году было таким же значимым событием для города, как открытие в 1986 году метро. За годы с момента начала строительства в 1932 году до эпохи крупных демонтажей Новосибирский трамвай пережил подъём и спад в своей истории.

Список литературы

1. Кузменкина Л. Новосибирскому трамваю – 80 лет! // Библиотека сибирского краеведения [электронный ресурс]. URL: <http://bsk.nios.ru/content/novosibirskomu-tramvayu-80-let-0> (дата обращения 30.05.2018).
2. Пунцуль И., Шахтарина И. 70 лет Новосибирскому трамваю. Новосибирск: Из-во «Сета», 2004 – 104 с.
3. Статистика перевозки пассажиров за 1934 год. // Архив Музея МКП ГЭТ г. Новосибирска.

Информация об авторах

Соболев Алексей Васильевич - студент 4 курса, направление подготовки «Педагогическое образование», профиль «История», Институт истории, гуманитарного и социального образования, ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Новосибирск, e-mail: sav240392@mail.ru

Information about the author

Sobolev Alexey Vasilievich - 4th year student, direction of «Pedagogical Education», profile «History», Institute of History, Humanities and Social Education, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, e-mail: sav240392@mail.ru

УДК 069.01

Е.Е. Ланкина

ЗАРУБЕЖНОЕ И ОТЕЧЕСТВЕННОЕ МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО В 20е ГОДЫ XX ВЕКА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются основные тенденции развития отечественных и зарубежных музеев периода 20-х годов прошлого века. Дан анализ общих и отличительных особенностей музейной деятельности.

Ключевые слова: музей, международные объединения, государственное управление, идеология

E.E. Lankina

FOREIGN AND RUSSIAN MUSEUM BUSINESS IN THE 1920S OF THE XX CENTURY: DEVELOPMENT TRENDS

The article discusses the main trends in the development of Russian and foreign museums of the period of 20s of the last century. The analysis of the general and distinctive features of Museum activity is given.

Keywords: museum, international associations, public administration, ideology

На развитие музейного дела в 20-е годы XX века большое влияние оказали политические события в мире и России, а также состояние мирового искусства времени обострения идеологической борьбы.

Рассмотрим отличительные черты музейного дела в мировом пространстве, окружающем послереволюционную Россию.

Значимым в музейном деле стало появление международных объединений. В 1926 г. организовано Международное музейное управление при Лиге Наций. При управлении был создан Институт интеллектуальной кооперации, организующий конференции, объединяющие музейных работников разных стран, организуется издание журнала «Мусейон».

Дан толчок развитию профессиональной периодике. К наиболее важным музейным журналам во Франции относились «Музей», «Музеи и коллекции», «Научные музеи»; в Германии «Природа и музей»; в Чехословакии – «Музейный обзор», в США – «Музейные ведомости» «Музейные новости», «Музеолог», в Японии — «Музеологические этюды».

Появляется интерес к музееведческой исследовательской работе и практике, возрастает количество монографий в разных странах.

В области искусства создаётся глобальный художественный рынок. Музей, с одной стороны, формирует вкус к коллекционированию и, в итоге, становится пристанищем личных коллекций.

Характерным для европейских стран становится перераспределение индивидуальных и музейных коллекций через распродажи или аукционы (с их помощью были составлены собрания богатых американских коллекционеров), а также национализация коллекций правящих династий, свергнутых в ходе революций (Габсбургов в Австро-Венгрии, Виттельсбахов в Баварии, Романовых в России).

Наблюдается количественный рост музеев (в США в 20-е годы количество музеев увеличилось в три раза, в Японии - в десятки раз, в Великобритании к 400 музеям начала 20-х прибавилось 40, к 30-м ещё 60, а в Германии к 1930 году было более 1500 музеев). Появляются музеи в тех странах, где их не было вовсе или они насчитывались единицами. В Китае к 1921 г. количество музеев составило 13, а к тридцатым годам – около 30 [3].

Новым явлением стали музеи-дворцы (замки), «города-музеи» и музейные территории. На основе ранее закрытых частных коллекций появляются новые частные музеи. В Европе и Америке появляются музеи, посвященные жизни и творчеству великих деятелей культуры.

В странах, получивших независимость, появляются национальные музеи. Ярким примером служит Чехия, где открылись музеи национальных композиторов, а также музей В.А. Моцарта, концертировавшего и в Чехии.

Интересной чертой является возникновение новых жанров музеев (например, музей почты, музей автомобилей, медицинский музей и др.).

Одной из существенных особенностей музейного дела в России стало значительное влияние государства на всех этапах музейного строительства. Система государственного управления музейным делом стала основой для проведения принудительной национализации. Для первых лет советского периода музейного дела в России характерны дискуссии по основным вопросам организации музейной деятельности, которые велись на совещаниях, конференциях, страницах журналов «Музей», «Художественная жизнь», «Экскурсионное дело» и др.

Характерны поиски форм экспозиций, доступных для пришедшего в музей массового посетителя. Таковы экспериментальные историко-бытовые выставки ансамблевого характера «Крестьянское искусство» в Историческом музее в Москве (1921), фондовые выставки Историко-бытового отдела Русского музея, «Десять лет борьбы и строительства» в музее Революции СССР (1927). Делались попытки построения новых экспозиций «по социально-экономическим формациям» [4].

В эти годы сформировалось представление о музеях России как единой системе, назначение которой – сохранение культурного наследия и приобщение к нему. Новый период в истории музейного дела – систематизация и стабилизация музейной сети, шёл до конца 1920-х гг. [4].

С 1923 года музеям была разрешена продажа имущества, «не имеющего историко-художественного значения», что сделало возможной реализацию хранящихся в музеях и

Государственном музейном фонде музейных предметов через аукционы и антикварные магазины (в конце 1920-х – начале 1930-х гг. это привело к невосполнимым утратам) [4].

Возрастание роли идеологических факторов во всех областях жизни нашло отражение в повышении внимания к памятникам революционных событий, сопровождавшемся усилившимся сносом древних сооружений. К 1930 г. из ранее зарегистрированных 10 тыс. недвижимых памятников искусства под охраной оставалось десятая часть [4].

В конце 1920-х годов представление о музее как научном центре, ведущем на базе своих исследований просветительскую работу, сменяется отношением к музею как политпросветкомбинату, являющемуся оружием пропаганды установленных партийных концепций. Задачи углубления культурной работы вступают в противоречие с упрощенными взглядами на культуру, нарастает политический нажим на музейное дело в России.

Положительной тенденцией было развитие краеведения. Краеведы 20-х гг. выступали преемниками родиноведческого движения начала столетия, а в ряде случаев краеведческую работу на местах направляли те же люди, которые отдавали ей силы и до первой мировой войны. В результате возникла сеть краеведческих музеев (только на территории РСФСР в конце 1927 г. их количество приблизилось к 300) [4]. Краеведение приобрело невиданный научный потенциал. В разработку краеведческой проблематики были вовлечены крупнейшие ученые; они исследовали и музеефицировали усадьбы, здания монастырей. Широко развернулась и экскурсионная работа, связанная с культурологической проблематикой, созданием представлений об «образе», «душе» города, «культурного гнезда». Краеведение воспринималось как характернейшее явление Советской России, признанным массовым научно-культурным движением, и сферой культурно-просветительской политики. Но на рубеже 1929-30 гг. начался разгром краеведческого движения и арест его видных деятелей.

В целом в XX годы музеи постепенно «мобилизовались» на участие в политических кампаниях. К сбору, сохранению, изучению памятников истории и культуры - смысла, сути музеев - власти относились враждебно.

Таким образом, с началом государственного руководства музеями закладываются зерна превращения их в идеологическое орудие.

В связи с вышесказанным, при значительном различии исторических обстоятельств жизни и социального развития в Советской России первых послереволюционных десятилетий и зарубежных стран этого же периода, можно выделить целый ряд общих явлений и тенденций в музейном деле. При этом ряд явлений можно сопоставить, так как в них наблюдается, с одной стороны сходство, а с другой стороны и принципиальное отличие. Но многие явления выглядят как совершенно особенные.

Общей тенденцией можно считать количественный рост музеев. Хотя характеристики этих новых музеев зачастую существенно отличались в России и за рубежом. Для Европы это появление музеев-дворцов (замков), «городов-музеев» и музейных территорий. Аналогичные явления – музеи-дворцы и исторические здания в качестве музеев и музейно-усадьбы характерны и для России 1920-30 гг. Появляются новые жанры музеев – это общая тенденция. Однако в России и на Западе это разные жанры: в Европе - музей почты, музей автомобилей, музей здравоохранения и др.; в Советской России - многочисленные музеи революции, историко-бытовые выставки, краеведческие музеи. Масштабная тенденция на Западе - появление музеев, посвященных жизни и творчеству великих деятелей культуры. Она имела место и в России.

Другая общая тенденция - интеграционные процессы в музейном деле. Для мира в целом это появление международных объединений, проведение международных музейных съездов и конференций. В России это Всероссийская музейная конференция; музейные съезды. Особенностью интеграционных процессов в России стало создание всероссийской единой сети музеев. На Западе своеобразной формой экономической интеграции в области обмена музейными фондами стало формирование единого мирового рынка произведений искусства и музейных артефактов. Нельзя сказать, что Россия при полном государственном контроле обменных процессов оказалась совсем в стороне от этого: предпринималась

реализация хранящихся в музеях и Государственном музейном фонде музейных предметов через аукционы и антикварные магазины, а также через организацию выставок за рубежом с продажей предметов искусства и прямого вывоза государством уникальных шедевров, владельцами которых становились частные западные коллекционеры. Хотя такие явления носили единичный характер. Общими и для России, и для стран Запада стало развитие музейной периодики и расширение исследовательской работы.

В Европе в связи с крушением ряда древних монархий происходит национализация коллекций правящих династий. В России масштаб национализации намного шире: происходит не только огосударствление собственности царских музеев и дворцовых комплексов, но и национализация всех крупных частных коллекций, исторически значимых дворянских усадеб. На этом фоне просматривается отличительная черта развития на Западе: появление новых частных музеев на основе ранее закрытых частных коллекций. Также имеет место появление национальных музеев стран, получивших независимость после Первой мировой войны.

И, конечно, наиболее заметное отличие развития музейного дела в Советской России – все более значительное влияние государства на всех этапах музейного строительства, в том числе формирование централизованной системы управления музеями, а также разработка программы музейного строительства в государстве. Одна из главных и особенных целей такой программы – использование в пропагандистских целях историко-культурного наследия. Другая такая цель – широкое открытие музеев и экспозиций массам для их приобщения к культурному наследию. С этим связано, в частности, появление новых подходов в теории музейного строительства и в создании музейных экспозиций.

Вместе с тем специфическая задача, стоящая перед музейным делом в России времен революции, гражданской войны и социальных преобразований – это решение задачи спасения и сохранения культурных ценностей. При этом к культурным ценностям и достоянию прошлого советские власти относились избирательно: в этот период было снесено много церквей, древних сооружений. И наконец, отличительной особенностью было то, что музеи становились идеологическими, просветительскими учреждениями; проводилось целенаправленное превращение музеев в идеологическое орудие. К тому же наблюдался политический нажим на музейное дело в послереволюционной России и далее – в СССР.

Все это говорит о том, что наше государство в 1920-е гг. не было в стороне от процессов быстрого развития музейного дела, имеющих общемировое значение, но при этом основные особенности музейного строительства определялись своеобразием революционной эпохи.

Литература

1. Нахова Л.И. Развитие музейной деятельности в России // Научный вестник МГИИТ. 2016. № 1 (39). С. 44-51.
2. Поляков Т.П. Революция в музее, или особенности экспозиционно-выставочной деятельности музеев в первые годы Советской власти. // Журнал института наследия. 2017. № 4 (11). С. 3.
3. Развитие музейного дела в XX веке. [Электронный ресурс]. / URL: <https://refdb.ru/look/2042422-pall.html>
4. Становление музейного дела 1917–1920-х годов в РСФСР. [Электронный ресурс] / Музееведение. Музейное дело. [сайт] / URL: <http://www.museumpass.ru/delo/249849.html#.WyaJxfshlgU>
5. Чернецкая Т.С., Чубинская-Надеждина С.В. Джон Пирпонт Морган и развитие меценатства в США. // Государство и бизнес. Современные проблемы экономики. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ. СПб, 2017. С. 185-190.
6. Te Heesen, A. On the history of the exhibition (Review). Representations Volume 141, Issue 1,; University of California Press Winter 2018, Pages 59-66

Информация об авторах

Ланкина Елена Евгеньевна – магистрант НИ ТГУ (музеология и охрана памятников культурного и природного наследия), г. Томск, Россия, e-mail: lankinaelena@mail.ru

Information about the author

Lankina Elena Evgenievna – postgraduate of Tomsk Polytechnic University (Museum studies and protection of monuments of cultural and natural heritage), Russia, Tomsk, e-mail: lankinaelena@mail.ru

УДК 7.036.1

Т.П. Урожаева

МУЗЕИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-х гг.: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Во второй половины 1990-х гг. происходила адаптация музеев Иркутской области к новым социально-экономическим условиям, вырисовывались контуры нового социального значения музея в культурной жизни региона. В целом необходимо было сохранить музейный фонд и кадровый состав музеев. Сокращение бюджетного финансирования стало главной причиной, тормозящей развитие музеев региона.

Ключевые слова: музей, экспозиция, выставочная деятельность.

T.P. Urozhaeva

THE MUSEUMS OF THE IRKUTSK REGION IN THE SECOND HALF OF THE 1990S: ACHIEVEMENTS AND PROBLEMS OF DEVELOPMENT

In the second half of the 1990s, the Irkutsk region museums adapted to the new socio-economic conditions, the contours of the new social significance of the Museum in the cultural life of the region were drawn. In general it was necessary to save museum fund and the staff structure of the museums. Preserve the Museum fund and staff of museums. The reduction of budget funding was the main reason hindering the development of museums in the region.

Key words: museum, exposition, exhibition activities.

В течение последнего десятилетия XX в. музеи Иркутской области переживали процесс переориентации, вызванный изменившимся социокультурным заказом. Указанный временной период ознаменовался резким спадом посещаемости, административным переподчинением ряда музеев, пересмотром принципов построения экспозиций. Характерной становится складывающаяся многоканальная система финансирования музейных учреждений, для которой стало типичным постепенное снижение доли государственных инвестиций. Формировались такие новые источники финансирования: как спонсорская поддержка, участие музеев в грантах, расширение сферы платных услуг, издательская, сувенирная и иная предпринимательская деятельность.

Развитие новых форм и способов коммуникации музеев с обществом порождала потребность в поиске нового самоопределения и позиционирования в социальной среде. Взаимодействие музеев и общества усилилось благодаря тому, что музеи выходили за пределы своей привычной экспозиционной деятельности и предлагали пользователям более

активные формы воспроизводства и переработки информации, источником которой являлся сам музей [1, с. 103].

Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачева является одним из старейших музеев искусств России. Именно в сети народного образования Иркутска – в стенах Иркутской мужской классической гимназии, отмеченной М.М. Сперанским «лучшей в России», – и возник первый музей Восточной Сибири. Позднее его коллекции вошли в собрание музея Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. На базе уникальных собраний отдела и частной картинной галереи В.П. Сукачева, возникшей в 1970-х гг., и происходило формирование музейной сети, в которую активно вливались вновь организованные музеи в различных уголках региона [18, с. 1].

В марте 1996 г. проходили Дни выставки Иркутского областного художественного музея в Японии. Произведения русского искусства XV–XIX вв., впервые так полно и ярко представленные взору японского зрителя (г.Ниигата) [5, с. 3].

В октябре 1998 г. в Областном художественном музее знатоки и любители могли оценить работы мастеров на выставке «65 лет Иркутской организации художников России». В «Классик-Банке» выставлялись творения иркутских художников «Мастерская – 5», в краеведческом музее открыли выставку «Демидовский поднос», где можно было увидеть предметы старины из собрания музея г.Железногорска-Илимского, музей истории Иркутска подготовил экспозицию «Деревянное кружево Иркутска» [6, с. 2].

В декабре 2000 г. первый дом из усадьбы Сукачева, бывшего иркутского городского головы прошлого столетия, распахнул свои двери. 13 лет реставрировали строители комплекс деревянных зданий усадьбы. Музейные экспонаты прошлого заняли достойные места в зданиях этого исторического комплекса, так старательно восстановленного строителями, архитекторами, художниками [16, с. 2].

В мае 1997 г. после большого ремонта вновь распахнул двери для посетителей Дом-музей декабристов в Иркутске – один из ярких архитектурных и культурных памятников XIX в. Основатели музея, начиная с 1985 г., попытались восстановить удивительную ауру, царившую в доме при жизни хозяев [9, с. 2].

Фестиваль «Декабристские вечера» начался еще в 1993 г. и был связан в первую очередь с именем писателя М. Сергеева. Благодаря ему иркутяне могли общаться с писателями Н. Эйдельманом, поэтами Б. Ахмадулиной и Б. Окуджавой. Книги серии «Полярная звезда» расходились по всей стране и многие стали библиографической редкостью. Концерты солистов Большого театра, встречи с потомками декабристов, поездки к строителям БАМа – таким был фестиваль в первые годы его проведения [4, с. 1].

В марте 2000 г. Дом-музей декабристов получил новый статус: он стал историко-мемориальным центром, имеющим право самостоятельно решать финансовые, творческие и организационные вопросы. В краеведческом музее появилось много отделов – это музей природы, выставочный зал «Спасская церковь», музей-ледокол «Ангара».

Музей деревянного зодчества «Тальцы» (в 47 км от г.Иркутска) в июле 1980 г. принял своего первого посетителя. Для осмотра были открыты всего три усадьбы – Непомялуева, Серышева и Прокопьева. Они и составили экспозицию, известную посетителям музея как деревня-малодворка. В начале 1990-х гг. началось интенсивное развитие музея. В это же время был пересмотрен его статус. Музей стал называться архитектурно-этнографическим. Перед коллективом была поставлена грандиозная задача – сохранить не только уникальные памятники, но и сберечь для потомков ту историческую среду, в которой народы Прибайкалья эти памятники создавали [7, с. 3].

Во второй половине 1990-х гг. фестиваль духовности и культуры «Сияние России» вышел за пределы г.Иркутска и стал областным. На фестивале праздничную эстафету среди прочих учреждений культуры принял архитектурно-этнографический музей «Тальцы». Участие музея в праздниках поначалу ограничивалось приемом гостей и экскурсионным обслуживанием. В 1999 г. к многообразной тематике фестиваля музей прибавил тему «Пушкинские дни в «Тальцах» [14, с. 2].

В 2000 г. архитектурно-этнографический музей «Тальцы» заслуженно стоял в одном ряду с ведущими музеями России. На 47-м километре Байкальского тракта в 15 разноплановых экспозициях был воссоздан мир, в котором жили предки: эвенки, буряты, русские. Экскурсии в «Тальцы» были включены в культурную программу Международного Байкальского экономического форума. Впрочем, музей привлекал не только туристов и зарубежных гостей. В нем всегда были посетители. К концу 2000 г. «Тальцах» приняли миллионного посетителя. Однако еще раньше коллектив музея подарил своим гостям четыре новые экспозиции – усадьбу крестьянина Зарубина XIX в., уникальную юрту из улуса Баянгозуй, вывезенную из Илимского района, и маломорский рыболовецкий стан [8, с. 3].

Постановлением губернатора Иркутской области Б.А. Говорина в марте 1999 г. был учрежден конкурс «Образцовое учреждение культуры». В номинации «Музеи, выставочные залы и картинные галереи» диплом I степени получил историко-краеведческий музей г. Нижнеудинска (директор И.В. Поздняков); диплом II степени был вручен краеведческому музею им. академика Янгеля г. Железногорск-Илимского (директор О.В. Милославская) [12, с. 3].

В Железногорск-Илимском историко-художественном музее сотрудники приняли единодушное решение потратить полученную премию, предназначенную для поощрения работников, на приобретение коллекции картин для галереи современного искусства. Появился шанс открыть новую выставку и подарить городу возможность наслаждаться красотой произведений искусства. Музей купил коллекцию, состоящую из 14 графических работ бывшей узницы Ангарлага петербургской художницы Н.В. Мальцевой [17, с. 2].

В 1996 г. фонд Дж. Сороса проводил конкурс «Музей на пороге XXI века». Нижнеудинский музей среди провинциальных музеев России (в рамках проекта под названием «Музей как центр сохранения культуры малых народностей») получил грант в 6 тыс. долл. В 1997 г. Нижнеудинскому музею исполнилось 25 лет. За это время проведена колоссальная работа и накоплен богатый фонд. Предметы старины, документы, этнографические коллекции по Тофаларии, коллекции минералов, нумизматики, живописи и графики. Несомненная заслуга в этом была энтузиастов В. Сундарцевой, М. Пугачева, Н. Протасовой и многих других подвижников, которыми руководил художник И. Паздников. Все деньги, полученные от фонда Дж. Сороса, работники музея потратили на приобретение оргтехники и тем самым вышли на новый современный уровень. Древние каменные стрелы и тофаларские чумы мирно теперь соседствовали с самыми совершенными компьютерами [15, с. 3].

Не менее интересными были коллекции в музеях других городов Приангарья. В августе 1997 г. Тулунский историко-краеведческий музей пополнился новым экспонатом – двухметровым бивнем мамонта. Останки древних животных изредка находили на местных угольных разрезах [3, с. 1]. По решению Тулунской городской Думы местному Историко-краеведческому музею было присвоено имя его основателя П.Ф. Гущина, бывшего преподавателя педагогического училища, Почетного гражданина г. Тулуна.

В 1998 г. в зале находилось более шести тысяч экспонатов. Среди них было множество фотографий, старинных рукописей, художественных открыток с видами города начала столетия, предметы крестьянского быта, орудия труда каменного века, найденные в окрестностях Тулуна на стоянках древних людей, документы, боевые награды времен Гражданской и Великой Отечественной войн. В 1998 г. музею исполнилось 35 лет с момента открытия и 90 лет со дня рождения его создателя [2, с. 3].

Другому городу Приангарья – Усть-Илимску в 1990-е гг. был крайне необходим краеведческий музей. В одном старом проекте строящегося дома был найден пристрой, который планировался под детский клуб. Осуществить намеченное помогли начальник управления культуры области В.М. Лапенков и мэр А.А. Дубас. Рядом с новоиспеченным музеем была открыта библиотека семейного чтения «Добродар» [13, с. 2].

В декабре 2000 г. городской краеведческий музей после капитального ремонта вновь широко распахнул двери для посетителей. Усть-Илимский лесопромышленный комплекс выделил деньги на ремонт кровли музея, которая протекала два года. Средства на ремонт залов выделила администрация города. Теперь в уютных и чистых залах расположились три

новые выставки. Одна из них носила название «Вышитая картина». На ней были представлены коллекции лучших работ мастериц-вышивальщиц Усть-Илимска, возродивших полузабытую традицию предков [10, с. 2].

Таким образом, во второй половины 1990-х гг. происходила адаптация музеев Иркутской области к новым социально-экономическим условиям, вырисовывались контуры нового социального значения музея в культурной жизни региона. Удалось избежать сокращения государственной музейной сети, сохранить музейный фонд и кадровый состав музеев. В целях решения экономических вопросов устанавливались контакты с местными органами власти и предприятиями. Преобразовывались социальные функции музеев. Вместо идейно-воспитательного учреждения музеи постепенно становились институтами коммуникации. Сотрудники музеев осваивали музейный маркетинг. Постепенно повышалась значимость музеев как исследовательских и научно-просветительских учреждений. Больше внимание уделялось краеведческим изысканиям и проведению новых нетрадиционных мероприятий. Расширялся репертуар научно-просветительной работы. Большое внимание уделялось интеграции музеев и школ. С этой целью был разработан ряд авторских программ [11, с. 22].

Однако многие проблемы оставались не решенными. В числе главных стало укрепление материально-технической базы музеев региона, создание и выполнение правовой базы для общественных музеев, сохранение внемузейных памятников, развитие системы научно-методической помощи сотрудникам. Музеи только частично адаптировались к рыночной экономике. Неустойчивое экономическое положение, вызванное сокращением бюджетного финансирования и неспособностью или невозможностью найти дополнительные источники финансирования, стали главной причиной, тормозящей развитие музеев во второй половине 1990-х гг.

В конце XX – начале XXI вв. появилась очевидная тенденция к модернизации музеев, стимулирующая создание новых форм музейной деятельности. Происходило расширение функционального пространства музеев, которые превращались в культурные центры, а также поиск новых экспозиционных и выставочных стратегий, способов управления музеем, согласующихся с разработкой инновационных форм деятельности.

Список литературы

1. Артемов Е.Г. Социальные функции современного музея // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков /Труды ГИМ. Вып. 127. М., 2001. С. 99–105.
2. Гапоненко Г. Главное в моей жизни – музей // Земля Тулунская. 1998. 20 января.
3. Гапоненко Г. Пришелец из каменного века // Земля Тулунская. 1997. 12 августа.
4. Жартун С. Как упоительны в Иркутске вечера // Вечерний Иркутск. 1998. 23 декабря.
5. Зубрий Е. Птица по имени мечта // Восточно-Сибирская правда. 1996. 26 марта.
6. Камека С. Праздник Приангарья // Аргументы и факты в Восточной Сибири. 1998. 13–20 октября.
7. Кинщак В. Тальцы в осаде // Восточно-Сибирская правда. 1997. 25 июля.
8. Кинщак В. Хранители памяти // Восточно-Сибирская правда. 2000. 18 июля.
9. Михайлова Т. Богатое наследие // Восточно-Сибирская правда. 1997. 18 мая.
10. Музей распахивает двери // Лесохимик Усть-Илима. 2000. 26 декабря.
11. Мурзинцева А.Е. Специфика и проблемы деятельности музеев Сибири //Вестник Новосибирского государственного университета. Серия история, филология. Вып. 4, 2006. С. 20–28.
12. На звание образцовых // СМ-номер один. 1999. 23 октября.
13. Николаева Т. без мечты нет крыльев // Усть-Илимская правда. 1997. 13 марта.
14. Панецкая Л. Пушкинские дни в Тальцах // СМ-номер один. 1999. 29 сентября.
15. Савельев Н. Как с куста упали шесть тысяч долларов Нижнеудинскому музею // Нижнеудинский вестник. 1997. 5 сентября.
16. Усадьба распахнула двери // СМ-номер один. 2000. 5 декабря.
17. Хомутова Т. На премию – коллекцию картин // Газета Приилимья. 1999. 23 декабря.
18. Хранители сокровищ // СМ-номер один. 1999. 18 мая.

Информация об авторах

Урожаева Татьяна Петровна – сотрудник лаборатории исторической демографии, кандидат исторических наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, olgoy@ya.ru

Information about the author

Urozhaeva Tatiana Petrovna – laboratory of historical demography, candidate of historical sciences, Irkutsk state University, Irkutsk, Russia, olgoy@ya.ru

ЭТНОЛОГИЯ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ФИЛОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ

УДК 394

Н.А. Тадина

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ В РОДОВОМ ОБЩЕСТВЕ АЛТАЙЦЕВ

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (ОГОН) и
Министерства образования и науки Республики Алтай,
проект № 17-11-04004а (р)

На основе полевого материала освещены повседневные практики в родовом обществе алтайцев, представляющие основные нормы общения, регулируемые отношениями родства по сёоку-роду согласно обычаям авункулата и экзогамии.

Ключевые слова: алтайцы, сёок-род, история повседневности, обычай

N.A. Tadina

DAILY PRACTICES IN THE TRIBAL SOCIETY OF THE ALTAIANS

On the basis of the field material collected, everyday practices in the tribal society of Altaians are described, representing the basic norms of communication regulated by kinship relations in the syok-clan according to the customs of the avunculate and exogamy.

Key words: Altaians, syok-tribe, the history of everyday life, custom

История этнического возрождения в Республике Алтай сложилась в силу бытования нескольких факторов. Одним из них стала актуализация родовых обычаев и традиций, соблюдаемых в повседневной жизни алтайцев. Алтайцы, титульный этнос Республики Алтай, составляют треть населения региона. В постсоветский период началась традиция собраний сёоков-родов майман, тодош, кыпчак, тёёлёс, иркит в Онгудайском и Усть-Канском районах [5]. Были созданы общественные организации алтайцев «Эне тил» (Мать-язык), «Курултай алтайского народа» и избраны родовые главы, называемые «зайсан», среди них старший «Ака *жайсан*», глава народа «Эл *баишчы*», районные главы «аймак *быишчы*», сельские «*журт баишчы*».

Избрание зайсана акцентировало необходимость соблюдения родовых обычаев, выступающего механизмом внутриэтнической жизни. Утвердилось сложившееся представление о социальных нормах родового общества алтайцев: как семья имеет главу-мужчину, так и народ (род) должен иметь главу – зайсана. Если есть зайсан, то значит, есть его сёок-род. Если есть сёок, то люди, входящие в его состав, помнят и понимают важность соблюдения родовых обычаев. Родовому сообществу не нужно чтобы зайсан объяснял сородичам важность семейно-брачных обычаев и последствия их нарушения, ведущие к ассимиляции в русскоязычной среде.

Сохранение родового сознания алтайцев в роли «стержня» этноса позволило в постсоветский период прийти к идее о возрождении института зайсаната. Она стала возможной благодаря жизнеспособности родовых традиций, названных в советское время «пережитками». Изучение истории повседневности показывает, что возрождённый зайсанат призван решать внутриэтнические проблемы соблюдения обычаев взаимопомощи и авункулата, нарушения экзогамии, регулирования сватовских расходов, сохранения авторитета старших, актуализации норм морали и этики. Этот комплекс проблем приобрёл новое звучание в постсоветский период, что позволило родовым традициям выйти из семейно-бытовой и родственной среды на более широкий уровень, в чём проявилась одна из новейших форм самоутверждения алтайцев.

Родовые обычаи и традиции продолжают бытовать в моноэтнических сёлах южных алтайцев – локальных группах алтай-кижи и теленгитов. Утрата родовой принадлежности происходит в русско-алтайских сёлах. Как позволяют утверждать собранные полевые материалы, несмотря на почти трехвековое проживание по соседству с алтайцами, большинство русских далеки от понимания родового общества алтайцев и не вникают в суть родовых отношений, объясняя отсутствием таковой необходимости для себя. В связи со сложившимся этносоциальным положением в Республике Алтай у русских, как этнического большинства, осторожное отношение к этническому подъёму алтайцев.

В обыденной повседневности родового общества соблюдаются следующие нормы. Каждый знает свою родовую принадлежность к сёоку-роду отца. Это патрилинейное родство ведёт к определению старших по возрасту, к которым следует обращаться на «вы». Важна роль старшинства в обществе, коллективе, семье, в среде родственников. Возрастные нормы поведения приняли форму этикетных правил: обращаться к старшему только на «вы», не перебивать его и не перечить ему, не повышать на него голос, не поднимать руки, не говорить о нем плохого, не подшучивать над ним [3]. В современном обществе, развивающемся в условиях глобализации, обращение на «вы» выражает дистанцию в общении с незнакомым, начальником, со старшим по должности и званию, поэтому в «цивилизованной» семье и родственной среде оно не приемлемо.

Если обратиться к традициям алтайской семьи, то в ней принято обращение на «вы» к родителям, старшему брату и сестре. Многие информаторы отмечали, что в старину было принято обращаться к родителям на «вы», а порою так обращались друг к другу супруги. Сегодня остаётся нормой обращение на «вы» младших детей к старшим братьям и сёстрам, старшим даже на год. При этом в обращении звучат не имена, а термины родства, например, «ака» (старший брат), «эје» (старшая сестра), а если старших братьев несколько, то обращаются, добавляя имя: *Сырга-эје, Тен-ис-ака*. Также в отношениях между свойственниками, к примеру, младшая сестра мужа обращается к жене брата не по имени, а по термину родства, называя её «*јен-е*».

Казалось бы, обращение по термину родства это такой пустяк, но в семейно-родственной среде оно означает многое. Обращение к старшим по термину родства выражает уважение, признание роли старшего. В свою очередь, обращение к младшим по термину родства, например, «*карындажым*» (мой младший брат), «*сыйным*» (моя младшая сестра), «*јееним*» (мой племянник/моя племянница), «*келдим*» (моя невестка) выражает внимание, желание оказать помощь и содействие. Согласно нормам патрилинейного родства представители сёока отца, даже не

знакомые и/или проживающие в других сёлах и районах, считаются родственниками. Такое представление о генеалогическом родстве сохраняется до сих пор.

Другая повседневная норма родового общества алтайцев заключается в соблюдении обычая авункулата – особых отношений между дядей по матери и её детьми. В нём передаётся уважение старшего не только по возрасту, но и по степени родства. Дело в том, что родственники по линии матери, принадлежащие к сёоку матери, считаются старшими родственниками, независимо от возраста. К брату матери, даже если он младше по возрасту, её дети обращаются на «вы», называя его *«таайым»*.

В повседневных практиках патрилинейное родство по сёоку влечёт соблюдение другого родового обычая – обычая экзогамии. Встречаются случаи, когда вступают в брак внутри одного сёока, не говоря о браках между представителями родственных сёоков. Нарушение экзогамного обычая *«алышпас»* грозит последствиями кровосмешения (инцеста), что считается неприличным поступком, достойным осуждения, который не позволяет соблюдать сватовские отношения [2].

Старшинство, как основная категория, определяет социальную градацию по возрасту, полу, степеням родства согласно родовому принципу. Передаваясь из поколения в поколение, сёок осуществляет внутри этноса функцию социального контроля, вокруг которого выстраиваются морально-нормативные предложения запрещающего и предписывающего плана. Уважительное отношение к предыдущим поколениям выражается в передаче имён предков нескольких поколений, как по линии отца, так и по линии матери. Так, В.В. Радлов отмечал, что почтительное отношение к старикам у алтайцев считается олицетворением житейской мудрости и источником многовекового социального опыта [1, с. 172]. Обычай повседневного взаимоотношения в родовом обществе выражен алтайской поговоркой (перевод автора): «Если человек старше (по возрасту) – то почитают (его), если из одного сёока – то роднятся (с ним)».

В обыденной повседневности в руках старшего поколения сосредотачивается вся ритуальная деятельность семьи, родового коллектива и общественное мнение. Ни одно семейное торжество или общественный праздник не проходит без участия старшего, иначе событие не будет иметь социальной значимости, а итог его не приобретет силу закона. Старому человеку во всем отдаётся первенство: начать ритуал приветствия, открыть трапезу, назвать новорожденного, возглавить стол и пр. [4].

В современных условиях принадлежность к патрилинейному сёоку необходима как важнейшая форма существования этнической общности. Словом, родовая структура выступает основой алтайского этноса. Не менее важны традиции соблюдения родовых обычаев, как-то авункулата, заключающего в близких отношениях между братом матери и её детьми; экзогамии, запрещающей брак внутри сёока или между родственными сёоками. При этом механизмом осуществления родственных отношений выступает уважение старших не только по возрасту, но и по степени родства, например, по линии матери. Казалось бы, в условиях цивилизованной техногенной культуры повседневные нормы общения должны уйти в прошлое и не быть актуальными, но звучат следующие суждения: *«так принято»*, *«не нами заведено, не нами будет отменено»*.

Список литературы

1. Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.
2. Тадина Н.А. Формы заключения брака и ритуальное поведение у южных алтайцев (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Этнографическое обозрение. – 1992. – № 4. – С. 50-57.
3. Тадина Н.А. Бурханизм и этикет у алтайцев // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 6. – С. 127-140.
4. Тадина Н.А. О потестарном принципе старшинства у алтайцев // Урал – Алтай: через века в будущее (материалы всерос. науч. конф.). – Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2014. – С. 156-160.
5. Ябыштаев Т.С. Родовые праздники алтайцев в этнокультурном дискурсе Республики Алтай // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 1 (20). – С. 112-117

Информация об авторе

Тадина Надежда Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и археологии, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия, e-mail: ntadina@yandex.ru

Information about the author

Tadina Nadezhda Alekseevna – Candidate of Historical Sciences (PhD), Associate Professor, Department of historical and archeology, Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia, e-mail: ntadina@yandex.ru

УДК 394

Н.В. Веницкая, А. Ю. Гвоздева

РОЛЬ МИФОВ И ЛЕГЕНД В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НАРОДОВ АЛТАЯ

В статье рассматривается влияние мифов и легенд алтайского народа на их повседневную жизнь и культуру.

Ключевые слова: Алтай, миф, легенда, народ.

N. V. Vinitskaya, A. Y. Gvozdeva

THE ROLE OF MYTHS AND LEGENDS IN THE DAILY LIFE OF THE ALTAI PEOPLE.

The article dwells on the influence of myths and legends of the Altai people on their daily life and culture.

Keywords: Altai, myth, legend, people.

В искусстве, опирающемся на традиционные фольклорные и мифологические образы, находит отражение картина мира, сформированная в глубинах традиционной культуры народа. В диалоге традиции и новаторства, привычных образов и нового их истолкования и заключается закономерность развития искусства. И если одна закономерность затрагивает своего рода вертикаль (искусство традиционное и современное), то другая закономерность связана с моделью горизонтальной (центр и окраины). Последняя была особенно актуальна в рамках развития так называемых новописьменных культур сибирского региона. Идеи и эстетические эталоны общероссийские находили свое преломление в национальном понимании прекрасного и благодаря этому появилось явление, которые принято называть «сибирским» стилем. И хотя точного его определения не было и нет, существует достаточное количество работ ему посвященных. Идея открытости духовной культуры Алтая к инокультурным влияниям и ее способность остаться самобытной, аргументированная фактическим материалом, может считаться отправной точкой для этих работ. Оригинальность алтайской духовной культуры во многом связана с ее верностью мифологии и традиционным верованиям.

У каждого народа есть свои мифы и легенды. Язык и образы мифов и легенд, помогали объяснять происхождение мира и самих людей, различные природные явления и смену времен года. Каждый из нас с детства знаком с мифами и легендами Древней Греции, возрастает так же интерес к западноевропейским мифам и легендам, но не менее интересными и красочными являются мифы и легенды народов Алтая.

По мнению многих отечественных авторов (А.С. Богомолова, А.Ф. Лосева, Е.М. Мелетинского), в мифологическом мировоззрении нет отчётливого разделения субъекта и объекта, вещи и слова, предмета и знака, существа и его имени. Это особый мир, особый способ понимания себя в этом мире [3].

Уже в XVIII веке стал проявляться интерес к алтайской мифологии и народной культуре (в 1756 г. Алтай вошёл в состав России). Но это были отдельные высказывания и краткие описания диковинного быта иноверцев в записках русских миссионеров и немецких путешественников. Существует этот интерес и по сей день, как у исследователей, так и у деятелей художественной литературы [1].

Мифология и культура любого народа в целом начинается с культа: культа природы в целом, её отдельных стихий и явлений; культа Бога, олицетворяющего эти явления. Также, как и у многих других народов мира, у алтайских народов существуют мифы – о сотворении мира, о природных явлениях, о злых духах, о шаманах. В алтайских мифах можно проследить любовь этого народа к природе, к тем красотам и памятникам природы, которые их окружают. У каждой горы, реки, озера – своя история, своё имя.

Почти каждый природный памятник на Алтае имеет свою историю происхождения, легенду или миф, который раскрывает историю происхождения названия этого места, история становления сакрального к нему отношения [2]. В последнее время, во многом благодаря развитию туристической индустрии, стали переиздаваться не только ранее написанные работы по мифам и легендам алтайского народа, но стали так же появляться новые.

Большое количество этих мифов нашло свое продолжение, «вторую жизнь» в художественном творчестве таких выдающихся художников Алтая как Ю. Бралгин, Н. Чепок, М. Чевалков и В. Тебеков. Их полотна включают образы мифов и легенд, героических сказаний, таких традиционных верований как шаманизм и бурханизм. Созданные ими образы вошли в художественный опыт наших современников и, таким образом, косвенно стали частью нашей повседневности.

Основная религия прошлого Алтая – язычество, Белая вера: поклонение белой берёзе, белому Бурхану. Более древняя форма – шаманизм, тесно связанный с представлениями о верхнем и нижнем мирах, духах-помощниках, родовых духах и духах-покровителях.

В период формирования профессиональной культуры обращение к ним объяснялось стремлением создавать образы понятные и близкие по своей эстетической направленности. Поэтому они основывались на пластической, интонационной и колористической основе культуры фольклорной. Пришедшие от российской культуры формы и жанры профессионального искусства способствовали «ускоренному» развитию профессионального творчества, но при этом неизменно сохраняя местный колорит.

Уважительное, любовное отношение к миру, к Земле и всем её творениям дарует силу человеку. Любовь к Земле, бережное отношение ко всему окружающему, явному и неявному, пронизывали жизнь людей на Алтае, создавая особые традиции, обряды. Их описанию и изучению посвящены интересные исследования З. Казагачевой и А. Сагалаева.

Характеристика образной системы изобразительно искусства Алтая может быть интересно сопоставлена с мифопоэтической картиной мира. Мифология, сравнительная этнография и археология дают материалы, питающие популярные в современном изобразительном искусстве направления – этноархаизм и этнопримитивизм.

Художники Алтая, интерпретируя религиозные и мифологические образы, нашли собственный стиль, в котором сумели средствами изобразительного искусства раскрыть феномен мифа как самостоятельного мира, отразили в своих работах его внутренние законы и символику. Созданные образы перестают быть религиозными, но и не являются чисто эстетическими. Они обретают свойство проводника в историю и мифологическую картину мира Алтая. Картины алтайских мастеров напоминают нам о стремлении древних к единству, к гармонии человека и космоса как высшего смысла жизни, одухотворяя повседневность и возвышая человека до уровня своего сознания.

Список литературы

1. Ерёмина О. Алтай. Горная страна в сердце Азии: Белый город – История России, 2010 г. – 48 с. Горно-Алтайск, 2008 г. – 47 с.
2. Лебедев А.А. В горах Алтая: Вокруг света, 2009 г – 260 с.
3. Фёфелова А.Ю. Мифы и легенды земли Алтайской. Материалы всероссийской (с международным участием) студенческой научно-практической конференции. – Бийск: БиГМК, 2016 г. – 171 с.
4. Хохолков В.Ф. Легенды и мифы седого Алтая.

Информация об авторах

Виницкая Наталья Владимировна – канд. искусствоведения, доцент, кафедра историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, АГГПУ имени В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия, e-mail: natigor007@yandex.ru

Гвоздева Алина Юрьевна – студентка факультета математики и естественных наук, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, г. Бийск, e-mail: fefalina@mail.ru

Information about the author

Vinitskaya Natalia Vladimirovna - Cand. art history, associate professor, the Department of Historical, Legal and Socio-Humanitarian Disciplines, the AGPU named after V.M. Shukshin, Biysk, Russia, e-mail: natigor007@yandex.ru

Gvozdeva Alina Yurievna – student, faculty of mathematics and natural Sciences, The Shukshin Altay State Humanities Pedagogical University, Biysk, e-mail: fefalina@mail.ru

УДК 299.4

Э.Г. Торусев

СВЯЩЕННЫЕ МЕСТА – ДУХОВНАЯ ОСНОВА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АЛТАЙЦЕВ

В мировоззрении алтайцев вся окружающая природа их родины Алтая одухотворена и находится под особым покровительством духов гор, рек, озер, перевалов, отдельных урочищ. Человек своим безупречным поведением, трудолюбием, благопожеланиями и жертвоприношениями всегда может привлечь на свою сторону благосклонность сакрального мира.

Ключевые слова: традиции, обряды, культ природы, Алтай.

E. G. Toruses

THE HOLY PLACE IS THE SPIRITUAL FOUNDATION OF THE ETHNIC IDENTITY OF THE ALTAIANS

In the worldview of the Altaians, the surrounding nature of their native land of Altai is spiritualized and is under special protection of the spirits of mountains, rivers, lakes, mountain passes, intermontane valleys. And a person with his impeccable behavior, diligence, benevolence and sacrifice can always attract the favor of these spirits to his side.

Keywords: traditions, rituals, cult of nature, Altai

У коренного населения Горного Алтая одним из распространённых религиозных культов во все исторические периоды оставался культ поклонения природе. Изучение данной тематики начинается с фольклорных, этнографических изысканий исследователей. Среди них можно выделить В.И. Вербицкого, В.В. Радлова, Г.Н. Потанина, А.В. Анохина. Следует отметить работы Л.Э. Каруновской, Л.П. Потапова, С.П. Тюхтеновой, Н.И. Шатиновой, А.И. Наевой, З.С. Казагачевой, Т.М. Садаловой, Э.В. Енчинова, Л.Н. Мукаевой, Э.В. Екеевой и т.д.

У алтайцев с древнейших времен существует культ почитания гор, особенно с высокими вершинами, покрытыми снегами и ледниками. Также священными считались мощные горные хребты, где расположены таежные массивы – места летнего выпаса скота и охоты. В работе Л.П. Потапова отмечается, что алтайцы в Джунгарский период в первой половине XVIII в. совершали моления на сакральных горах: «на гору Хайрхан «по своей вере вверх молиться», – гора находилась по р. Ине». В этот же период почитали горы «Бобырган, Кызылдары алтайцами, обитавших по р. Бие» [6, с. 146].

Во все времена для коренного населения священной горой являлась гора Белуха – *Ўч-Сүмер*. Само слово *Ўч-Сүмер* переводится как три почитаемые вершины. В мировоззрении алтайцев *Ўч-Сүмер* – это символ чистоты духа и центр мироздания, пуповина земли [3, с. 32].

И в сегодняшние дни существуют ритуалы, где почитают гору Белуху. Например, в 2017 г. в селе Боочи Онгудайского района проводились обряды, посвященные празднику Зелёной и Жёлтой листвы (*Сары ла Жажыл бұрдин мұрғұули*). Главным исполнителем обрядов и ритуалов был Д.Т. Аилдашев. Участники молений в честь священной горы – Белухи, совершали подношения с благопожеланиями.

Во всех обрядовых мероприятиях в селе Боочи активное участие принимает молодёжь. Мальчишки-подростки помогают мужчинам вырезать шатру – фигурки из сырчиков – *курут* и *быштак* в виде изображений животных, птиц, людей, домашней утвари, коновязи, очага и т.д. Фигурки устанавливают на жертвенник *сан*, это подношение хозяевам Алтая, духам гор, водных источников, и других сакральных мест [4, с. 199].

У коренного населения в Усть-Канском районе, священной считается гора *Алтын-Туу* (по-русски – Золотая гора), находящаяся примерно в пяти-семи километрах южнее с. Яконур. В сегодняшние дни у подножия данной горы алтайцы проводят обряды *Жажыл-бұр* и *Сары-бұр* (обряд «Зеленой листвы и Желтой листвы»). Сутью обрядов является благословление Алтая – *Алтай көдүрер*.

Гора *Алтын-Туу* алтайцами почиталась и до революции. Например, алтайские шаманы называли гору – *Ыйык-Туу* или Священная гора. А в начале XX в., здесь было место моления *бурханистов*. При совершении обрядов, которые возглавлял – *жарлыкчи* (служитель культа у бурханистов), как и в наши дни благословляли Алтай [10, с. 151-152].

По традиционным алтайским поверьям каждая гора имела своего духа-хозяина. Так, чалканцы, при перевале через высокую гору обращались к духу данного места: «Стройная, вытянувшаяся Тустам гора, я через твой перевал иду, услышь меня правым ухом, посмотри на меня правым глазом, перевал держи пониже, реки держи помельче» [1, с. 187].

В наши дни в мировоззрении алтайцев традиционно священными являются таежные массивы, в которых они охотятся и пасут свои стада. Если до 20-х гг. XX в. коренное население верило, что тайга имеет могущественного духа Хозяина или хозяев отдельных мест, которые владеют стадами скота, то есть промысловыми зверями [7, с. 128-130]. Сегодня, алтайцы считают, что удача в промысловой деятельности зависит от благосклонности духа Алтая или *Алтай Кудая* и духов-хозяев (местности леса, тайги и т.д.). Поэтому, находясь в пути, охотник обязательно останавливается на почитаемых горных перевалах и проводит соответствующие ритуалы. Обычно разводят огонь и делают жертвоприношение – брызганье молоком, чаем с просьбой удачной охоты у *Алтай Кудая*. В качестве жертвоприношения огню используют традиционную пищу: жареные пончики – *боорсок*, сыр – *курут*, масло – *саржу*, *арчы* и т.д. Все это кладут в огонь в четном количестве – *эжерлеп*.

Надо отметить, что у коренного населения Горного Алтая в современный период продолжает существовать комплекс обрядов, запретов, примет и поверий, связанных с охотой, которые можно назвать традиционными [9, с. 176-182]. Так, алтайцы на горных перевалах, как и ранее, повязывают ритуальные ленты (*кыйра/жалама*) и сооружают *обоо-таш* – насыпи из камней. Алтайцы продолжают верить, что дух горы может быть и мужчиной и женщиной, или предстать в облике зверя и т.д. [2, с. 72-93].

Территория Горного Алтая изобилует реками, озерами, родниками, которые являются предметами почитания коренных жителей. С водой связывают сотворение мира, стихийное начало, с одной стороны, а с другой – границу жизни, за которой находится непознанное и опасное. Так в одном алтайском предании говорится о рыбе-чудовище *Кер-Балыке*, живущей в озере у горы *Тьер-суу* (*Жер-суу*), в утробе которой хранятся зародыши-души живых существ. В мифологии алтайцев существует небесный источник жизни *сүттү көл* (молочное озеро) из которого жизнь перетекает на землю, и оно неиссякаемо.

И в наши дни алтайцы строго придерживаются запретов, связанных с переправами. Так, нельзя переходить начало воды, исток реки, строить дом в верховье реки. Также не разрешается бросать в реку мусор, загрязнять ее, плевать, говорить плохо, сердиться и ругаться, если трудно переправится на другой берег. Считается, что, если не соблюдать запреты, связанные с рекой, она может наказать и лишить жизни людей или домашний скот, которые будут тонуть и умирать. Поэтому алтайцы, когда переходили через большую реку, поглаживая голову, говорили: «Кайракоон-баш», обращаясь Алтаю, благословляя, просили: *Ал тайга ажызын берзин* (Большая тайга пусть даст перевал), *Агын суу кечүзин берзин* (Бурные реки дадут переправу).

Алтайцы верят, что у воды есть хозяин (*суу-ээзи*) и приносили ему жертву. Помимо *суу-ээзи* в воде, по мнению алтайцев, обитают духи, приносящие болезни и несчастья, которые не могли двигаться против течения. Поэтому алтайцы селились ближе к истокам рек.

Особо почитаемыми реками алтайцев являются Катунь, Бия, Чулышман, Башкаус, Чуя, Аргут, Большой и Малый Улаган, Каракол. Катунь (*Кадын*) – самая крупная река Горного Алтая, берущая начало на южном склоне Катунского хребта у горы Белухи. Название реки переводится с древнетюркского *катын* /*хатун* /*gatun* /*хъатун* как «госпожа», «царица, ханша», «дама, княгиня», «жена важного человека» [3, с. 112-113].

О реках Катунь и Бия существуют разные легенды и предания. В одной легенде говорится, что когда-то на Алтае не было больших рек и гор. На огромной равнине жил богатый хан Алтай, у которого самым главным богатством была дочь-красавица Катунь. Многочисленные поклонники добивались руки красавицы, но она их всех отвергала, никто не знал, что она тайно любила молодого пастуха Бия. Узнав об этом, разгневался отец и сказал: «Выдам тебя за того, кого пожелаю». Катунь решила сбежать к любимому.

В глухую темную ночь она исчезла. Утром хан, обнаружив пропажу дочери, собрал своих воинов и сказал, что Катунь будет принадлежать тому, кто её догонит. Бросились воины в погоню, но Катунь обратилась рекой и стремительно помчалась на север, пробивая дорогу среди камней. Оставив байские отары, пастух Бий тоже превратился в стремительный поток и помчался навстречу любимой. Не догнали воины беглянку. Она встретилась со своим избранником, кинулась к нему объятия, и так они, обнявшись, навечно потекли вместе, образовав могучую реку Обь [3, с. 44-45].

Алтайцами также почитаются места, связанные с судьбоносными для народа историческими событиями: например, джунгаро-китайская война (1754–1758 гг.). У коренного населения Горного Алтая сохранились воспоминания о том, как они оборонялись и оказывали сильное сопротивление цинским войскам. В связи с этим, места былых сражений особо почитаются коренным населением. Например, в Усть-Коксинском, Усть-Канском и Онгудайском районах есть местности под названием *Сёокту тайга* («Тайга с костями») каждая в своем районе, которая почитается.

На реке Чарыш несколько километров западней от села Тюдрала есть гора Чечулиха. Это искажённое название имени воина *Чече*, который во время битвы остался один, чтобы не попасть в плен спрыгнул с горы в реку Чарыш.

Около Чакрынского перевала есть местность под названием *Түкей*, где погиб богатырь *Түкей*. Здесь особо почитается источник–родник *Түкедин аржаны*. Считается, что около этого источника раненный воин-богатырь *Түкей* остался прикрывать отход своих соплеменников.

Между Чакрынским перевалом и селом Беш-Озек есть скала под названием *Оскүс-Уул*, названная в честь воина богатыря, который сражаясь остался один с сестрой, и чтобы не попасть в руки врагов вынуждены были, спрыгнуть с этой скалы [5, с. 199-200].

Таким образом, в духовной культуре алтайцев, и в наши дни традиционно священными остаются вся природа их родного края. Сегодня, как и ранее, коренное население Республики Алтай совершает обряды почитания духов гор – *туу ээзи*, рек – *суу ээзи*, перевалов – *ажу ээзи*, отдельных урочищ – *жер ээзи*. Также священными считаются места, связанные с судьбоносными для народа историческими событиями.

Список литературы

1. Алтайский фольклор / Отв. ред. М.Ч. Чумакаева. – Горно-Алтайск: НИИ алтаистики, 1988. – 216 с.
2. Доронин Д.Ю. Полиморфизм облика горного хозяина (тайгаанг ээзи) в традиционных представлениях народов Алтая // Историко-культурное наследие и современная этнология: Материалы конференции молодых ученых. Москва, 16-17 декабря 2010 г. – М.: ИЭА РАН, 2011. – С. 72-98.
3. Екеева Э.В. Особо почитаемые реки алтайцев // Идель-Алтай: история и традиционная культура народов Евразии. Материалы III Международного форума, посвященного 90-летию доктора филологических наук, профессора С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск: ООО «Горно-Алтайская типография», 2015. – С. 112-115.
4. Екеева Э.В. Ритуальные сооружения алтайцев, связанные с культом природы // Народы Евразии: История. Культура. Языки. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2017. – С. 198-202.
5. Клешев В.А. Народная религия алтайцев: вчера, сегодня. – Горно-Алтайск: Изд-во «Высоцкая Галина Григорьевна», 2011. – 246 с.
6. Потапов Л.П. Культ гор на Алтае // Советская этнография. 1946. – №2. – С. 145-160.
7. Потапов Л.П. Охотничий промысел алтайцев (Отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). – СПб, 2001. – 167 с.
8. Природно-культурные объекты и археологические памятники Республики Алтай / Э.В. Екеева, Н.А. Константинов, Е.А. Константинова, А.В. Эбель – Горно-Алтайск, 2015. – 232 с.
9. Торусhev Э.Г. Промысловые культы алтайских охотников (по полевым материалам) // Народы Евразии: История. Культура. Языки. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2017. – С. 176–184.
10. Шатинова Н.И. Мир «невидимых» по традиционным представлениям алтайцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1983. – С. 149-161.

Информация об авторах

Торусhev Эркeм Геннадьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, г. Горно-Алтайск, Россия, e-mail: erktor@mail.ru

Information about the author

Toruses Arcam Gennadievich – -Candidate of historical sciences, senior researcher, Scientific research institute of Altaic studies, by name of Surazakov S.S., Gorno-Altai, Russia, e-mail: erktor@mail.ru

УДК 81.44

Е.В. Чайчина

ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая статья посвящена заимствованным словам из русского языка. В ней рассматриваются основные этапы заимствований в алтайском языке.

Ключевые слова. алтайский язык, лексика, словообразование, заимствованные слова.

E.V. Chaychina

BORROWED WORDS IN THE ALTAI LANGUAGE

This article deals with borrowed words from Russian language. It explains the basic steps for borrowing in the Altai language.

Keywords. Altai language, vocabulary, word-formation, loanwords.

Заимствования является одним из продуктивных способов обогащения словарного фонда любого языка. Практически, нет такого языка, который был бы полностью изолирован от проникновения в него слов из других языков. Причины появления заимствований в тех или иных языках в ту или иную эпоху объясняются исторически. В значительной мере они определяются лингвистическими и экстралингвистическими факторами, тесно связанными с проблемой соседства и контактирования народов в сфере экономики, политики, науки, культуры и быта. Язык – это живое явление, которое находится в постоянном движении, что приводит к неизменным процессам обогащения и обновления его словарного фонда. Словарный состав любого языка является наиболее точным отражением происходящих изменений в жизни общества, и он всегда открыт к новым преобразованиям.

Лексика алтайского языка развивалась и в настоящее время развивается также и за счёт заимствований из других языков. По утверждению А. Д. Каксина «...по характерам типов заимствованных слов можно определять, как историю страны, так и политические, культурные, экономические контакты народов...» [1, с. 22].

В. Н. Тадыкин отмечает, что «...влияние русского языка на развитие алтайского началось в дооктябрьскую эпоху. Заимствования того периода относились главным образом к бытовой лексике: названиям одежды, домашних животных и птиц, названиям огородных культур, а также к терминологии, связанной с земледелием, торговыми сношениями, административным управлением и отчасти – культурой. Оно проходило устным путем, и поэтому заимствованные слова подвергались значительным фонетическим изменениям по закону как нёбного и губного сингармонизма, так и чередования согласных» [3, с. 83]. Например, *төгөт* ‘деготь’, *чулук* ‘чулки’, *сопок* ‘сапоги’, *салам* ‘солома’ и другие.

С установлением Советской власти в Горном Алтае в словарный фонд алтайского языка вошли много слов, заимствованных из русского языка. Это в основном термины общественно-политические, научно-технические и учебно-педагогические, а также бытовые, которые вошли в алтайский язык через литературные источники на русском языке и через

непосредственное общение с русским народом. Например: коммунизм, социализм, партия, класс, пролетариат, диктатура, студент, общество, мавзолей, манифест, сессия, пионер, комсомол, философия, демонстрация, метро, автомобиль, автобус, троллейбус и т.д. В своей статье «Русский язык как один из источников обогащения хакасского языка» [2, с. 30] В. Г. Карпов отмечает, что от некоторых вышеприведенных заимствованных существительных, вошедших в основной словарный фонд хакасского языка, позже начали образовываться новые слова по законам хакасского словообразования. Так были образованы глаголы *поранала* ‘боронить’, *плесет сал* ‘плясать’ и т.д. Аналогичное явление можно было наблюдать и в алтайском языке, например: *сомок* ‘замок’ → *сомокто-* ‘закрывать на замок’; *крест* ‘крест’ → *кресте-* ‘креститься’; *печать* ‘печать’ → *печатьта* ‘печатать’; *план* ‘план’ → *планда-* ‘планировать’ и другие.

На современном этапе идет интенсивное освоение терминологической лексики русского языка как путем непосредственного заимствования, так и через переводы на алтайский язык. В настоящее время активно вошли в нашу лексику такие слова как: аэробика, бартер, кока-кола, ломбард, маркетинг, интернет, спонсор, компьютер, грант, и т.д.

Как мы знаем, во все времена язык СМИ отражал и отражает разные процессы, изменения, происходящие в обществе. Через средства массовой информации закрепляются в языке названия новых предметов и явлений. На сегодняшний день в Республике Алтай основным печатным средством массовой информации на алтайском языке является республиканская газета «Алтайдын Чолмоны» (Звезда Алтая). С приложением «Родник» на русском языке. Первый тираж газеты вышел в свет в далеком 1922 году. Кроме этого, на алтайском языке выпускаются новости и тематические передачи на ГТРК «Горный Алтай» и радио России ГТРК «Горный Алтай». На страницах газеты освещается социально-экономическая, политическая и общественная жизнь Республики Алтай. Листая страницы данной газеты, по частоте употреблений можно выделить следующие заимствованные через русский язык слова, например: президент, бюджет, алименты, модератор, ипотека, субъект, инфляция, волонтер, парламент, информатика, балл, саммит, риелтор, рынок, аспирант, экзамен, кастинг, домофон, флешмоб, футбол, финал, бренд и другие: *Республиканын бюджетин јөптөгөндөр* (АЧ №15, 2018) ‘Утвердили республиканский бюджет’; *Темдектезе, алимент аайынча төлүзининг кечи 10 мунг салковойдон көп болзо, гран ары јанындөөн божотпос* (АЧ №12, 2018) ‘Если например, долги по алиментам превышают 10 тысяч рублей, то тогда за границу не выпустят’; *Модераторлорынын бирүзи ОНФ-тын Төс штабынын турчызы Светлана Калинина болгон* (АЧ №26, 2018) ‘Одним из модераторов была член центрального штаба ОНФ Светлана Калинина’; *Бир канча өйдөн кастингти өдө бергени керегинде јетирү келди* (АЧ №22, 2018) ‘Через некоторое время пришло известие, о том что прошла кастинг’; *Ол волонтерлордын тоозында јарлу да улус бар...* (АЧ №40, 2018) ‘В числе этих волонтеров есть и знаменитые люди’; *ФИФА-нын футболло 21-чи телекейлик чемпионаны бистин ороондо быјыл кичү изү айдын 14-чи күнинен ала јаан изү айдын 15 күнине јетире өдөр* (АЧ №58, 2018) ‘В этом году в нашей стране с 14 июня по 15 июля пройдет 21 международный чемпионат по футболу ФИФА’; *Телекейлик чемпионаттын финал турниринде 32 команда туружар* ‘В финальном турнире международного чемпионата участвуют 32 команды’.

Следует отметить, что с наряду с иноязычными заимствованиями основными источниками обогащения словарного состава алтайского языка являются: 1) сочетания заимствованных слов с алтайскими словами (*смс-үнберииш* ‘смс-голосование’, *тегерик стол* ‘круглый стол’, *уголовный керек* ‘уголовное дело’, *чике колбу* ‘прямой эфир’: «*Чике колбу*» *ажыра келип турган баиштанулар министрстволорго ло губернаторлорго аткарылат* (АЧ №40, 2018) ‘Обращения, которые приходят через «прямой эфир» отправляются в министерства и губернаторам; 2) калькирование заимствованных слов: *јайым күреш* ‘вольная борьба’ (*јайым* ‘свободный’ *күреш* ‘борьба’), *јангы үйе* ‘новое поколение’ (*јангы* ‘новый’ *үйе* ‘поколение, род’), *ишјоктор* ‘безработные’ (*иш* ‘работа’ *јок* ‘нет’), *су-кадык корыыры* ‘здоровоохранение’ (*су-кадык* ‘здоровье’ *коры-* защищать, охранять), *јондык биригү* ‘общественная организация’

(*јондык* ‘общественный’ *биригү* ‘объединение’) и т.д. Также с помощью продуктивных аффиксов *=чы*, *=лык* в алтайском языке образованы следующие слова: *пайчы* ‘пайщик’ (от *пай*), *парашиутчы* ‘парашютист’ (от *парашиут*), *футболчы* ‘футболист’ (от *футбол*), *спортчы* ‘спортсмен’ (от *спортсмен*), *тенисчи* ‘теннисист’ (от *теннис*): *Тенисчилер көрөөчилерге жараи ойын көргүскен* (АЧ №9, 2018) ‘Теннисисты показали хорошую игру зрителям’; *=лык*: *партиялык* ‘партийный’ (от *партия*), *патриотикалык* ‘патриотический’ (от *патриот*), *профилактикалык* ‘профилактический’ (от *профилактика*), *психикалык* ‘психический’ (от *психика*) и т.д. В алтайском языке при помощи аффикса *=чы* образуются имена существительные в основном от существительных. Исходными основами производных на *=чы* служат наименования живых существ, растительности, предметов, орудий, отвлеченных понятий. Все они, оснащаясь данным аффиксом, называют лицо по роду его занятия и деятельности. Род занятия и деятельности лица заложен в значении исходных основ, который переходит в значение деятеля как определяющий его признак. Производные слова, образованные от аффикса *=лык* в алтайском языке, обозначают вещи и приспособления, абстрактные и обобщенные понятия.

Таким образом, из проанализированного материала можно выделить следующие этапы заимствований в алтайском языке: 1) дореволюционный период; 2) период Великой Отечественной войны; 3) период Советского союза; 4) перестроечный период; 5) современный период. Как показывает фактический материал для каждого из этих периодов характерен определенный пласт заимствованной лексики.

Список литературы

1. Каксин А.Д. Динамичность в лексической сфере на разных этапах языкового развития (на примере хакасского языка) // Таврический научный обозреватель. № 9(14) – сентябрь 2016 – С. 22-27.
2. Карпов В. Г. Хакасский язык: проблемы и перспективы развития. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2007. – 260 с.
3. Тадыкин В. Н., Тыбыкова А. Т. Орфография и пунктуация алтайского языка. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 1981. – 168 с.

Список условных сокращений

АЧ – Алтайдын Чолмоны

Информация об авторах

Чайчина Евгения Валерьевна – научный сотрудник, Бюджетное научное учреждение Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова» (г. Горно-Алтайск), Россия, e-mail: ozok@mail.ru

Information about the author

Evgeniya Chaychina – research Associate, Budget Scientific Institution «The Scientific-Research Institute of Altaistic of a name of S. S. Surazakov» (Gorno-Altai), Russia, e-mail: ozok@mail.ru

Э.В. Енчинов

ТРАДИЦИИ ПИТАНИЯ И «НОВАЯ» ПИЩА В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

В статье рассматривается процесс трансформации статусов традиционной алтайской пищи: молочной, мясной и злаковой на рубеже тысячелетий. Затянувшиеся экономические реформы конца XX – начала XXI вв. актуализировали традиционные способы производства, приготовления и хранения пищи, оказавшиеся экономически более приемлемыми для коренного населения региона.

Ключевые слова: Алтайцы, культура, традиции, трансформации, пища, напитки.

E.V. Enchinov

EATING HABITS AND NEW FOOD IN THE ALTAI REPUBLIC AT THE END OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURY

The article considers the process of transformation of the status of traditional Altai food: dairy, meat and cereal at the turn of the Millennium. The protracted economic reforms of the late XX – early XXI centuries actualized the traditional methods of production, cooking and storage of food, which turned out to be more economically acceptable for the indigenous population of the region.

Keywords: Altaians, culture, traditions, transformations, food, drinks.

Важным элементом повседневной материально-бытовой культуры является пища и связанные с ней традиции питания. Прежде всего, надо отметить, что в функциональном плане роль пищи весьма разнообразна: 1) удовлетворение физиологических потребностей в пище; 2) роль пищи и питья в социальной стратификации; 3) культурно-ритуальная функция пищи. Как отмечал С.А. Токарев пища и питье служат человеку не только для чисто физиологического насыщения, т.е. не только для удовлетворения элементарной биологической потребности питания, что имеет место во всем органическом мире, не только у животных, но и у растений. Пища играет также иную роль – формы, опосредующей социальное общение людей [4, с. 6]. Помимо социального общения пища тесно связана с традициями и культурой народа, сохраняя, трансформируясь вместе с социокультурными традициями, что также находит отражение в обычаях, ритуалах как семейно-брачного цикла, так и религиозного плана.

В рассматриваемый период актуализировался социально-статусный функционал пищи. Проявление этой роли пищи многочисленны и разнообразны. Совместные трапезы (и трапезы в целом – Э.Е.) на всех ступенях исторического развития были и остаются одной из важнейших форм бытового общения между людьми [4, с. 6]. В 1990-х гг. когда вопрос питания стоял на уровне удовлетворения физиологической потребности в пище, статусный функционал пищи отходил на вторые, третьи позиции, но так или иначе он присутствовал. В пореформенное время, когда шло активное формирование новых статусных ценностей, маркеров выражения нового положения человека, пища, ее виды и количество стали неотъемлемым атрибутом успешности. На прилавках магазинов появились доселе неизвестные сорта алкогольных и безалкогольных напитков, кондитерских изделий, консервированных продуктов, овощей и фруктов импортного производства. Покупка и потребление «новых» продуктов, на днях рождениях, юбилеях, свадебных торжествах отчасти было призвано продемонстрировать окружающим инсталлированность человека в

новые социально-экономические условия, высокую степень его адаптивной способности. Большинство людей не могло позволить себе такую роскошь, а лишь только та часть, которая занималась предпринимательской деятельностью, владела торговыми точками, местами на муниципальных или стихийных рынках. Также нужно отметить, что потребление «новой» пищи выражало в первую очередь принадлежность трапезников к новой социальной группе – «новых русских», «новых алтайцев», «новых казахов» и т.д.

В 2000-х гг. статусная роль пищи и напитков продолжила свою трансформацию. С процессом «обвыкания» к «новой» пище стало очевидно, что людей уже не удивишь разного рода яствами и напитками, пища некогда бывшая элитной, стала общедоступной и не столь экстравагантной. Современная статусная роль пищи первых десятилетий XXI в. заключается в том, что пища готовится как дома, так и подается готовой в ресторанах, но уже трапезник не пытается через пищу подчеркнуть свою принадлежность к некой элитной группе, а старается подчеркнуть свою индивидуальность, свой собственный вкус и гастрономические пристрастия.

На волне индивидуализма и стремления к совершенству тела и души многие вступают во всевозможные экологические школы здорового питания, где неперенными атрибутами являются диеты, чудо-голодание, прием биологически активных добавок к пище, или системы раздельного питания, где именно такое питание считается единственно верным и правильным.

Значительной составляющей культуры питания является культурно-ритуальная функция пищи. Пища поддерживает не только физические, но также в известной мере и духовные силы. Ощущение, что посредством питания мы приобщаемся к силе, красоте и могуществу природы, знакомо практически каждому человеку. И это в известном смысле поэтическое переживание, близкое к религиозному, создающее, кроме того, дополнительные условия для вовлечения пищи в процессы социального взаимодействия и общения [2, с. 196]. Традиции и нормы коренных жителей Горного Алтая предписывали те или иные угощения гостей, родственников, духов в зависимости от происходящего праздничного события или ритуального действия на протяжении длительного времени. В 90-х гг. XX в. с большой степенью натурализации системы питания населения, на селе актуализировались обычаи и ритуалы, связанные с пищей. Так, например, повсеместно были «восстановлены» запреты связанные с продуктами питания, на селе в вечернее время не разрешалось давать кому-либо молоко, закваску, так как согласно традиционным представлениям алтайцев такие действия могли вызвать отток достатка из дома. Аналогично объяснялись действия, когда кто-то делился своей добычей или продуктами в том числе и овощами, фруктами – необходимо было часть оставить себе и т.д. Такого рода запреты широко применялись как в алтайской, так и русскоязычной среде.

С процессами относительной стабилизации и начала восстановления хозяйств, ростом поголовья скота в селах пореформенного времени можно было часто встретить айылы, где заготавливали для всей семьи «чеген» (сквашенный молочный напиток), «быштак» (пресный сыр), «курут» (кислый сырчик), «саржу» (масло), «каймак» (сливки), «эжигей» (сладкая творожная масса), «аарчы» (творог), нередко было выкуривание молочного вина «сут аракы». Преимущественно в силу культурных и пищевых стереотипов много коров держали (и получали от них традиционные продукты питания) в тех семьях, в которых были пожилые члены, а также семьи, живущие на чабанских стоянках [6, с. 400]. Экономический кризис 1990-х гг. привел к ренессансу традиционной культуры питания, многие традиционные продукты, блюда вновь появились на столе коренных жителей Горного Алтая, восстанавливалась рецептура, традиционные бытовые инструменты, как например «шурум» (традиционный самогонный аппарат), «куп» (деревянная вытянутая кадка).

Население региона всегда с почтением относилось к мясной пище. С переходом скота в частные руки и формирования крестьянско-фермерского движения, количество скота резко сократилось, так в 1990-х гг. прошлого века многие сельские жители относительно количества скота в хозяйствах, шутливо отмечали, что «овцы, коровы и лошади у нас в

Красной книге». Размер частного стада различался очень сильно – одна семья, как правило, имела от одной до пятнадцати дойных коров. В целом от трех-пяти до 40–50 голов крупного рогатого скота; от пяти до ста овец; до пяти-тридцати коз [6, с. 400]. В районных центрах, если не было своего скота на стоянках, количество скота ограничивалось одной-тремя коровами, тремя-пятью овцами.

Восстанавливались и традиции забоя скота. Крупный и мелко-рогатый скот забивали в конце осени – начале зимы, когда животные были упитаны. Забой скота впрок «уча», «согум» каждая семья проводила у себя дома. Если забивалось много скота, то на помощь созывались родственники и соседи. Для долгого хранения тушу животного полностью не разделывали, только обезглавливали и удаляли голени. Из разделанной вдоль туловища брюшины удаляли все внутренности, после соответствующих приготовлений брюшину набивали мякотью других забитых туш, кровяными и мясными колбасами и зашивали по краям [7, с. 209]. Заготовку «уча» могла позволить себе не каждая семья, многие замораживали мясо одного-двух баранов и хранили их в сенах, сараях и холодильниках.

Традиционно после закола скота, в первую очередь варили или жарили скоропортящиеся внутренности (субпродукты): печень, сердце и т.д. Большим лакомством считалась жареная на горячих углях грудинка барана «керзен» [3, с. 48]. Также, деликатесами считали кровяную вареную колбасу «кан», «jëргём» (оплетенные тонкими кишками ленточки из желудка и внутреннего жира в виде косичек), жареную печень «буур» и селезенку «телююн», начиненную салом и луком. Из мясных супов готовили «jарма» (из обрушенных жареных зерен пшеницы) и «кёчё» (из перловки) [5, с. 156].

Из традиционных злаковых культур большее предпочтение отдавалось ячменю, из которого готовили «талкан» (мука из поджаренных обрушенных и обмолотых зерен ячменя). Ели его с чаем, варили «чейдем» (напиток из талкана с молоком, отваром чая с добавлением топленого коровьего масла домашних сливок из сырого или вареного молока), выпекали в жире пресное печенье «боорсок». Позитивным следствием экономического кризиса середины 1990-х гг. оказалось массовое изготовление талкана с целью продажи, пользовавшегося большой популярностью как у горожан, так и у сельчан, закупающих его на время сезона промыслов и сенокоса.

Из напитков наиболее распространенным был чай с молоком, среди старшего поколения предпочтительными были чай с молоком и солью, употребляемый с талканом или без него [6, с. 407, 409].

2000-е гг. ознаменовались определенной стабилизацией экономики и протекавшие социокультурные трансформации уже привели к сокращению употребления некоторых видов блюд, изменению традиционной культуры питания, появлению новых блюд, новых видов заготовок и переработки продуктов [1, с. 404]. Так, например, начиная с 2005–2006 гг. все реже можно было встретить в аиылах «чеген», следовательно, и его субпродукты как «быштак», «курут», «сарју», «каймак», «эжигей», «аарчы», тем более молочное вино «сут аракы». Многие объясняют отсутствие традиционных продуктов нехваткой времени, так как изготовление таких продуктов требует немалых усилий и времени. Вообще традиционную алтайскую кухню можно отнести к кухне «slow food» – «медленной пище/кухне».

В заключении отметим, что было бы не верным, утверждать, что традиционная пища ушла в прошлое, старожилы и многие молодые семьи продолжают традиции местной кухни, изготавливая традиционные яства, которые пользуются большим спросом у населения и у туристов. В первую очередь, традиционные продукты в глазах коренных жителей Горного Алтая считаются ритуально чистыми и во время молений, проведения обычаев и отправления культов, например, в календарной обрядности, в обычаях жизненного цикла «койу көчө» праздник первого года жизни, «той» свадьба, «jерге барганы» похороны, поминки, являются необходимыми для ритуального действия.

Список литературы

1. Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие / редколл. Н.В. Екеев (отв. ред.), Н.М. Екеева, Э.В. Енчинов; НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2014. – 464 с.
2. Бгажноков Б.Х. Основания гуманистической этнологии. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 272 с.
3. Санашкина В.Е. Алтайская кухня. – Горно-Алтайск: Изд-во «Горно-Алт. тип.», 1995. – 48 с.
4. Токарев С.А. Избранное. Теоретические и историографические статьи по этнографии и религиям народов мира. Т.2. – М. Изд-во «Институт этнологии и антропологии РАН», 1999. – 204 с.
5. Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования: информационно-методический справочник / Под ред. И.И. Назарова. – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2009. – 353 с.
6. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН. – М.: Изд-во «Наука». 2006. – 678 с.
7. Тюхтенева С.П. Новогодний праздник у алтайцев / Р.Ш. Джарылгасинова // Календарно-праздничная культура народов зарубежной Азии: традиции и инновации. – М.: Изд-во «Институт этнологии и антропологии РАН», 1997. – С. 207–210.

Информация об авторах

Енчинов Эркин Валериевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник группы этнографии, БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», г. Горно-Алтайск, Россия, Enchinov_e@mail.ru

Information about the author

Erkin V. Enchinov – Candidate of historical sciences, senior researcher of Ethnography group, «S.S. Surazakov Research Institute of Altaic»; Gorno-Altai, Russia, Enchinov_e@mail.ru

УДК 398

И.Н. Муйтуева

ОБРАЗ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ АЛТАЙЦЕВ

В статье рассматриваются образы домашних животных (коней и собак) в традиционной культуре алтайцев. По религиозно-мифологическим представлениям алтайцев, каждое живое существо в этом мире имеет божественное происхождение и предназначение.

Ключевые слова: культ коня, собаки, верховный бог, подземный бог.

I. Muytueva

THE IMAGE OF PETS IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE ALTAIANS

The article considers the images of domestic animals (horses and dogs) in the traditional culture of the Altai people. According to the religious and mythological ideas of the Altai people, every living creature in this world has a divine origin and purpose.

Key words: cult of a horse, dog, Supreme God, God of the underground.

Согласно религиозно-мифологическим представлениям алтайцев, каждое живое существо в этом мире имеет божественное происхождение и предназначение. Основой традиционных верований алтайцев является представление о том, что природа – это живой мир. На природные объекты переносятся человеческие свойства, в силу чего эти объекты наделяются разумом, человеческими чувствами.

Культ животных занимает особое место в алтайском фольклоре, что связано с процессом познания человека окружающего мира и связи с живой природой. Многие образы животных берут свое начало с древней мифологии, с фольклора. Исследователи считают, что истоки культа коня связаны с солярным культом. Особо почитали светломасных коней. Л.Н. Потапов пишет: «У алтайцев, например, высшему божеству Ульгеню полагалось приносить в жертву коня обязательно светлой масти [16; 55]. В героическом эпосе у главных героев в основном кони были рыжей масти, что символизировало свет солнца и огня.

В алтайских сказках «Шестиглазая *Карагыс*», «*Танзаган*», приношение в жертву коня исполняет желания героев. Девочка по имени *Карагыс* появилась на свет с шестью глазами, из-за того, что старик пожалел принести в жертву рыжую кобылу, и вместо коня пожертвовал рыжую собаку. Мальчик по имени *Танзаган* пожертвовав своего коня, получает шелковую *дьалама* длиной в три аршина, которая исполняет любые желания [3; 173-239].

А в героических сказаниях коню отведена роль, почти равная богатырю. В эпосе верховой конь обозначается термином *ат* или *эрдьине* (драгоценность). Во многих мифологических системах народов Евразии – конь, играет важную роль, является атрибутом (или образом) ряда божеств. На коне передвигаются (по небу и из одной стихии или мира в другой) боги и герои. В книге «Алтай *жан*» есть миф «О сотворении мира», где создателями всего являются *Кудай* и *Эрлик*. *Кудай* – верховный бог, а *Эрлик* – подземный бог. *Кудай* создал животных с теплым дыханием, куда относятся лошадь и баран, а *Эрлик* создал животных с холодным дыханием – это бык и козел.

Во всех сказаниях конь является самым близким другом своего хозяина. В героических сказаниях события разворачиваются не только вокруг сказочного героя, но и вокруг его волшебного коня, от позиции и активности которого во многом зависит успешное преодоление героем тех или иных трудностей и достижение намеченных целей. С.С. Суразаков пишет: «... в древности конь ценился очень высоко, как явствует из эпоса, существовал культ коня. Во многих сказаниях конь выступает священным покровителем (*эрдьине*) рода, посланным на землю Небом, он обладает чудесной силой и активно вмешивается в жизнь и дела народа» [18; 27]. Конь – это мудрый советник и сподвижник богатыря, вещун, целитель и воин [10; 227]. Также он обладает волшебством, оживляет героя, когда того убивают. Например, в героическом эпосе «Алтай-Буучай» конь богатыря *Алтай-Буучая* обладал даром исцеления. Он, чтобы исцелить своего хозяина, побывал и на небе, и под землей. Конь богатыря *Камчи-Дьеерен* обращается к Матери-Алтая за помощью, та подсказывает, где спрятано лекарство, которое спасет *Алтай-Буучая*. Конь находит это лекарство и возвращается на землю к хозяину, он знает, как использовать добытое лекарство, чтобы оживить своего хозяина.

В героическом сказании «Алып-Манаш» конь богатыря *Алып-Манаша* превращался в сверкающую белую звезду, также он мог летать. Кони могут превращаться в птиц. Кони *Кайчы-Дьеерен* и *Камчи-Дьеерен* в героическом эпосе «Алтай-Буучай» превращались в черных беркутов, в серого воробья и в лунокрылого сокола [1; 13-16].

В героических сказаниях кони иногда самостоятельно совершают героические подвиги. Они могут сражаться, участвовать в состязаниях и добывать невесту для героя (сказание «*Кёкин-Эркей*», «*Алып-Манаш*»). Вещие свойства коня, восходящие к тотемизму, сказываются во владении им человеческой речью. Конь сообщает о событиях, происходящих в другом месте, подает практические советы в бою и в иных обстоятельствах, учит своего будущего хозяина объезде, предостерегает того от жестокого обращения с ним, но иногда советует «разогреть» его тело ударом плети, иронизируя при этом, что всадник слишком

мягок с ним: не матери же своей он раздирает рот, не отца бьет и т.п. Однако вслед за тем конь указывает, как исцелить его раны, а иногда и раны богатыря при помощи чудесных средств, о которых знает только он один. В относительно редких случаях, когда богатырь обращается к коню с руганью и угрозами, торопя к цели, конь не остается в долгу, требуя от самого всадника крепче держаться в седле, если он желает еще более быстрой езды, чтобы не потерять коня вовсе, – конь не вернется его подбирать с земли, навсегда покинет или же падет [12; 112].

Образ крылатых коней (*аргымак ат*) особенно часто встречается в алтайских легендах и преданиях. В одной из них рассказывается о том, как молодой парень убегает из плена на *аргымаке*, преодолевая большое расстояние. Его никто не может догнать. Когда *аргымак* бежит, у него вырастают крылья. Некоторые народы считают небесных коней олицетворением грома. Например, якуты объясняют происхождение грома действиями божественных коней, которых они называют «кудайдын бургазы» [16; 136]. По древним поверьям никто, даже хозяин, не должен видеть крылья аргымака, которые он раскрывает только в ночной темноте или, когда уверен, что за ним никто не наблюдает. Алтайцы всегда осознавали неразрывную связь коня с человеком, и особенно с хозяином, богатырем. Они говорили:

«Түште болзо – канадым,
Түнде болзо – нөкөрүм.
Ат – канат, акча – түбек.
Ат jakшызы мактулу,
Кижик jakшызы күндүлү.

Днем ты – крылья мои
Ночью – (неразлучный) друг.
Конь – крылья, деньги – несчастье.
Хороший конь – в славе,
Хороший человек – в почете.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что кони были и остаются важной составляющей в традиционной культуре алтайцев. В фольклорных произведениях богатырь и его конь едины. Конь для алтайцев самое любимое и почитаемое животное, что находит подтверждение и в легендах, и в сказках, и в героических сказаниях. Это отразилось и в устной традиции. Согласно сложившейся в культуре алтайцев иерархии живых существ конь – существо высшего порядка, сопоставимое по статусу с человеком.

По мнению исследователей, в мировоззрении алтайцев собака также имеет небесное происхождение. В мифах она фигурирует еще до создания человека [13; 146]. Собака вошла в жизнь человека очень давно и стала настоящим другом человека. Предания и мифы о собаке встречаются в книгах «Алтай жан» [14; 7], «Сооюнгар ла кеп-куучындар» [4; 14], «Алтай кеп-куучындар» [2; 2-30], «Несказочная проза алтайцев» [15; 72-76] и т.д. Во всех текстах даются разные сюжеты с различными версиями, объясняющие появление собаки возле человека. Так, *Кудай* сначала создал собаку, потом человека, собаку оставил караулить человека, пока он найдет *тын* (душа), чтобы его оживить. Но собака подпускает к человеку *Эрлика*, тем самым нарушив данное слово богу, за это её *Кудай* наказывает, оставив ее на земле возле человека. Шкуру с шерстью собаке дает *Эрлик*. Собака была проклята и обречена искать еду рядом с человеком [5; 273]. Действие в этих преданиях происходит в то время, когда *Кудай* предопределяет жизнь человеку. Собака, совершившая плохие поступки, может быть наказана в другом мире, например, в героическом эпосе «Маадай-Кара», сын богатыря *Маадай-Кара Когюдей-Мерген*, когда спускался в подземный мир видел, как была наказана злая собака:

Оозына темир тиштенген
Сары-калтар ийт туштады.
«Жон-улусты тудуп жүрген
«Туудаан ийттин кыйыны».

Желто-коричневая собака встретила,
В пасти у нее железо зажато.
«Много людей искушавшую
Злую собаку так наказали» [12; 214].

Алтайцы считают, что собака может предсказывать смерть человека, если собака воет, то значит, что она чувствует смерть. А когда собака уходит из дома, то это считается плохим знаком. Приход чужой собаки в дом считается хорошим знаком. Хорошая собака верно служит хозяину и охраняет дом даже от злых духов, например, в героическом эпосе «Маадай-Кара», две одинаковые черные собаки караулят страну-Алтай главного героя. Собака может видеть душу человека, когда тот умирает, или, когда душа на время его покидает. «Собака о присутствии *сүне* (душа) дает знать тревожным и продолжительным лаем. Видение *сүне* какого-нибудь человека предвещает близкую смерть последнего» [6; 19].

Собака может охранять маленьких детей от злых духов. Раньше, когда в семье дети умирали в младенчестве, совершали такой обряд: прежде, чем положить ребенка в люльку в нее на время клали щенка, таким образом отпугивали, прогоняли злых духов. Родители, чтобы оградить новорожденного от преждевременной смерти, давали ребенку имя, связанное с собакой. Считали, что такое имя может отвлечь злых духов. Известный алтайский писатель П.В. Кучияк в детстве носил имя – *Ийт Кулак* (собачье ухо). Такой же обряд существовал у многих тюркоязычных народов, например, у башкир, киргизов, казахов, татар, чувашей (*Анчак, Кучюк, Ит кучук, Ит-аяк, Итбай, Италмас, Ит-барак*, и т.д.). Выше перечисленные имена выполняли функцию оберегов. В башкирской легенде «Карагөсөк тауы» новорожденному сыну с черными волосами бай дал имя Кара-кусюк (черный щенок), чтобы отвлечь от него злых духов. У многих тюрков «собачьи» имена несли магико-охранительную нагрузку [9; 152].

У алтайцев существует такой обычай: если у детей выпадет зуб, то этот зуб вместе с мякишем хлеба давали собаке, чтобы у ребенка вместо выпавшего зуба вырос хороший и крепкий зуб, как у собаки. Такой же обычай есть у хакасов, бурятов, монголов и башкир [7; 64; 17; 191; 9; 155]. Собака способна вылечить всякого рода болячки на теле человека. В алтайских преданиях говорится, что язык собаки имеет лекарственные свойства, если у человека есть болячки на теле, то надо дать собаке облизать.

Таким образом, в обрядах и обычаях алтайцев собака, как тотемный покровитель, способна отпугнуть злых духов, защитить от нечистых сил, уберечь младенцев от смерти, лечить болячки на теле человека, охранять жизнь и дом (очаг) своего хозяина. Алтайцы верят, что собаки чувствуют и видят злых духов, духов умерших. В произведениях устного народного творчества собака является положительным животным. Черная собака с желтыми надбровными точками (*көстүктү*) считается прародителем рода *кара-майманов* [20; 83].

Список литературы

1. Алтай баатырлар (Алтайские богатыри). / Сост. А.А. Конунов. – Горно-Алтайск, 2013. – 438 с.
2. Алтай кеп-куучындар / Сост. Е.Е. Ямаева, М.Б. Шинжин. – Горно-Алтайск, 1994, – 416 с.
3. Алтайские народные сказки / Сост. Т.М. Садалова. – Новосибирск, 2002, – 455 с.
4. Алтайские сказки. – Горно-Алтайск, 1996, – С. 59-60.
5. Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие. / Редколл. Н.В. Екеев (отв. ред.) – Горно-Алтайск, 2014, – С. 273.
6. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. – Горно-Алтайск, 1994, – 152 с.
7. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан, 2013, – с. 64.
8. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. – Л., 1974, – 727 с.
9. Илимбетова А.Ф., Илимбетов, Ф.Ф. Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. 2-е изд., испр. и доп. – Уфа, 2012, – 704 с.
10. Казагачева З. С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын» (Аспекты текстологии и перевода) – Горно-Алтайск, 2002, – 350 с.
11. Липец Р.С. Образ баатыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе / Р.С. Липец. – М.: Наука, 1984, – 264 с.
12. Маадай кара. Алтайский героический эпос / Отв. ред. Н.А. Баскаков. – М., 1973, – 476 с.

13. Муйтуева В. А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. – Горно-Алтайск, 2004, – 166 с.
14. Муйтуева В.А., Чочкина, М.П. Алтай жан – Горно-Алтайск, 1996, – 208 с.
15. Несказочная проза алтайцев / Сост. Н.Р. Ойроткинова, И.Б. Шинжин, К.В. Яданова, Е.Е. Ямаева. – Новосибирск, 2011, – 576 с.
16. Потапов Л.Н. Алтае-Саянские этнографические параллели к древнетюркскому обряду жертвоприношения домашних животных и их историческое значение // Ученые записки, Вып.11. – Горно-Алтайск, 1974, – С. 51-61.
17. Салмин А.К. Традиционные обряды и верования чувашей. – Спб., 2010, – С. 210.
18. Суразаков С. С. Алтайский героический эпос. – М.: Наука, 1985, – 256 с.
19. Яданова К.В. Указатель сюжетов и версий по материалам алтайской фольклорной традиции: «Встреча охотника с мифическим существом». – Горно-Алтайск, 2013, – 288 с.
20. Ямаева Е.Е. Указатель персонажей алтайской мифологии. – Горно-Алтайск, 2007, – С. 83.

Информация об авторах

Муйтуева Ирина Николаевна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им С.С. Суразакова» г. Горно-Алтайск, Россия, e-mail: muytuevai@mail.ru

Information about the author

Muytueva Irina Nikolaevna-candidate of pedagogical sciences, senior researcher of the RA BNU "S. S. Surazakov altaistics research Institute" Gorno-Altai, Russia, e-mail: muytuevai@mail.ru

УДК 391

И.А. Хомякова

РЕМЕСЛА ПРЕДКОВ

В статье излагаются сведения о ремёслах пяти поколений предков автора. Это разнообразные виды женского рукоделия: ткачество, вышивка, плетение, изготовление игрушек, а также мужские ремёсла: плотническое искусство, резьба по дереву, изготовление мебели и различных станков для хозяйства. Это способствовало любви к прикладному и изобразительному искусству и создало платформу для художественного образования автора статьи.

Ключевые слова: ремёсла, рукоделие, мастерство, прикладное творчество, изобразительное искусство, культурное наследие

I.A. Homyakova

ANCESTRAL CRAFTS

The article presents information about the crafts of five generations of the author's ancestors. These are various types of women's needlework: weaving, embroidery, weaving, making toys, as well as men's crafts: carpentry, wood carving, making furniture and various machines for the economy. This activity contributed to the love of applied and fine arts and created a platform for artistic education of the author.

Keywords: crafts, needlework, craftsmanship, applied art, fine arts, cultural heritage

Уже пять поколений моих предков живут на Алтае. Это родственники со стороны моей мамы.

Алтай пережил несколько волн переселенцев [1]. Во всех переселениях участвовали крестьяне из Псковской, Архангельской, Московской, Тульской, Тамбовской, Пензенской, Курской, Нижегородской, Новгородской губерний [1]. Можно только представить, какое разнообразие нематериального культурного наследия внесли эти события в сибирский уклад жизни. Переселенцам предоставлялись некоторые льготы. Мужчинам и мальчикам выделяли земельные участки, первое время с приезжих не брали налогов. Но все эти люди, тем не менее, были сорваны с нажитых мест, иногда с малыми детьми или больными стариками, и чувствовали себя лишенными, страшились новой жизни на незнакомом им месте в чужом краю. Продав все имущество, приезжали они на полуживых лошадях, привозя в телегах свой нехитрый скарб.

В какой из этих потоков попал мой прапрадед Родион Бжицких, спросить уже не у кого. Скорее всего в первом, т.к. двадцать лет был в солдатчине. Родион Бжицких был поляк и старовер, знал грамоту. В деревне Карагайка стал священнослужителем. Крестил, венчал и отпевал людей, вел службы. Как звали прапрабабушку, неизвестно, от моей мамы по рассказам осталась информация, что у них было шесть дочерей и один сын Василий. Прабабушка Пульхерия была одной из средних дочерей, родилась она в 1893 г. Были они не богаты, и рукодельны. Самотканые и вышитые вещи прабабушки хранятся в натурфонде Бийского педагогического колледжа, где училась я и моя мама, а до неё училась моя бабушка Мария - дочь Пульхерии, и её родной брат Диннадий (вместо Геннадий - так уж записала его паспортистка). Мужем прабабушки Пульхерии был Угрюмов Климентий Антонович (наверно, они были из одной деревни Красногорского района Алтайского края). У прадеда было девять сыновей. Земли было много, а сеяли они пшеницу, рожь, овес, лен. Держали коров, овец, кур – большое хлопотное хозяйство. Считались середняками, со стороны работать не приглашали никого. В наследство деду досталась корова, швейная машинка "Зингер" и маслобойка. Когда началась коллективизация, он продал свой дом соседу за бесценок и ночью запряг корову в телегу, посадил в телегу трех малых детишек и отправился в Бийск. Купить пришлось плохонькую избушку. Дед плотничал, выполнял любую хозяйственную работу. Прабабушка Пульхерия занималась рукоделием, ткала очень красивые скатерти. Мама описывает то, что видела: лицевая сторона скатерти была бордовая на золотисто желтом, а изнанка, наоборот, - золотисто желтый узор по бордовому фону. Рисунок напоминал стилизованный цветок, лепестки, которого располагались крестом. Полотенца прапрабабушка ткала из тонкой льняной пряжи, которую обрабатывала полностью сама. Вышиты они были черными с красным петухами, с цветочной каймой. Были у неё в горнице, как она называла спальную комнату, самотканые дорожки из шерстяной пряжи, спряденной ей самой. Красивые, праздничные дорожки были прибиты к полу гвоздиками, поверх них стелились дорожки будничные – на каждый день. Те были сотканы из отрепья - крученных тряпочек, крашенных в разные цвета, полосы цветов всегда чередовались. На входе из таких тряпочек лежали вязанные крючком по кругу половички. Иконостас над столом находился в углу на треугольной полочке, там стояли старинные иконы Божьей Матери и Спасителя Иисуса Христа, а также бронзовый складник из трех частей. Моей бабушке Марии досталась от него одна третья часть с изображением трёх старцев. Вероятно, святой Филипп, святой Николай, святой Илья.

Дом, в котором жили наши предки, рубил и строил дед Климентий Антонович. Кладовая и коридор разделены от комнат бревенчатой стенкой. Вход с востока, завалинки высокие, высокий вход с крыльцом. Из кладовой – лестница на чердак. Крыша двухскатная, равномерная по всей площади дома. Шторы на окнах по рассказу моей мамы уже тогда были тюлевые. Занавески с прошвами. В доме минимум нужной мебели: железная кровать, шкаф, сундук, зеркало, два стула, два табурета, широкая лавка, настолько, что на ней при случае можно и полежать. Дом отапливался печью, рядом с ней прямо над входом у двери были полати. На них у прабабушки хранился лук, чеснок, под полатами находилась полочка для

посуды – узенькая, прибитая к стене. На неё ставились стаканы, кружки, и вертикально за деревянную планку помещались тарелки. Главное украшение в доме прабабушки – её вязанные прошвы на шторах и подушках, подзоры на кровати, тканая скатерть, вышитые полотенца, а на полу – тканые дорожки. Большой зеленый сундук, обитый металлическими полосками, который стоял у окна. В нем прабабушка хранила постельное белье, полотенца и ткани в отрезках и рулонах. Одежда ежедневная для улицы вешалась на крючках у входа, а хорошие вещи хранились в шкафу в горнице. В кладовой хранились бочки для засолки и хранения муки и круп, вся утварь. Очень простой быт.

Бабушка Мария вышла замуж за Мурычева Максима Иосифовича, родом он был с Зауралья. Родился в деревне Чуркино, Омутинского района Тюменской области. Его отец, Мурычев Иосиф Петрович, женился на девушке из зажиточной семьи, Королевой Агафье Антиповне. В приданое ей был дан скот, птица и деньги. С этого пошло умножаться хозяйство. Крестьянствовали, сеяли хлеб, рожь, пшеницу, овес, просо. Имели хороший дом. Было две лошади, коровы, кролики, овцы, козы, гуси, куры. Сажали репу, капусту, морковь, свеклу, огурцы, остальных овощей не знали (интересно было, дедушка рассказывал, что о картофеле узнал, когда с Зауралья приехал). Прадед Иосиф хорошо строил дома, работал в подрядах, плотничал. В наше время на станции Омутинская сохранился элеватор, который он строил (моя мама его видела). Иосиф Петрович был мастеровой со смекалкой. Умел и деньги зарабатывать, и хозяйство держать. Вместе со своим братом Василием он придумал сделать станок для изготовления расчесок и гребней из рога животных. Товар был очень востребован. Жена прадеда, моя прабабушка рожала семь детей, пятеро умерли, от такого горя она чуть не сошла с ума. Мой дедушка помнил, как в гости ездили родственники его матери, на своих кошовках или верхом. Подарки привозили знатные. Гостинцы от них были ящиками – пряники, конфеты, всякие вкусности – видимо, жили в городе. Один брат прабабушки был есаул в царское время, другой имел свою завозню, сестра была замужем за служащим. Перед тем, как родственники съезжались к ним в дом, очень долго готовились, стряпали много всего коробами: булок, пирогов и всякой еды. На зиму родители деда Максима заготавливали много грибов (он и сам был хорошим грибником, учил нас в детстве отличать съедобные от несъедобных). Прадеды уезжали в лес с бочками и солью на несколько дней и на месте собирали грибы, мыли и солили. Бруснику заливали водой, в холод сливали воду и ягоды были как ледяные шарики до самого тепла. Рыбой набивали целые короба. Дедушка говорил, что в их местности, когда вставал лед на реке, татары везли рыбу на продажу целыми караванами. Своей пасеки у прадеда не было, а у его брата Ивана было много ульев, поэтому на столе всегда был мед, а в кладовой – медовуха. Варили кисели, взвары, заготавливали травы для лечения и чаепития, готовили морковный чай. Мясо кроликов не ели, считалось, что грешно – отдавали собакам. А шкуры отделявали и сдавали в скупку.

Когда началась коллективизация и продразверстка, стало нечего есть, жить стали плохо. Отправились в Хакасию. По дороге мать деда Максима заболела двухсторонним воспалением легких и умерла. Похоронили её на станции Шира. Прадед работал на руднике Знаменитом. Дед Максим поступил учиться в интернат.

Знаменитовская средняя школа выпустила много образованных людей, потому что учили их ссыльные профессора, офицеры, художники. Среди них был полковник Сарочан, и когда выяснили, что он воевал в отряде карателей, его расстреляли. Интернат находился в доме бывшего золотопромышленника Иванитского в селе Чебаки. Дедушка Максим говорил, что книга Черкасова «Хмель» описывает нравы староверов этого дома до революции. В школе был литературный кружок, преподаватель этого объединения по интересам писал стихи, много рассказывал об известных литературных личностях, жизни замечательных людей. Литературный кружок Знаменитовской школы выпускал стенгазеты красивые и содержательные, это привило моему дедушке интерес к литературе и поэзии, и ещё он открыл в себе талант к рисованию. Стихи Пушкина, Байрона, Державина, Есенина цитировал до старости – у дедушки была великолепная память. Я нашла в интернете немного об этом

историческом для нашей семьи месте: Хакасия славится своим археологическим наследием [2]. Но одна достопримечательность выпадает из стройного ряда памятников истории и археологии. Это особняк золотопромышленника К.И. Иваницкого в селе Чебаки. Он уникален не только для республики, в которой интересных образцов деревянного зодчества почти не встречается, но и для Сибири в целом, так как подобные усадебные комплексы в глухих селах строились очень редко.

Первое письменное упоминание об улусе Чебакинском датируется 1859 г [2]. В тот период в нем числилось всего 31 двор и 212 жителей [2]. Село находилось вдалеке от крупных населенных пунктов и трактов. Оно так бы и осталось рядовым захолустьем, если бы не золото. А его было много по соседству, в отрогах Кузнецкого Алатау. В XIX в. в горах один за другим открываются новые золотые прииски. Улус же становится сибирским аналогом Клондайка и быстро развивается. К моменту прихода в эти края Советской власти в нем уже проживало 1238 чел. [2]. Часть золотых приисков в окрестностях села принадлежали томскому купцу З.М. Цибульскому. Именно по этой причине он и решил построить здесь свою резиденцию. Помимо огромного двухэтажного деревянного особняка на каменном цоколе она включала в себя овчарню, конюшню, столовую, хозяйственный двор, теплицы, зеркальный павильон для приема гостей, оранжерею. В последней разводились экзотические цветы, персики и виноград. Это был настоящий оазис цивилизации посреди сибирской глуши [2].

Из Хакасии семья Мурычевых переехала в Бийск. Дед к тому времени закончил десять классов в Знаменитовской школе и поступил в Томск на литфак в педагогический институт. Со второго курса института был призван в армию. Началась война. Военная специальность дедушки – радиотелеграфист. Дедушка прошел всю войну, из Германии вернулся в 1946 г. Военную профессию он выбрал удачно, среди радистов был лучшим из-за особенного дефекта уха, который получил еще в детстве, он не слышал посторонних неярко выраженных звуков, что помогло ему четко слышать передаваемый сигнал.

В 1949 г. Иосиф Петрович, отец дедушки, познакомился на работе с Угрюмовым Климентием Антоновичем – оба строили дома, оба были староверы. У Климентия Антоновича дочь была на выданье. Родители решили своих детей поженить. Так моя бабушка стала Мурычевой.

Бабушка воспитывала детей и не бросала рукоделия: вышивала крестом, увлекалась прорезной гладью, вязала скатерти, покрывала, подзоры, прошвы, дорожки. Пришло время, вернулись в Бийск. Там прадед Климентий срубил для дочери Марии и зятя Максима дом. В этом доме и росла моя мама Людмила с младшим братом Иваном Максимовичем. Мама много рисовала, читала, поступила на художественно-графический факультет бийского педучилища. Рукоделием мамы было шитье, вязать она тоже любила: пинетки, жилетки, шарфики, шапочки, но больше увлекало её моделирование одежды и шитье. Придумает модель, изготовит выкройку, сошьет за одну ночь. Обшивала себя и меня.

Мама работала художником-оформителем, часто брала меня с собой, и я любила наблюдать, как она пишет пером, режет трафареты, рисует плакаты, конструирует что-нибудь объемное на транспаранты. Очень воодушевленно шла подготовка к празднику 1 мая, я шла в колонне за машинами с транспарантами, люди несли в руках плакаты, цветы – и все это было сделано руками моей мамы. Ярко помню, как готовились к олимпиаде 1980. Тогда не было ярких футболок с рисунками, а иметь футболку с логотипом олимпийского мишки было мечтой чуть ли не каждого советского человека. Работала мама на стадионе «Строитель», где все спортсмены, и футболка – важная часть в ансамбле одежды. Помимо основной работы, маме приходилось выполнять просьбы команд спортсменов напечатать логотип олимпиады 1980. Тогда мама решила научить желающих искусству вырезания трафарета, говоря современным языком, пригласила всех на мастер-класс. Все это происходило в летнем лагере (мама оформляла лагерь и работала на кружках), поэтому публика набралась разновозрастная, я тоже сидела среди более старших ребят. Мама говорила очень интересно о символике олимпиады, её значении, а потом показала, как вырезать резакон рисунок с

крепежами, чтобы это было прочно и красиво. Я тогда первый раз в жизни сделала работу от начала и до конца. Нарисовала эскиз, вырезала резакон (никто не отобрал у меня нож, а мне было пять лет), и напечатала типографской краской на белой футболке полоски Кремля и внизу олимпийские кольца.

Мама чаще настраивала меня в выборе темы на декор-орнамент или иллюстрацию к сказке. В художественную школу я не ходила, а мои рисунки комментировали всегда дедушка и мама, бабушка просто всегда хвалила. Об академических основах живописи или рисунка не знала.

У деда Максима в комнате стоял комод - он его сам смастерил. Бока комода были украшены графическими пейзажами, сюжет простой: река, камыш, лодки, летящие или плавающие утки. А выдвигающиеся ящики были декорированы симметричным орнаментом из полевых цветов, ромашек и васильков, с вплетенными в них колосками пшеницы. Выполнена эта работа была в технике выжигания по дереву. Линии были такие тонкие, изящные, что они завораживали. Я любила рассматривать эти рисунки. Мне так странно было осознавать, что их нарисовал мой дедушка, в руках которого чаще можно было увидеть топор или паяльник. Он тогда работал КИПовцем на Сибприбормаше.

Я больше увлекалась декоративным творчеством, росписями, стилизациями, графикой. Всему тому, чему училась у мамы, что подметила в работах деда и была навсегда впечатлена. Трое моих детей – мальчики: старшему Максиму – двадцать три, среднему Семену – двенадцать, младшему Илье – десять. Все рисуют, лучше или хуже, но им это не чуждо, порой увлекательно. Но все-таки самый яркий рисовальщик Сёма. Хорошее чувство цвета, тона, колорита, красивая линия. Мечтает о мультипликации, робототехнике. Илюшка пока что – загадка: рисует редко, но неплохо. Семён с Ильёй заняли в 2015 году I место в конкурсе рисунков, были награждены путёвкой в Москву на Кремлёвскую Ёлку.

Список литературы

1. Грехова Е. Переселение на Алтай. // Газета «Бийский рабочий». [Электронный ресурс]/ URL: <http://biwork.ru/c42-obshchestvo/85918-pereselenie-na-altaj.html>.
2. Красноярский край и Хакасия. // Живой журнал. [Электронный ресурс]. / URL: <https://krs-yar.livejournal.com/85216.htm>.

Информация об авторах

Хомякова Ирина Александровна – педагог дополнительного образования, детский сад Томского государственного университета, г. Томск, Россия, e-mail: khomyakovair@mail.ru

Information about the author

Homyakova Irina – teacher of additional education, kindergarten of Tomsk state University, Tomsk, Russia, e-mail: khomyakovair@mail.ru

В.Г. Федорова

ПРОБЛЕМА РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В РОМАНАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИГРОК» И «ПОДРОСТОК»

В статье на материале «Дневника писателя» и романов Ф.М. Достоевского «Игрок» и «Подросток» рассматривается проблема русского национального характера в творчестве писателя, показано раздвоение русской идеи, национальной личности, двумя проявлениями которой являются «русский европеец» и «человек из народа».

Ключевые слова: русский национальный характер, русская идея, Ф.М. Достоевский

V.G. Fedorova

THE PROBLEM OF RUSSIAN NATIONAL CHARACTER IN F.M. DOSTOYEVSKY'S NOVELS "IGROK" AND "PODROSTOK"

In the article on the material of F.M. Dostoyevsky's work "Diary of a writer" and the novels "Igrok" and "Podrostok" the problem of Russian national character in the writer's creation is considered, the split of the Russian idea and the idea of the national identity, which includes the concepts of "Russian European" and "a man from the people", are shown.

Key words: Russian national character, national identity, Russian idea, F.M. Dostoevsky.

Взгляды Ф.М. Достоевского на проблему русского национального характера и связанную с ней русскую идею вызывали неоднозначную, чаще неодобрительную оценку у его современников и более поздних исследователей творчества писателя. Показательна в этом плане позиция философа Н. А Бердяева, который отмечал шовинизм и реакционнейший патриотизм Ф.М. Достоевского [1]. Ему вторят и современные исследователи творчества писателя, такие как И.И. Гарин: «В своём национализме Достоевский просто заходил за ту запретную черту, когда лишь одна, собственная, нация объявляется братской всему человечеству, а все остальные – предмет благодеяний «старшего брата»» [2, с. 205]. Об идеализации русского народа и утопичности идеи о русском миссианстве писал также В. Кантор [7].

Есть и другая точка зрения, высказанная в работе О. Юрьевой «Русская национальная личность Ф.М. Достоевского в литературе XX в.», согласно которой «являясь составной частью «русской идеи», «национальная идея» призвана осуществить миссию национального мироустройства, выполнив следующие функции: стать основой национальной самоидентификации народа; способствовать внутринациональному примирению между народом и «образованным классом»; содействовать формированию истинной «русской национальной личности»; стать основой национального искусства, призванного духовно преобразить нацию» [8].

Такую полярность социально-политических позиций прочтения Достоевского вполне закономерной считает В.М. Камнев, объясняя ее герменевтической проблематикой, присущей текстам писателя: «Сложно разделить в единой ткани текстов Достоевского-писателя и Достоевского-мыслителя и публициста» [6].

К проблеме национального характера Ф.М. Достоевский обращался в статьях журналов «Время», «Эпоха» и «Дневнике писателя»: «Мы убедились, наконец, что тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача – создать свою новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из

народных начал» [3, с. 326]. Писатель считает, что назначение русского человека является всеевропейским и всемирным – стать братом всех людей, «всечеловеком».

Большая часть его размышлений посвящена «русскому европейцу». Одной из трагических черт русского интеллигентного человека Достоевский считает податливость. В русском человеке, по его мнению, всегда существует потребность уступить и согласиться. Писатель задаётся вопросом, как это вернее назвать: лакейством или деликатностью перед Европой? О том, что русский человек зависим от мнения европейца, Достоевский рассуждает в «Дневнике писателя»: «За границей, в толпе иностранцев, говорит он, всегда бывает легче: тут каждый идёт совершенно прямо, если куда наметил, а наш идёт и оглядывается: «Что, дескать, про меня скажут». На вид он твёрд и незыблем, а на самом деле ничего нет более шатающегося и в себе неуверенного» [3, с. 56]. Достоевский замечает, что в русском человеке существуют две противоположности: с одной стороны – неуважение к самому себе, с другой – необъятное самомнение и тщеславие. По словам писателя, они всегда сидят почти во всяком интеллигентном русском и для него же первого и невыносимы, так что всякий из них носит «ад в душе».

В романе «Игрок» (1866), показывая ситуацию «русские за границей», писатель отмечает у русского человека боязнь того, что о нём скажут европейцы, стыд за то, что он русский, невыработанность формы у русского человека и, влестствие этого, неумение подать себя с достоинством. Европейской форме противостоит русская бесформенность: немецкому порядку и французскому изяществу – русское безобразие и безудерж. Однако в этом заключается не только недостаток русского человека, но и его преимущество: «Да все русские таковы, и знаете почему: потому что русские слишком богаты и многосторонне одарены, чтоб скоро приискать себе приличную форму» [4, с. 333]. Широта и богатство русской натуры не позволяют русскому человеку приобрести форму, которую имеют европейцы.

По словам О. Юрьевой, писателя страшит форма, которая может обратиться в формулу, то есть во что-то окончательное и неизменное, а, следовательно, не будет изменяться духовная и нравственная сущность человека [8].

Особенности национальной ментальности выявляются в романе через игру. Главный герой наблюдает, как ведут себя в игре представители разных наций. Например, англичане более спокойны и рассудительны, сами они редко играют, а наблюдают со стороны. Поляки суетливы в игре, советуют как ставить, пытаются направлять игру. Поляки изображены без симпатии, поскольку с пренебрежением относятся к русским и стараются подстроиться под европейцев. Французы более рассудительны, они просчитывают каждый шаг. Русские же во время игры более эмоциональны, ничего не пытаются просчитывать, надеются на удачу. Герой-англичанин, мистер Астлей, высказывает суждение, что рулетка придумана специально для русских. По его мнению, они жадны и расточительны, безудержны в страстях и неистовы в азарте.

Алексей Иванович также считает, что рулетка создана для русских, так как русский человек, в отличие от немца, не способен приобретать капитал, не способен разумно его тратить, поэтому эта лёгкость, с которой деньги можно приобрести в рулетке, прельщает русского человека. Он может выиграть огромные деньги и тут же их проиграть. «Неизвестно ещё, что гаже: русское ли безобразие или немецкий способ накопления честным трудом?» [4, с. 327], – рассуждает главный герой о том, как немец копит свои богатства, чем жертвует при этом. Он жертвует своим здоровьем, счастьем детей ради того, чтобы накопить несколько тысяч гульденов, передать их своим сыновьям и продолжить своё накопительство. И всё это, по словам Алексея Ивановича, немец делает из-за честности – «усиленной честности». Русские люди изображаются в романе очень эмоциональными и безудержными и в любви, и в игре: иррациональное у них преобладает над рациональным. И эта стихийность, иррациональность и широта русского характера не понятна европейцу.

Рассуждения на тему русского национального характера есть и в романе «Подросток» (1875). «Носителем высшей русской культурной мысли» является в романе Андрей Петрович

Версилов. По его мнению, лишь у нас в России создан высший культурный тип, которого нет в целом мире, тип «всемирного боления за всех». Здесь высказаны те же мысли Достоевского, которые позднее прозвучат в его знаменитой «Речи о Пушкине» (1880): о всевосприимчивости и всеотзывчивости русского народа, о том, что именно русская душа способна вместить в себя идею всечеловеческого единения и братской любви.

По убеждению Достоевского, главный вопрос, от ответа на который во многом будут зависеть пути будущего развития России: кого считать «лучшими людьми» - дворянство или народ? Версилов уточняет: «Если я горжусь, что я дворянин, то именно как пионер великой мысли: а не как представитель определённой социальной верхушки общества» [5, с. 280]. Но он верит, что носителем этой мысли может стать и русский народ.

Проблема народа возникает в прямой связи с конкретным человеком – крестьянином Макаром Ивановичем Долгоруким. Версилов – европейский скиталец с русской душой, идейно бездомный и в Европе, и в России. Макар – русский странник, отправившийся в хождения по Руси, чтобы познать весь мир; ему вся Россия и даже вся вселенная – дом. Версилов противопоставляется крестьянину Макару. Макар Иванович – человек с русской душой, он чувствует Россию, так как проникся ею всей душой. Версилов же – идеолог, носитель высшей русской культурной мысли, западнического направления. Не сумев понять Россию в России, пытался понять её через Европу. В образе Макара Ивановича Долгорукого должна была, по мысли Достоевского, воплотиться старинная идея русского народного правдоискателя. В отличие от Версилова, Макар Иванович ищет правду не в Европе, но в самой России. Версилов и Макар – это и есть своеобразное раздвоение одной русской идеи, которая должна ответить на вопрос о будущем развитии России.

Ф.М. Достоевский противопоставляет образованному слою русского общества народ, который не оторвался от родной почвы, от веры. Писатель не идеализировал народ, он так же видел в нём нравственное разложение, но, в отличие от высших слоёв, в народе живёт неутолённая жажда правды, и именно она приведёт его к спасению: «Да, народ тоже болен, но не смертельно, ибо живёт в нём неутолённая жажда правды. Ищет народ правды и выхода к ней» [3, с. 19]. Писатель верил в народ, на него возлагал надежды на будущее духовное возрождение России.

Как и в романе «Игрок» писатель акцентирует в «Подростке» широту русской души, отсутствие исторически выработанной формы, но рассматривает ее как черту положительную, которая приведет русского человека к всевосприимчивости и всеотзывчивости. Что и позволит, по мнению Ф.М. Достоевского, совершить России миссию братского объединения всех славянских народов, а затем стать центром духовного единения всех народов мира. В этом писатель видел историческую роль русского народа.

Список литературы

1. Бердяев Б.И. Русская идея. Судьба России. – М.: Изд-во «Сварог и К», 1997. – 546 с.
2. Гарин И.И. Многоликий Достоевский. – М.: Изд-во «Терра», 1997. – 396 с.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Л.: Изд-во «Наука». Ленинград. отд-е, 1983. – Т. 25. Дневник писателя за 1877 год. Январь-август. – 470 с.
4. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 12 тт. – М.: Изд-во «Правда», 1982. – Т. 3, 464 с.
5. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 12 тт. – М.: Изд-во «Правда», 1982. – Т. 10, 384 с.
6. Камнев В.М. Русский разговор и идея человека в творчестве Ф.М. Достоевского // Серия «Мыслители», Я. (А. Слинин) и МЫ., Выпуск 10 - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С.197-227. - Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/kamnev-vm/russkiy-razgovor-i-ideya-cheloveka-v-tvorchestve-fm-dostoevskogo> (Дата обращения 05.05.2018)
7. Кантор В. «Дневник писателя» Достоевского как провокация имперского кризиса в России // Вопросы литературы. - 2004. - № 1. - Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/1/ka12-pr.html> (Дата обращения 05.05.2018)

8. Юрьева О. «Русская национальная личность» Ф.М. Достоевского в литературе начала XX века. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-natsionalnaya-lichnost-f-m-dostoevskogo-v-literature-nachala-xx-veka> (Дата обращения 05.05.2018)

Информация об авторах

Федорова Валентина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и литературы, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, г. Бийск, e-mail: kwg@mail.biysk.ru

Information about the author

Fedorova Valentina Gennadievna - Candidate of Philology, docent of the Department of Russian Language and Literature, The Shukshin Altay State Humanities Pedagogical University, Russia, Biysk, e-mail: kwg@mail.biysk.ru

УДК 82-3

Ю. Г. Бабичева

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МИФОЛОГЕМЫ ОГНЯ В РАССКАЗАХ В.М. ШУКШИНА

В статье рассмотрено функционально-эстетическое значение мифологемы огня в рассказах В.М. Шукшина. Выявлена ее полисемантичность и амбивалентность, что позволило обогатить представление о художественной системе автора.

Ключевые слова: мифологема, «деревенская проза», онтология

Y.G. Babicheva

FUNCTIONAL AND AESTHETIC VALUE OF THE MYTHOLOGY OF FIRE IN V.M. SHUKSHIN'S STORIES

The article deals with the functional and aesthetic value of the mythology of fire in V.M. Shukshin's stories. It is revealed its polysemantic and ambivalent nature that has enriched the idea of the author's artistic system.

Keywords: mythology, "rural prose", ontology

В XX-XXI вв. в мировой и отечественной филологической науке актуализируется понятие мифа и проблема его рецепции. Как обозначил известный французский философ и литературовед Р. Барт: «Миф как живая память о прошлом способен излечить недуги современности» [1]. Осознание кризиса национальной культуры, стремление современной отечественной литературы осмыслить некоторые явления общественной и духовной жизни страны усилили попытки через миф сформировать новую модель мира и представление о нём.

В частности, традицию мифологизации ярко освоила «деревенская проза», к которой тяготел и В.М. Шукшин. Онтологичность проблемно-тематического комплекса, столь характерная для представителей этого литературного феномена, органична самим задачам, стоящим перед мифокритикой.

Мифологема в художественном плане – явление многоаспектное. Соединение реалистического метода с элементами мифологического восприятия способствует построению пространственно-временной и мифологической структуры произведения, осмыслению реалий через устойчивые мифологические модели и образы.

Мифологема огня в творчестве В.М. Шукшина играет немаловажную роль. В рассказе «Солнце, старик и девушка» мифопоэтический образ огня реализуется в образе солнца: *«Дни горели белым огнём»* [3]. Сюжет рассказа описывает две встречи 80-летнего дедушки и 25-летней девушки. Их беседы на закате просты и глубокомысленны одновременно. Однако именно предвечерье тесно перекликается с мотивом угасания жизни: пожилой человек «наблюдает» закат не только светила, но и собственной жизни [2, с. 116]. И собеседница интуитивно чувствует это: *«Девушка рисовала руки старика, торопилась, нервничала, часто стирала»* [3]. Лирическое отступление, представленное пейзажной зарисовкой, лишь подчёркивает это: *«Солнце коснулось вершин Алтая и стало медленно погружаться в далекий синий мир. И чем глубже оно уходило, тем отчетливее рисовались горы. Они как будто придвинулись. А в долине – между рекой и горами – тихо угасал красноватый сумрак. И надвигалась от гор задумчивая мягкая тень. Потом солнце совсем скрылось за острым хребтом Бубурхана, и тотчас оттуда вылетел в зеленоватое небо стремительный веер ярко-рыжих лучей. Он держался недолго – тоже тихо угас. А в небе в той стороне пошла полыхать заря»* [3]. Огненные лучи заходящего солнца, свечение неба после заката словно символизируют непреходящую ценность человеческой жизни, «разливающейся» по мирозданию.

Физиологическая слепота, позволяющая герою безотрывно смотреть на солнце, лишь демонстрирует яркость внутреннего, «духовного» зрения. И этим он антагоничен молодой героине рассказа: она хоть и видит красоту природы, но не понимает, не чувствует ее ценностную сторону; вопрос об убитых на войне сыновьях лишь подчёркивает её эмоциональную незрелость.

Но это не единственное упоминание мифообраза в данном рассказе. В эпизоде с камнем, который девушка достала из кармана жакета, звучит фраза героя: *«Кремешок это. Это в войну, когда серянок не было, огонь из него добывали»* [3]. Огонь здесь – символ жизни, восходящий к образу Прометеева огня. Вместе с тем, упоминание животворного элемента граничит в данном контексте с мотивом смерти, сопряженной с войной.

Таким образом, в рассказе мифологема огня выступает полифункциональным явлением. Её основная нагрузка в данном случае – продемонстрировать, насколько тонка грань между жизнью и смертью, насколько семантически глубока эта параллель. Образ огня здесь столь же амбивалентен, сколь в классической мифологической традиции.

Аналогичный мифообраз, связанный с ним мотив заката солнца-жизни, сопровождается иллюстрацией сложной переходности из состояния бытия в небытие через оксюморонный элемент «холодного огня» и «противной ясности», обозначен и в рассказе «Билетик на второй сеанс»: *«Была осень после дождей. Несильно дул сырой ветер, морилил лужи. А небо с закатного края прояснилось, выглянуло солнце. Окна в избах загорелись холодным жёлтым огнём. Холодно, тоскливо. И как-то противно ясно...»* [3]. Здесь семантика мифологемы огня-солнца усилена еще и спецификой времени года – осенью: именно на закате жизни герою приходит осознание своего бытия в целом, как экзистенциальной данности.

В рассказе «Далёкие зимние вечера» мифологема огня выполняет несколько иную функциональную задачу: она представлена как источник жизни и тепла. Рассказ начинается на зимней улице, где дети играют в бабки, и продолжается в холодной и пустой избе, где сидит на нетопленной печи маленькая голодная сестра главного героя. Дорога к огню затейлива и витиевата: мальчик и хотел бы развести огонь, но дров нет, поэтому поздно вечером вместе с мамой он идёт в березняк. Обратный путь оказывается затруднителен:

–...Потерпи маленько. Большую мы тебе срубили. Надо было поменьше.
Ванька молчит. И молчит Ванькина гордость".

Но награда того стоит: *«Огонь весело гудит в печке; пятна света, точно маленькие желтые котята, играют на полу. Ванька блаженно молчит. Наташка пристроилась у него на коленях и тоже молчит. По избе голубыми волнами разливается ласковое тепло», «В тарелке на столе дымят пельмени»* [3].

В рассказе «Сельские жители» огонь пугает героиню, выступая в апокалиптическом ключе. По сюжету бабушка Маланья в письме получает приглашение от сына приехать к нему в гости, в Москву, *«лучше – самолётом»* [3]. За советом она обращается к соседу Егору Лизунову, который в разговоре отмечает опасность перелётов: вероятно, пламя выхлопных газов он принял за горение мотора. Мальчик Шурка отлично понимает, что с этой позиции перелёт совершенно не опасен, однако бабушка отказывается от поездки из-за угрозы, таящейся в огне. И здесь подобное архаичное восприятие вступает в молчаливое противостояние с логическим мышлением мальчика. Финал остаётся открытым.

Образ уничтожающего огня предстает и в рассказе «Гринька Малюгин». По сюжету в кузове одной из машин, стоящих у бензохранилища, начинают полыхать ёмкости с горючим: *«Горели бочки на одной из машин. Горели как-то зловеще, бесшумно, ярко»* [3]. Однако герой рассказа сумел достаточно быстро среагировать: *«Гриньку точно кто толкнул сзади. Он побежал к горящей машине. Ни о чем не думал. В голове точно молотком били – мягко и больно: «Скорей! Скорей!» Видел, как впереди, над машиной, огромным винтом свивается белое пламя...»* [3]

В этом рассказе огонь – буйная стихия, противостоять которой, кажется, невозможно. Однако из этой схватки с непокорным огнём человек выходит победителем – Гринька смог побороть свой первобытный страх и отвести угрозу от своих товарищей.

Мифологема огня косвенно реализуется и в рассказе «Алёша Бесконвойный». По сюжету главный герой каждую субботу посвящает топке бани по-чёрному. Для него это целая наука, ритуал. И именно в субботу он проходит обряд духовного очищения огнём. Именно здесь, в бане, глядя на пылающий огонь в печке, Алёша (который и не Алёша вовсе, а Костя Валиков) вспоминает былую жизнь, размышляет: *«Жизнь: когда же самое главное время её»*. Здесь же признаётся самому себе, что *«...он вполне осознанно любит»* [3]. В этом контексте огонь выступает катализатором внутренней рефлексии, расставляющей все точки над «и», приводящей к ощущению гармонии бытия. Подобную функцию образ огня выполняет и в рассказе «Демагоги».

В рассказе «Бессовестные» человеческая жизнь метафорически приравнивается к огню, костру: *«... один человек живет – горит, а другой – тлеет»* [3]. Огонь здесь выступает также катализатором жизни, эмблемой витальности.

Таким образом, в рассмотренных рассказах В.М. Шукшина мифологема огня выступает в качестве полифункционального художественного элемента: как иллюстрация сложного переплетения философских категорий жизни и смерти, синоним катализатора жизни, витальности бытия, эмблема первобытного страха, который, однако, не является непобедимым, как символ очищения души, защищённости и умиротворения.

Системное исследование мифологемы в литературном произведении в ее функциональном контексте позволило обогатить представление об авторской поэтике, проникнуть в глубины художественного мира В.М. Шукшина, разомкнуть бытовое описание, раскрыв философский пласт текста.

Список литературы

1. Барт Р. Мифология / Пер. с фр. / Р. Барт – Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. – 320 с.
2. Толченова Н. П. Василий Шукшин, его земля и люди: Лит. заметки. – Барнаул: Алт. кн, 1980. – 206 с.
3. Шукшин В.М. Сельские жители: Игнаха приехал, Змеиный яд, Степка Русская проза [Электронный ресурс] . - Электрон. Текстовые, граф., зв. дан. и прикладная прогр. - М. : ГПНТБ РФ, 2000. – URL [http:// www. litmir.net](http://www.litmir.net) (дата обращения: 04.05.2018).

Информация об авторах

Бабичева Юлия Геннадьевна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия, e-mail: liraff1@yandex.ru

Information about the author

Babicheva Yulia Gennadievna–Candidate of Philology, Head of the Department of Russian Language and Literature, The Shukshin Altay State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia, e-mail: pev2@mail.ru

УДК 81(25)

Т.В. Жукова

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ

Данное исследование проводится в рамках гранта РФФИ
по проекту 18-012-00437.

В статье многозначное слово (глагольная лексема ИГРАТЬ) исследуется с точки зрения его психической представленности и выявления состава вербально выраженных ментальных понятий, находящихся в ассоциативных отношениях с данным знаком.

Ключевые слова: ассоциативная дефиниция, пропозиция, семантическая валентность, полевая организация.

T.V. Zhukova

SEMANTIC VARIATION LEXEME

Complex research of the semantics of the lexical unit reveals semantic representation of the language unit in Russian national world picture reflected in language and demonstrates its conceptual (encyclopedic) meaning.

Key words: associativnaja definicija, propozicija, semanticheskaja valentnost', polevaja organizacija.

В настоящее время при описании и прогнозировании значения той или иной лексемы используют разные лингвистические подходы: системный (лексикографический), ассоциативный, прототипический, коммуникативный с определяющими для них понятиями – ассоциация, прототип, ситуация.

В ходе данного исследования представилось целесообразным рассмотрение семантики глагольной лексемы ИГРАТЬ с использованием ассоциативного подхода. Ассоциативный эксперимент в данном случае – один из способов выявления специфики отражения ситуации игры в обыденном сознании русского человека.

Предметом обсуждения становится ассоциативное значение слова, позволяющее представить глубинную модель связей и отношений, которые складываются у человека через речь и мышление и лежат в основе «когнитивной организации» его многостороннего опыта. Ассоциации помогают понять, каким образом «мысль отражается в языке».

Исследовательским материалом послужили данные ассоциативного словаря Ю.Н. Караулова [3, с. 227]. «По утверждению Ю.Н. Караулова, ассоциативный словарь является «инструментом анализа языковой способности», отражающим проявления языкового сознания, метафорическое осмысление действительности, фреймы типовых национально-культурных ситуаций, элементы национального самосознания, национальные оценки и предпочтения и т.п. [2].

Актуальность подобного исследования определяется различными факторами, прежде всего, существующими расхождениями между лексикографическим описанием семантики многозначного слова и его психической представленностью для носителя языка. В связи с этим привлечение данных ассоциативного эксперимента позволяет уточнить семантику лексемы и вскрыть механизм семантического развития слова.

Анализ теоретической литературы о семантических свойствах предиката позволил в рамках данного исследования выдвинуть гипотезу: структура ассоциативного значения предиката – это, прежде всего, реализация его валентностного потенциала, позволяющая «глаголу сочетаться с именами в той или иной субъектно-объектной функции» [Кацнельсон 1972: с.88] (также см. работы Л. Теньера (актантный синтаксис, 1988), А.А. Холодовича (валентностный синтаксис, 1974), В.В. Богданова (структура «предикат + актанты», 2007), М.Г. Шкуропацкой (предикатно-аргументная, или реляционная структура, ядром которой служит предикат – семантема, отображающая признак, т.е. отношение или свойство, 2008)).

Как считает Е. Падучева, «семантика лексемы предопределяет свойства участников типовой ситуации, описываемой данной лексемой, отношение участников друг к другу и происходящее с ними событие. В конечном счете, эти свойства и соотношения и составляют значение лексемы» [6, с. 19].

Предикат, будучи выбран для целей номинирования ситуации, создает вокруг себя валентное поле, при этом, состав слов-реакций можно рассматривать как ассоциативное поле лексемы и вместе с тем как аналог значения. Моделирование данного поля касается трех аспектов: 1) степени информативности, определяющейся отбором элементов ситуации и включением / невключением их обозначения в словесную организацию высказывания; 2) распределения ролей между актантами; 3) конфигурации актантов, определяющейся выбором исходного элемента ситуации, в качестве которого может быть любой, насколько это позволяет лексическая система языка.

С учетом данных Словаря русского языка С.И. Ожегова [5] состав значений глагольной лексемы-стимула ИГРАТЬ отражает ситуацию игры: 1) развлечение; 2) занятие, обусловленное совокупностью определенных правил, приемов для заполнения досуга, для развлечения, для занятия спортом, 3) набор предметов, предназначенных для подобного занятия; 4) создание ситуаций для игры; 5) интриги.

Данные словарной статьи лексемы ИГРАТЬ ассоциативного словаря позволили выявить его валентностное окружение и, соответственно, семантические конфигурации (пропозиции). Прежде всего, это типовая ситуация со следующими актантами (ролями): 1) актанты субъектного типа: «агенс» (*дети, ребенок*), «коагенс» (*сестра, ребенок, собака*); 2) актанты объектного типа: «результатив» (*роль, пьеса, концерт, гаммы*), объектив (*прятки, жмурки, лото, любовь*), «функтив» (*мяч, гитара, баян, труба, игрушки*); 3) актанты инструментального типа: «инструмент» (*мяч, погремушка, чувство*); 4) актанты адресного типа «бенефициант» (*на публику*).

Следует отметить, что в семантической конфигурации ИГРЫ предикатная семантема проявляет себя как ее активный элемент, в котором уже содержится схема развертывания пропозиции, где каждому потенциальному актанту задается семантическая роль.

Анализ состава ассоциаций показал, что наибольшее количество реакций вербализуют предикатно-актантные возможности лексемы-стимула (489 единиц). Если ассоциативное значение слова представить в виде поля, то данный фрагмент (слой) ассоциативной семантики будет занимать ядерную позицию.

Факультативные роли (сирконстанты): локатив (пространственные границы ситуации – *дом, улица, стол*), темпоратив (время игры, продолжительность игры – *теперь, до утра, до упаду*) – занимают в составе поля периферийную позицию (21 единица).

Третий фрагмент поля составляют ассоциации, отражающие так называемые «характеризующие» пропозиции: 1) оценивают ситуацию игры, отличая ее от серьезной деятельности, и противопоставляют реальной обыденной жизни (*баловаться, забавляться, развлекаться, резвиться, шалить*); 2) оценивают процесс (*интересное дело, мастерство, развлечение, шутка, фантазия, глупость, детство*); 3) указывают на удовольствие от этого процесса (*весело, хорошо, здорово, красиво, с удовольствием и пр.*). Перечисленные компоненты вербализуют коннотативный (прагматический) слой семантики глагольной лексемы. В составе поля количество указанных единиц составляет 40 лексем.

Четвертый фрагмент поля составляют реакции, отражающие полипропозитивную семантику глагольной лексемы. Полипропозитивность / полиситуативность (сценарность) – соотнесенность действий друг с другом на основе причинной связи: «последующее действие предвосхищается предыдущим и представляет его логическое завершение». Полиситуативность выступает как атрибут структуры предикативного денотата. В нашем случае полипропозитивная семантика глагола ИГРАТЬ выражена реакциями (*выигрывать, проигрывать, переигрывать* – всего 3 единицы), которые отражают перспективный план ситуации игры, и реакциями, указывающими на способ игры (игру характеризует свобода, творческий характер деятельности: *бегать, прыгать, петь, плясать, танцевать и др.*) – всего 32 единицы.

Таким образом, по результатам анализа словарных данных ассоциативного словаря [Караулов 2002] структура ассоциативного значения лексемы ИГРАТЬ имеет 4 слоя: ядерный – актантная рамка глагола-предиката (489 единиц); промежуточная зона – зона коннотативной (прагматической) семантики (40 единиц); зона ближней периферии – полипропозитивная семантика (35 единиц); зона дальней периферии – сирконстанты (21 единица).

Проведенное исследование показало, что ассоциативное значение слова на уровне ядерных компонентов коррелирует с системным значением, периферийная часть значения варьируется вследствие изменения национальной картины мира данной языковой общности. Структура ассоциативного значения имеет фреймовую организацию.

Список литературы

1. Богданов В.В. Предложение и текст в содержательном аспекте. – СПб, 2007. – 287 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности. – М.: Наука, 1994. – 261 с.
3. Караулов, Ю.Н. Русский ассоциативный словарь: словарь, том 1. – М.: АСТ – Астрель, 2002. – 781 с.
4. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972.
5. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. - М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
6. Падучева Е.В. Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации // Научно-техническая информация, серия 2, 1997, №1.
7. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Под ред. В.Г. Гака. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
8. Типология пассивных конструкций / Под ред. А.А. Холодовича. – М.: Наука, 1974. – 383 с.
9. Шкуропацкая М.Г. Аспекты семантики предложения: учебное пособие для спецкурса. – Бийск, БПГУ им. В.М. Шукшина, 2008. – 188 с.

Информация об авторах

Жукова Татьяна Валериевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, г. Бийск, e-mail: zukowat@mail.ru

Information about the author

Zhukova Tatyana Valerievna – candidate of Philological sciences, assistant professor the Department of Russian Language and Literature, Shucshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, e-mail: zukowat@mail.ru

УДК 811.512.151

А.Э. Чумакаев

О РЕЗУЛЬТАТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «МОНИТОРИНГ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ»

В статье говорится о проекте «Мониторинг языковой ситуации в Республике Алтай» и о социолингвистических исследованиях в Республике Алтай в целом.

Ключевые слова: Алтайский язык, социолингвистика, языковая ситуация, языковая политика, родной язык

A.E. Chumakaev

ABOUT THE RESULTS OF THE WORK OF A PROJECT «MONITORING OF THE LANGUAGE SITUATION IN THE ALTAI REPUBLIC»

The article highlights the work of the project «Monitoring of the Language Situation in the Altai Republic» and present the results of general sociolinguistic research in the Altai Republic.

Keywords: Altaic language, sociolinguistics, language situation, language policy, native language

В соответствии с пунктом 2 «а» перечня поручений Президента Российской Федерации по итогам совместного заседания Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям и Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку 19 мая 2015 г. [1] и поручением Правительства Российской Федерации от 15 июля 2015 г. [2] проводится ежегодный мониторинг состояния и развития языков народов Российской Федерации. Мониторинг направлен на выявление состояния языков народов России и выработку комплекса мер по их поддержке и развитию, а также разработку эффективных механизмов реализации государственной языковой политики с учетом конституционного статуса языков. Указанный мониторинг осуществляется на основе *Методики сбора, обработки и анализа информации о состоянии и развитии языков народов России*, направленной Департаментом государственной политики в сфере общего образования Минобрнауки России руководителям органов государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих государственное управление в сфере образования. Мониторинг состояния и развития языков народов Российской Федерации проводится по различным направлениям и показателям.

В Научно-исследовательском институте алтаистики им. С. С. Суразакова (далее – НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова) в рамках выполнения ранее названных поручений реализуется проект «Мониторинг языковой ситуации в Республике Алтай». Так, лингвисты института с 7 по 14 ноября 2016 г. проводили социолингвистические исследования в Кош-Агачском, Улаганском, Онгудайском и Шебалинском районах республики [3].

Для проведения опроса была разработана анкета, включающая 22 вопроса. В числе прочих вопросов информантам предлагалось также выразить свое отношение по поводу обязательного изучения алтайского языка детьми-алтайцами и детьми не алтайской национальности, возможного преподавания школьных предметов на алтайском языке. Всего было опрошено 719 информантов.

По итогам социолингвистического исследования были получены следующие результаты:

1. Алтайский язык в качестве родного языка указали 605 информантов (97 %) из 623 чел. (86,6 %), идентифицирующих себя как алтайцы.

2. За обязательное изучение детьми-алтайцами алтайского языка высказались 690 информантов (96 %), 14 чел. – против (2 %), 15 – воздержались от ответа.

3. С мнением об обязательном изучении алтайского языка детьми не алтайской национальности согласились 243 чел. (34 %), не согласны – 18 чел. (2,5 %), за изучение по желанию высказались 437 чел. (61 %).

4. Родными языками (алтайским, русским) владеют свободно 655 чел. (91 %).

5. Русским языком свободно владеют 708 информантов (98 %).

6. Мнение о необходимости преподавания школьных предметов на алтайском языке поддерживают 243 чел. (38 %).

Как видим, за обязательное изучение алтайского языка детьми-алтайцами выступают 96 % респондентов. Обязательное изучение алтайского языка детьми не алтайской национальности поддерживают 34 % информантов, 61 % не поддерживают, считая, что для данной категории детей изучение алтайского языка должно быть по желанию.

Что касается мнения о необходимости преподавания школьных предметов на алтайском языке, то это мнение поддерживают 38 % респондентов, 62 % выступают против данного мнения, объясняя это тем, что преподавание школьных предметов на алтайском языке может негативно отразиться на уровне владения русским языком, а это, в свою очередь, может создать трудности при дальнейшем поступлении учащихся в вузы и прочие образовательные учреждения.

В целом, следует отметить, что в исследованных районах, несмотря на определенные сложности, связанные, например, с малым количеством часов, выделяемых для изучения алтайского языка и литературы, ограниченностью сфер использования алтайского языка, сохраняется языковая ситуация, способствующая дальнейшему функционированию алтайского языка.

На 2018 г. в НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова запланированы социолингвистические исследования в селах Улаганского, Усть-Канского и Усть-Коксинского районов Республики Алтай.

Следует отметить, что социолингвистические исследования, проводимые институтом в последние годы, являются продолжением той работы, которая осуществлялась лингвистами института ранее и которая была направлена на изучение языковой ситуации в Республике Алтай, но в настоящее время эта работа приобрела постоянный характер и выполняется наряду с основным плановым заданием.

Как известно, социолингвистические исследования по алтайскому языку и его диалектам активизировались в 2000-х гг. [4]. Сотрудники НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова также принимали и принимают участие в указанных исследованиях [5, 6]. Так, в 2008-2009 гг. научно-исследовательская группа алтайского языка работала по Ведомственной целевой программе «Языковая политика и языковая ситуация в Республике Алтай». Впервые функционирование алтайского языка было исследовано в самых разных сферах: СМИ, образовательные учреждения, семейно-бытовое общение и т.д. Результаты работы по

названной программе опубликованы в сборнике «Языковая политика и языковая ситуация в Республике Алтай» [5]. Издание данного сборника является особо ценным и важным, т.к. вопросы, представленные в нем, ранее столь широко и разносторонне не рассматривались.

Проведение регулярных мониторингов позволит отслеживать функционирование алтайского языка в различных сферах, выявлять и обозначать проблемы в этой области, намечать пути их решения.

В настоящее время есть ряд проблем, которые требуют конкретного решения. Например, отсутствие возможности для большинства детей-алтайцев в дошкольных учреждениях г. Горно-Алтайска и других населенных пунктов с преобладающим русскоязычным населением общаться на своем родном языке. По этой причине многие дети-алтайцы, посещающие детские сады, теряют владение родным языком. Данная серьезная проблема в будущем приведет к появлению поколения детей, плохо владеющих или не владеющих родным алтайским языком. Для решения этой проблемы нужно создавать отдельные группы или детские сады для детей-алтайцев, чтобы у них была возможность общаться на родном языке.

Другая проблема связана с тем, что дети дошкольного возраста большей частью смотрят мультимедийные фильмы и детские передачи на русском языке, т.е. детей алтайской национальности окружает русскоязычное информационное пространство. Это тоже не способствует сохранению родного языка.

Проблемы, возникшие в дошкольном образовании, затем переходят на школьное образование. В школу приходят дети, плохо владеющие или совсем не владеющие родным алтайским языком, пополняя контингент обучающихся по программе алтайский для начинающих, что, в конечном счете, негативно отражается на общем уровне владения алтайцами своим родным языком. В этой связи следует заметить, что молодое поколение коренных малочисленных народов – тубаларов, чалканцев, кумандинцев – практически утратили родной язык.

Вышеуказанные и прочие проблемы, связанные с языковой политикой, языковой ситуацией, характерны не только для Республики Алтай, но и для других субъектов Российской Федерации [7]. В этой связи стоит надеяться, что ежегодный мониторинг состояния и развития языков народов Российской Федерации будет содействовать реальному решению имеющихся проблем.

Список литературы

1. Перечень поручений по итогам совместного заседания Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку [Электронный ресурс] <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/49877>) (дата обращения: 09.06.2018 г.).
2. Об обеспечении выполнения поручений Президента России по итогам совместного заседания Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку [Электронный ресурс] <http://government.ru/orders/selection/404/18910/> (дата обращения: 09.06.2018 г.).
3. Чумакаев А. Э. О результатах реализации проекта «Мониторинг языковой ситуации в Республике Алтай» в 2016 г. // Актуальные вопросы алтайского языкознания: проблемы развития литературного языка, совершенствование современной орфографии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 115-летию Т. М. Тощаковой. Редакционная коллегия: М. С. Дедина, А. Н. Майзина, А. Э. Чумакаев (отв. ред.). – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2017. – С. 152–158.
4. Сарбашева С. Б. Современная языковая ситуация у тубинцев // Социальные процессы в современной Западной Сибири: философские, политологические, культурологические аспекты. – Горно-Алтайск, 2000. – С. 166–173; Озонова А. А., Николина Е. В., Кокошников О. Ю., Тазранова А. Р. Социолингвистическая ситуация у тубаларов и чалканцев // Языки коренных народов Сибири. Вып. 7. Часть 1. Экспедиционные материалы. – Новосибирск: изд-во НГУ, 2003. – С. 3–9; Уртегешев Н. С. Социолого-лингвистическая

ситуация у кумандинцев // Вестник Казахского национального университета им. аль-Фараби. – 2005. – N 5 (87). – С. 105–107; и др.

5. Языковая ситуация и языковая политика в Республике Алтай: сборник научных статей/ Отв. ред. Н. Н. Тыдыкова. – Горно-Алтайск: ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова»; Горно-Алтайская республиканская типография, 2010. – 228 с.
6. Чумакаев А. Э. Языковая ситуация в Кош-Агачском и Улаганском районах Республики Алтай (по данным социолингвистической экспедиции) // Сибирь в исторической перспективе и проблемы сохранения народов и культур: тезисы докладов Всероссийской конференции, приуроченной к Году истории России. – Новосибирск, 2012. – С. 100.
7. Алпатов В. Языковая ситуация в регионах современной России [Электронный ресурс] <http://www.strana-oz.ru/2005/2/yazykovaya-situaciya-v-regionah-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 09.06.2017 г.); Гарипова Ф. Х. Опыт языкового строительства в Республике Башкортостан: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2005. – 20 с.; Гусейнова А. В. Динамика языковой ситуации в Республике Хакасия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2014. – 21 с.; и др.

Информация об авторах

Чумакаев Алексей Эдуардович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск, Россия, e-mail: newchae@mail.ru

Information about the author

Chumakaev Alexey Eduardovich – candidate of philological sciences, senior research associate, the Altaic Scientific Research Institute named after S. S. Surazakov, Gorno-Altaysk, Russia, e-mail: newchae@mail.ru

КУЛЬТУРА И ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ

УДК14+304

И.В. Никитина

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА

Рассматривается эволюция философско-методологических подходов к повседневности как социокультурному феномену (от феноменологии до марксизма и современной науки). Показано, что повседневность, являясь основанием системы, через человека находится во взаимодействии с технологией, обществом и культурой.

Ключевые слова: повседневность, феноменология, марксизм, современная наука

I.V. Nikitina

PHILOSOPHICAL-METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE RESEARCH OF DAILY AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

The evolution of philosophical and methodological approaches to everyday life as a sociocultural phenomenon (from phenomenology to Marxism and modern science) is considered. It is

shown that the everyday life, being the basis of the system, through the person is in interaction with technology, society and culture.

Key words: everyday life, phenomenology, Marxism, modern science

Хотя интерес к повседневности в науке появляется в XIX веке как исследование быта, обычаев, обыденного художественного сознания (фольклора), повседневность как таковая, в качестве самостоятельного объекта не осознавалась. В словаре Даля слово «повседневно» понимается как нечто ежедневное, каждодневное, повторяемое изо дня в день и в силу этого не нуждающееся в особом изучении и истолковании. Только в XX веке, начиная с работ феноменологов (Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Ж.П. Сартра, А. Шюца и других) повседневность («жизненный мир» и его феномены) становится предметом философского исследования. Это, конечно, не означает, что до этого философы не замечали существования обыденного сознания и отражаемого им потока каждодневных, рутинных действий и событий, включенных в ткань их собственного бытия. За обыденным сознанием признавался даже известный статус («здоровый смысл»), однако в целом знание этого типа оценивалось негативно, как низшее по сравнению с философско-теоретическим мышлением и служащее помехой для постижения высших истин. Судя по сюжету пьесы Аристофана «Облака» и той роли, которую эта пьеса сыграла в приговоре, вынесенном Сократу, это неприятие было взаимным.

Хотя в феноменологии Э. Гуссерля «жизненный мир» также представляет среду, которую следует элиминировать при помощи метода «феноменологической редукции», но сам «жизненный мир» - это поверхность, за которой скрывается сущность, мир феноменов «чистого мышления», а не нечто однозначно отрицательное. Дальнейшее развитие исследования феноменологами повседневного мышления, его феноменов и структур идет разными путями.

Если Э. Гуссерль исходил из понимания «жизненного мира» как нечто изначально данного, самоочевидного, с целью разграничения его и научного мышления как теоретического, то А. Шюц рассматривает повседневное мышление как систему конструируемых типов. Опираясь на идеи «понимающей психологии» в обосновании интерсубъективности познания, А. Шюц высказывает идею, а затем разрабатывает методологию моделирования структур повседневного мышления и «жизненного мира» как такового, переходя от анализа непосредственного «мы-отношения» «лицом – к – лицу» к опосредованному, в котором мир социальной действительности (и современников, и предшественников) предстает как структура типизации [10; 11, с.132-161]. Этим он бросает вызов уже ставшему общепринятым противопоставлению естественных наук как обобщающих социально-гуманитарным как описательным, «идеографическим».

С другой стороны экзистенциалисты-феноменологи (М. Хайдеггер и Ж.-П. Сартр) в поисках выхода за границы «неподлинного бытия» к «экзистенции» как существованию глубоко личностного характера, противоположному обезличенности “das Man”, обращаются к проблемам жизни и смерти, ибо только перед лицом осознания смерти как своей собственной возможности (по М. Хайдеггеру) и в «пограничной ситуации» (по Ж.-П. Сартру) человек встречается с самим собой подлинным. При этом предшествующая философская традиция рационализма рассматривается как нечто, чему надо искать альтернативу. Человек осознается как феномен, который есть то, что он не есть, и не есть то, что он есть, во всей его глубинной субъективности. Однако, неосознаваемая, скрытая от своего носителя и тем паче от других людей, бесконечно изменчивая, экзистенция – принадлежность «человека вообще», то есть она присуща (в качестве потенциала личностного самосознания) каждому в той же мере, что и неподлинное, повседневное мышление и бытие индивида (“das Man”).

Принципиально иной подход к повседневности изначально был заложен в марксизме. В качестве предпосылки материалистического понимания истории К. Маркс вводит понятия непосредственной деятельности, воспроизводящей жизнь общества как особого организма, и

сознания, непосредственно включенного в эту повседневную практику. [5, с.18, 26, 36]. К. Маркс полагал, что наступит время, когда вся наука станет наукой о человеке, и не только повседневная деятельность (праксис), но и промышленность будет переосмыслена наукой как реализация сущностных сил человека, и поэтому в основание материалистического понимания истории он положил соединение диалектики и антропологии с практикой. И, хотя марксизм эпохи К. Маркса, в отличие от феноменологии, относится к классическому периоду в развитии науки, в некоторых отношениях Маркс ближе к современному этапу постнеклассической науки, чем его советские последователи.

К сожалению, собственно тема повседневности как единства бытия и мышления им дана эскизно, обрисовывается как предпосылка существования общества и человека как общественного существа и как условие воспроизведения их жизнедеятельности и образа жизни. Маркс заложил парадигму, которая имела несколько форм реализации. В советской науке проблематика повседневности исследовалась главным образом под углом соотношения в общественном сознании двух уровней отражения: обыденного и теоретического, а также в плане социологического анализа динамики системы ценностей в обыденном сознании социальных групп и классов. [9]

«Новые левые», в частности, Г. Маркузе, опираясь на идею праксиса, перешли к анализу повседневного бытия «одномерного человека» как бытия неподлинного не в силу его повседневности, а вследствие отчужденного характера современного капиталистического общества и системы манипуляции сознания, им созданной. [6] Выход из гипнотической массовидности сознания они искали в уходе от понимания классической модели науки и парадигмы Просвещения как культурного образца.

Еще дальше в этом направлении идет философия постмодернизма. Она не просто бросает вызов классике, но вырабатывает систему категорий «нонклассики», созданной на основе «деконструкции» логически упорядоченной системы классической науки («ризом», «лабиринт» и т.д.) В какой-то мере они оказались правы. Интернет с его сетевым принципом организации информации напоминает, с одной стороны, лабиринт, который оформляет современное обыденное сознание. С другой стороны, уже культура XX века приобретает мозаичную форму и структуру войлока, аналогичную обыденному сознанию, уходя всё дальше от рациональности культуры Просвещения. Понятие «деконструкция», ключевое у Дерриды, для него самого знаменует возвращение к истокам через отказ от крайностей «логицизма» и деструктивности критицизма. [8; 1, с.60, 146]

«Постнеклассическая» наука рубежа XX и XXI показала, что «деконструкция» креативна, как и «принцип сомнения» Декарта: она обновляет восприятие, избавляя от стереотипов, и в то же время выступает в качестве зародыша новой картины мира «пост-постмодерна». [7]

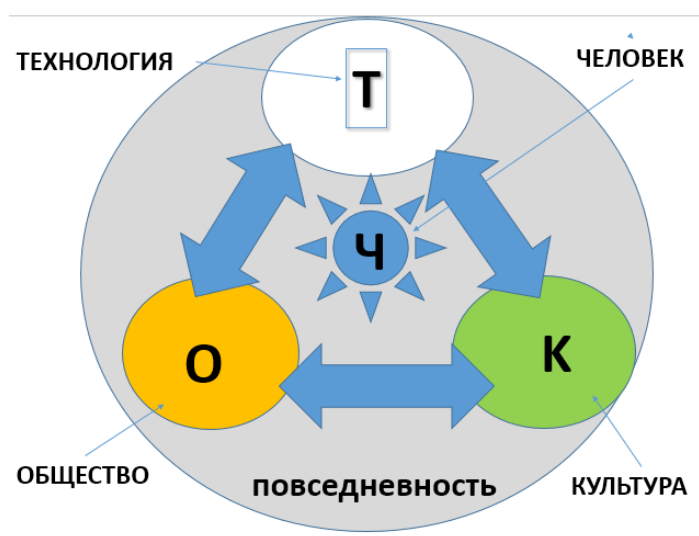
Структура, методы, стиль мышления ее еще не сложились. Но зародыши новой научной картины мира уже вырисовываются как в области эстетики, так и в философии науки. «Смена знаков» в отношении повседневности с минуса на плюс и актуальность этой проблематики в философии, культурологии, антропологии, истории и других науках – один из симптомов этого перехода («возвращения к истокам»), ибо повседневность – исток любого мышления и любого человеческого бытия. «К истокам» возвращаются и современные теоретики марксизма, заново перечитывая К. Маркса. [3; 4]

Другой причиной выхода проблематики повседневности на авансцену является комплексный, междисциплинарный характер современной науки. Применительно к проблеме повседневности это выражается в многообразии определений повседневности, которые почти у каждого автора свои, а также методов исследования, философских, и частнонаучных, используемых одновременно, комбинации макро- и микро- уровней исследования в таких науках, как история и социология. Всё это указывает на междисциплинарный и полипарадигмальный характер проблемы повседневности как социокультурного феномена.

Социокультурная реальность представляет собой систему с двойной детерминацией: материальной (потребности) и идеальной (идеи и интересы). Она имеет три основных

измерения: технология, общество и культура, что нашло отражение в наличии трех подходов (формационного, технологического детерминизма и цивилизационного). Каждое из измерений, в свою очередь, имеет свои измерения, ритмику и динамику, но вступает во взаимодействие с другими социокультурными феноменами, представляющими основные (первичные) и производные (вторичные, третичные и т.д.) измерения, отражаясь в них. Социальная, культурная и т.д. теории представляют модель этого целого под определенным ракурсом. Разные парадигмы не конкурируют, а дополняют друг друга. Так в науке о повседневности утверждается логика диалога. Мир повседневности – человеческий мир, а человек – центр социокультурной системы и поле пересечения смысловых и силовых линий взаимодействий в ней.

Схема социокультурной системы (технология, общество, культура, человек)

Вместе с тем, повседневность представляет предпосылку, основание системы, условие её воспроизведения и результат ее развития. В самой повседневности эти три измерения существуют нераздельно, как и в начале человеческой истории. Но эволюция каждого из этих меняет повседневность, как и накапливающиеся мелкие изменения в повседневной деятельности могут подготавливать революции в них.

Список литературы

1. Деррида Ж. Позиции / пер. с фр. В.В. Биbihина. – М.: Академический Проект, 2007. – 160 с.
2. Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность: философские загадки: Учебник. - М.: 2005. - 289 с.
3. Кондрашов П.Н. Исторические структуры повседневности (Попытка марксистского анализа). – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. – 385 с.
4. Кондрашов П.Н., Любутин К.Н. Диалектика повседневности: Попытка марксистского анализа. - Изд. 2, испр. и доп. - М.: Ленанд, 2015. - 183 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. - Соч. – Изд. 2-е. – Т. 3. - М.: Госполитиздат, 1955. – 629 с. – С. 7-544.
6. Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: “REFL-book”, 1994. – 368 с.
7. Можейко М.А. От постмодерна к пост-постмодерну: современные социо-культурные трансформации и новейшие тенденции философии языка // İDİL, 2012, Cilt 1, Sayı 1 / Volume 1, Number 1. – С. 71-86. //Электронный ресурс www.idildergisi.com / Дата обращения 27.03.2014
8. Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. - 406 с.

9. Насонова Л.И. Обыденное сознание как социокультурный феномен. / Рос. филос. общество. – М.: ЗНАК, 1997 – 311 с.
10. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М., РОССПЭН, 2004. - 1056 с.
11. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов. - М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. - 336 с.

Информация об авторах

Никитина Ирина Владимировна - доктор философских наук, профессор, кафедра историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия, e-mail: nikit2209@rambler.ru

Information about the author

Nikitina Irina Vladimirovna – doctor philosophical sciences, professor, Department of historical, legal and social-humanitarian disciplines, The Shukshin Altay State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia, e-mail: nikit2209@rambler.ru

УДК 130.2

Ю.В. Хвастунова

САКРАЛЬНОЕ И ПРОФАНОЕ В КУЛЬТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНЧЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ)

В статье, на примере культуры студенчества, рассматриваются категории «сакральное» и «профанное» в повседневном опыте общения и обучения в университете Республики Алтай.

Ключевые слова: Сакральное, профанное, студенты, повседневная культура.

Y.V. Hvastunova

SACRED AND PROFANE IN THE CULTURE OF EVERYDAY LIFE (FOR EXAMPLE, THE CULTURE OF THE STUDENTS IN THE ALTAI REPUBLIC)

In the article, on the example of students ' culture, the categories of "sacred" and "profane" in everyday experience of communication and training at the University of the Republic of Altai are considered.

Keywords: The sacred, the profane, the students, everyday culture.

Говоря о таких категориях как «сакральное» и «профанное» часто предполагают исключительно религиозный контекст культуры в традиции теорий таких ученых как Э. Дюркгейм, Б. Малиновский, М. Элиаде [1; 2; 3]. Тем не менее, в современной жизни и конкретнее в повседневной бытовой культуре сакральные и профанные уровни постоянно проявляют себя, высвечивают любопытные аспекты мышления, восприятия доминирующей культуры и региональной компоненты культурного бытия. В данной статье рассмотрены некоторые аспекты проявления «сакрального» в культуре повседневности на примере культуры студенчества в Республике Алтай. В силу ежедневного общения со студентами

разных направлений в университете, улавливая их манеру поведения, сленга и высказываний по самому разному кругу вопросов и в том числе рутинную студенческую жизнь нельзя не заметить как элементы религиозной жизни, сакральные категории встраиваются (встроены) в студенческую повседневность. Так, с одной стороны, студенты учатся научному мышлению и организации своей жизни, они необычайно практичны (дети 90-х годов), они в каком-то смысле лишены романтики, но вместе с тем обнаруживаются и такие аспекты как отсутствие глубокого базисного рефлексивного отношения к явлениям и процессам, что также четко отражается на восприятии религиозных вопросов и замене их клишированными суевериями, числовой символикой, привнесенной потребительской массовой культурой и молодежными субкультурами. Российские студенты с удовольствием отмечают западный праздник «Хэллоуин» англ. «Halloween», улыбаются и показывают боязливое выражение лица при упоминании пятницы 13-го, не хотят (суеверно бояться) выбрать 13-й билет на экзамене, играют в магические обряды (в Республике Алтай есть также практика обращения к шаманам, знахаркам, известным своей многопрофильной специализацией). Студенты с удовольствием смотрят сериалы типа «Зачарованные», «Сверхъестественное» – готовы всю пару рассказывать очередную историю (последний сериал настолько популярен, что насчитывает 13-ть сезонов) и теперь конкурирует разве что только с сериалом «Черное зеркало» и «Игра престолов». Во всех перечисленных фильмах есть обязательный компонент магической реальности, который встраивается в повседневность и в том числе через высокие технологии, посредством вхождения человека в виртуальную реальность. И здесь следует упомянуть о том, что новейшие течения, например трансгуманизм, имеют одной из своих целей – превращение профанного в сакральное или сокращение дистанции между ними до полного смешения/ неразличения одной реальности от другой. Тема эта интересная, но выходит за рамки нашей статьи. Часть студентов охотно называют себя «буддистами» не имея о буддизме никакого понятия в классическом смысле, а подразумевая под этим пропагандируемые поп-культурой клише об экзотической процедуре медитации (здесь и сейчас) как «релакс», реинкарнации и абстрактном божестве (удобном и ненавязчивым). При беседах опять же выясняется, что интерес и представления об «экзотической и демократической» религии были почерпнуты из фильмов, социальных сетей и тренингов, по-крайней мере первичные впечатления. Приведем небольшой пример. Студентка первого курса «N» пришла обсудить возможную тему курсовой работы по буддизму, поскольку услышала, что есть преподаватель, занимающийся вопросами религиоведения и в частности темами восточных религий. При более серьезном зондировании ее познаний о буддизме, выяснилось поверхностное европеизированное «романтически – удобное» представление о буддийском учении как некоей абсолютно пластичной, предельно широкой и «легкой» философии. Девушка считала себя буддисткой или сочувствующей буддизму и в своей повседневной жизни, полагаясь на буддийские правила и систему ценностей. Ей было удобно и приятно думать о себе как переродившейся личности с широкими взглядами и открытой космосу. Когда она увидела «приоткрыла» реальную картину ее интерес начал заметно снижаться. Молодым людям хочется простоты, но не гениальной простоты, а упрощенности, жизни в манере слоганов и клиповой культуры, где сакральное как некие шарики для жонглера может авторски интерпретироваться и использоваться в манере постмодернизма.

Современные студенты легко включаются в конфликты (с преподавателями, со сверстниками, между полами), они зачастую критично воспринимают традиционные институты, традиционные религии и любые попытки критичного воспитания или критичной оценки со стороны кого-либо, включая друзей-сверстников, дисциплины, долга, немотивированного конкретной выгодой.

Десакрализация традиционных ценностей, например ценности чистоты, девственности, материнства, детства (девушки студентки с каждым годом все больше выбирают ценности карьеры взамен семьи и детей даже при условии хорошего обеспечения со стороны супруга). Парадокс в том, что с одной стороны девушки смотрят на себя как на самостоя-

тельного, самодостаточного интеллектуального человека, но в тоже время готовы «тратить» себя на случайные связи, отдавать лучшие годы другу–временщику, или охотно связывать свою судьбу с партнером в два раза старшим и быть женщиной номер 2 или 3. Самообман современной массовой культуры и ее стереотипов играют злую шутку с современными женщинами. Женщина – босс остается часто одна с детьми, в сложной ситуации, и то, как она сама сначала ценила себя – красота и молодость (причем оба понятия в формате животной сексуальности), и ничего более, и так же ее оценивают и другие, то есть стоит ей потерять эти два критерия и она оказывается за бортом. Она становится невостребованной с «законченным сроком действия», отсюда стремление «продать» себя как можно выгоднее, но опять же в понимании сиюминутного вещного рыночного спроса.

Еще один аспект – это процесс десакрализации, который также просматривается у студентов, в их взглядах на Трансцендентное, представления об Абсолюте как Личности, качества сакрального профанируются до уровня магического «голливудского» пантеизма или буддизма и «удобной религиозности» в которой собственное бытие предстает как комфортное, правильное и неконфликтное, но все это лишь на поверхностном уровне. Отсюда порой такое относительно легкое перешагивание через сакральное и священное современным студенчеством.

Литература

1. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / пер. с франц. А. Б. Гофмана // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения: антология / под общ. ред. А. Н. Красникова. Москва : Канон+, 1998.
2. Малиновский, Бронислав. Магия. Наука. Религия: Пер.с англ. Magic, Science, and Religion / Вступ. статьи Р. Редфилда и др. – М.: Рефл-бук, 1998. – 288 с.
3. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

Информация об авторах

Хвастунова Юлия Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры Права, философии и социологии Горно–Алтайского государственного университета, г. Горно–Алтайск, Россия, e-mail: hvastunovoy@ mail.ru

Information about the author

khvastunova Julia V. – Candidate of philosophy, associate Professor, Department of Law, philosophy and sociology, Gorno-Altaisk state University, Gorno-Altaisk, Russia, e-mail: hvastunovoy@ mail.ru

Е.В. Литягин

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается проблема идеологической консолидации современного российского общества. Представлено авторское определение идеологии, рассмотрена ее структура и содержание, а также значение идеологии для современной России.

Ключевые слова: идеология, самоидентификация, общественное сознание, ценность, патриотизм.

E. V. Lityagin

IDEOLOGICAL ISSUES OF IDENTITY OF CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

The article considers the problem of ideological the consolidation of modern Russian society. Presents the author's definition of ideology, reviewed its structure and content, and the significance of ideology for modern Russia.

Keywords: ideology, identity, social awareness, value, patriotism.

В современном мире происходят сложные и зачастую противоречивые экономические, политические, культурные и социальные трансформации. В целом ряде регионов и государств наблюдается инфляция традиционной системы организации жизнедеятельности общества. Изменения в данной системе приводят к необходимости формирования идеологической основы новой организации, ее регулирования и обеспечения стабильности.

Уже для всех становится очевидным, что пресловутая идея «конца истории» выступала не чем иным, как военным камуфляжем идеологической экспансии вульгарного неолиберализма, ставшего духовной основой процесса глобализации. Такие известные ученые, как: Д.Белл, Ф.Фукуяма, Э.Хантингтон, У.Липман, Ф.Хайек, К.Поппер и другие, стали рассматривать идеологию, как атрибут тоталитаризма. Сторонники данного подхода связывают оформление, так называемого, «открытого» общества с концом всяческих идеологий. Именно западная демократия, по их мнению, берет на себя миссию «могильщика» любой национально-государственной идеологии. На этом основании распространяется призыв к деидеологизации и плюрализму.

Тезис о безальтернативности либеральному развитию стал аксиомой и для существенной части российской элиты. Так, в работе «Механизм управления обществом» утверждается, что поскольку Россия строит капитализм, значит, наше будущее – это настоящее развитых капиталистических стран, таких как США, Великобритания или Швеция [3; с. 11].

Однако, вобрав в себя позитивный опыт демократического общественного устройства, опираясь на высокий уровень технического развития и широкое использование технологий манипуляции массовым сознанием, данная идеология превращается в своеобразную мировую религию, ведущую человечество к техногенной катастрофе. Положение осложняется тем, что рассматриваемая система ценностей и идеалов закрепляет за собой роль единственно верного магистрального пути человеческого развития и, на этом основании, упраздняет любые альтернативные идеологии, а вместе с ними и духовно-культурное разнообразие цивилизационных типов. Западный либерально-техногенный, потребительский тип цивилизации, демонстрирующий довольно продолжительное время успешную модель

развития, вступил в состояние глубокого кризиса: хищническое разрушение окружающей среды; моральная деградация общества; разрушение социального института семьи (легализация однополых браков); военная, экономическая, политическая, информационно-культурная агрессия в отношении стран «второго» и «третьего» мира и т.д.

Кроме этого, данная система ценностей уже привела некоторые страны Западной Европы к таким серьезным проблемам в отношении их политики мультикультурализма, как: потеря культурной идентичности; активная исламизация; национально-этнические изменения в демографической структуре общества; экономический раскол общества и экстремистские выступления молодежи, что напрямую связано с миграционной ситуацией.

Стоит отметить, что в России опыт мультикультурализма достаточно богат и, в отличие от современной Западной Европы, в целом успешен. Жизнеспособность российской системы обеспечивалась благодаря определенному балансу между общим — центростремительным (государственная идеология) и частным — центробежным (национально-этнические субкультуры).

Тем не менее, современная Россия, к сожалению, продолжает идти в неолиберальном идеологическом направлении, в результате чего, в обществе распространяются такие ценности, как: гедонизм, потребительство, эгоизм и т.п., что способствует социальной атомизации и аномии. Данная система ценностей не выступает в качестве референтного, консолидирующего в масштабах всего государства, идеологического ядра.

Это обстоятельство усугубляется тем, что геометрический профиль вертикальной социальной стратификации в России носит ярко выраженный вид пирамиды, основанием которой выступает низший класс — малообеспеченные. Подобная диспропорция усиливается при горизонтальном рассмотрении социума по демографическим, религиозно-конфессиональным, политическим, национально-этническим и другим критериям. Именно поэтому граждане вынуждены выбирать узкогрупповую самоидентификацию (религиозную, политическую, национально-этническую, экономическую, статусно-ролевую и т.п.). Как показывают социологические опросы в Республике Алтай, почти треть респондентов негативно относятся к своей национально-гражданской принадлежности (россияне) [2;77].

Данный показатель является одним из индикаторов того, что население современной России все в большей степени теряет концептуальную основу общей идентификации в масштабе единого государства [4; с. 5]. Кроме того, в последние годы против нашей страны развязана информационная война, целью которой, в том числе, является раскол общества. Любые различия: религиозные, национальные, политические, экономические, региональные и т.п. являются потенциальными очагами социальной напряженности. Девиз «разделяй и властвуй» нашел свое применение в технологиях, так называемых, цветных революций в восточной Европе, на Ближнем Востоке, Северной Африке.

В настоящее время, рассматриваемая проблема является предметом горячих дискуссий среди представителей как научной и творческой интеллигенции, так и политической элиты. Обсуждаемые вопросы о стратегии развития России, понимании ее роли и места в мире, оценка исторического и культурного наследия, морально-нравственных смысложизненных ориентиров и т.п. сводятся к пониманию необходимости идеологического самоопределения российского общества. Однако попытки представить некую ценностную основу для национально-государственной консолидации общества пока не увенчались успехом. Так провозглашенная в качестве национальной идеи ценность патриотизма не способна решить проблему отсутствия идеологии.

Для понимания этого необходимо знать, что идеология - это совокупность идей, формирующих определенный тип мировоззрения, систему иерархии ценностей, идеалов, норм поведения, распространяемых в обществе, посредством различного рода социальных институтов и организующая всю общественную жизнедеятельность [1; с.34].

Правомерность данного определения идеологии обусловлена, как внутренней структурой и содержанием этого феномена, так и его функциональной составляющей. Независимо от теоретико-концептуального наполнения, идеология направлена на осуществление таких

объективных функций, как ориентационная, задающая систему смыслов и ориентаций человеческой деятельности и определяющая вектор общественного развития; мобилизационная, - вырабатывающая идеалы более совершенного общества и мобилизующая общество на их достижение; интегративно-консолидирующая, направленная на сплочение всего общества вокруг определенных ценностей в противоположность частным интересам, а так же: регулятивная, амортизационная, воспитательная, и др. В схематическом виде, идеология представляет систему, включающую в себя концептуальный, доктринальный (программно-нормативный и институциональный) и поведенческий уровни, на которых располагаются все идеологические элементы.

Таким образом, «патриотизм» выступает лишь одной из ценностей какой-либо идеологической системы и возлагать надежды на то, что при отсутствии государственной идеологии, пропаганда патриотизма решит проблему самоидентификации современного российского общества не стоит.

Тем не менее, спрос на ценностные ориентиры и групповую принадлежность породил многочисленные «предложения» со стороны «ловцов душ», начиная от откровенных шарлатанов-экстрасенсов, прорицателей-учителей из разнообразных сект, представителей религиозных доктрин, лидеров молодежных субкультур и заканчивая экстремистскими националистическими и террористическими движениями.

Важно отметить, что действенность той или иной идеологии напрямую зависит от ее способности овладевать массовым сознанием, посредством, так называемой, массовой или доминирующей культуры, где в настоящее время, посредством масс-медиа, используются разнообразные манипулятивные приемы программирующего воздействия. В данной ситуации необходимо обратить серьезное внимание на изучение общественного сознания российского общества для оценки текущего его состояния и выявления концептуальной основы его интеграции.

В самом общем виде общественное сознание выступает как совокупность уровней и форм, взаимно проникающих и обеспечивающих существование и функционирование друг друга. В данной совокупности условно можно выделить два основных: общественно-психологический и идеологический. Оба уровня с различной степенью интенсивности пронизывают формы общественного сознания: нравственное, эстетическое, религиозное, политическое и др.

Общественно-психологический уровень иногда еще обозначают как быденное сознание, а иногда и как образное: идеологический – как теоретическое мышление. Быденное сознание формируется как система ценностных ориентаций человека в результате воздействия на личность традиций, обрядов, норм, правил поведения, вкусов, стереотипов, характера труда, непрерывно функционирующих в социуме. Данный уровень формируется в рамках значительных эмоциональных переживаний и потому духовные ценности, сформированные у людей на этом уровне, являются наиболее прочными, мало поддающимися изменениям в процессе воздействия. Эти духовные ценности воспринимаются человеком как глубоко личностные, не подвергающиеся сомнению.

Чтобы идеологические постулаты стали ценностными ориентирами всего российского общества, они должны приобрести образно-эмоциональный облик, приобрести форму традиции, обычая, героики, образ кумира и т.п.

Если политическую основу той или иной идеологической системы ценностей формулируют философы, экономисты, политические деятели и т.п., то художественное выражение обеспечивается в первую очередь представителями эпистолярного жанра. В связи с этим творческая интеллигенция способна оказывать решающее воздействие на массы: формировать культурное ядро консолидации общества или, напротив, раскалывать его и противопоставлять друг другу различные социальные группы.

Процесс манипулятивного воздействия на сферу массового сознания, предполагает, наряду с другими методами, использование стереотипов, символов, образов, мифов и т.п. В настоящее время все чаще предпринимаются попытки очередной «переоценки ценностей», «переписывания» истории нашей страны, дискредитации национальной культуры и т.п. Используя различные приемы

воздействия на общественное сознание некоторые представители творческой интеллигенции снова заговорили о родовых корнях раболепства российского народа, о «душе тысячелетнего раба», о неискоренимых экономических проблемах, о не цивилизованности и т.п. Навязывая вновь комплекс исторической неполноценности гражданам России.

Все это конечно нельзя объединять под ярлыком недоброжелательства, происками «пятой колонны» и результатами информационной войны. Возможно ряд современных писателей, поэтов, общественных деятелей искренне стремятся изобличать пороки общества для их последующего искоренения. Однако конструктивная критика порой превращается в огульное, разрушительное критиканство, принимающее формы деструкции по известному выражению «...целились в коммунизм, а попали в Россию».

Подобная агрессия на культурное ядро - своего рода эмоциональное поле общности стремится дискредитировать национальные образы-символы. Именно символы формируют в массовом сознании определенную культуру, включающую морально-нравственные, этические и эстетические, патриотические и другие нормы. Под их влиянием строится вся организация общественной жизни. Историческое наследие каждого народа, это не только, и не столько, хронологическое чередование событий, констатация исторических фактов, описание предметов и условий быта, прежде всего, это определенная система ценностей, наполняющая смыслом события прошлого и служащая своеобразной системой координат для настоящего. Существует незримая взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего. Изменение данной системы ведет и к трансформации общественной жизни.

Таким образом, необходимость в выработке и реализации идеологии, опирающейся на культурное наследие и способной формировать в общественном сознании современного российского общества образ национально-государственной идентичности, очевидна.

Список литературы

1. Идеология в современном обществе: монография / Е.В. Литягин – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – 149 с.
2. Комплексный мониторинг латентных конфликтов и рисков в полиэтнической среде Республики Алтай: монография / Е.В. Литягин, Ю.В. Табакаев, С.Г. Дудик, Ю.В. Хвастунова, Л.В. Кыпчакова, И.С. Буханько. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2015. – 108 с.
3. Механизм управления обществом (Как преодолеть догматизм современной философии): монография / Царегородцев С. – Москва: «Print Up», 2014. – 124 с.
4. Современное состояние национально-этнического самосознания социальных групп (на примере Республики Алтай): монография / Е.В. Литягин, Ю.В. Табакаев, С.Г. Дудик, Ю.В. Хвастунова, Л.В. Кыпчакова, И.С. Буханько. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2013. – 117 с.

Информация об авторах

Литягин Евгений Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры Права, философии и социологии Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, Россия, e-mail: elityagin@mail.ru

Information about the author

Lityagin Evgeny Vladimirovich – Candidate of philosophy, associate Professor, Department of Law, philosophy and sociology, Gorno-Altai state University, Gorno-Altai, Russia, e-mail: elityagin@mail.ru

Н.В. Виницкая

ПРАКТИКА ОТРАЖЕНИЯ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ АЛТАЯ XX В.

В статье проанализированы особенности религиозных верований Алтая, их влияние на формирование мифологических образов, а также роль этих образов в художественной культуре региона.

Ключевые слова: мифологических образ, культура, изобразительное искусство.

N. V. Vinitskaya

The PRACTICE of REFLECTION MYTHOLOGICAL IMAGES IN the FINE ARTS OF THE ALTAI IN THE XX CENTURY.

The article analyzes the features of the religious beliefs of Altai, their influence on the formation of mythological images, and the role of these images in the artistic culture of the region.

Key words: mythological image, culture, fine arts.

В современных условиях развития жизни процесс взаимодействия культур проявляется и между государственными структурами, и между отдельными индивидами. Все чаще осознается необходимость ведения диалога (полилога) с представителями иных культурных традиций, осуществления адаптации человека к чужой культуре без отказа от своей собственной. В связи с этим особый интерес вызывает у психологов, культурологов и историков опыт совместного проживания представителей различных этносов, опыт их культурного взаимообмена. Одной из таких территорий может быть названа Сибирь в целом и Алтай в том числе.

В исторической и этнографической науке алтайцев обычно делят на 6 племен, а эти племена на две группы: южные алтайцы (Алтай-кижи, теленгиты, телеуты) и северные (кумандинцы, тубалары – туба-кижи и чалканцы). По сведениям В.А. Дьяконовой в 20-е годы XX века алтайцы не имели общего самоназвания и относили себя по этнической принадлежности к той или иной группе [1, 5]. В целом численность алтайцев сегодня составляет около 70 тысяч человек.

В начале XVII в. начинается процесс присоединения сибирских земель к Русскому государству. Приобщение сибирских народов к российской (а в широком смысле к евразийской культуре) было исторически назревшей необходимостью. В культурном плане произошел конструктивный синтез. Особенно интересные примеры этого синтеза могут быть обнаружены в религиозных верованиях, которые на Алтае влияют как на повседневную жизнь, так и на художественное творчество.

Обогащаясь новыми образами и символами, связанными с принятием православия, сохранялись ценности и смыслы традиционной культуры, передаваемые в мифах и легендах, героических сказаниях и нашедшие вторую жизнь в опус-произведениях, появившихся в результате постепенного перехода от устной традиции к письменной (авторской).

Духовная культура Алтая неоднородна, для нее характерен дуализм. О нем писали Л.П. Потапов, А.М. Сагалаев, В.А. Муйтуева. Н.А Шодоев в системе традиционных верований отмечает «причудливое сочетание» единобожия, язычества, пантеизма, магии, шаманизма и тотемизма. В качестве наиболее значимых составляющих духовной культуры этого народа можно отметить:

- 1.тенгрианство – культ Неба
- 2.поклонение духам Природы
- 3.родовые культы
- 4.поклонение Белому Буркану.

Представление о Вечном Небе как едином Боге возникло у тюрков и монголов Евразии еще в древние времена. По мнению Л.Н. Гумилева объект поклонения тенгрианства – солнечный свет. Большое число обнаруживаемых древних росписей связано с изображением солярных знаков. На протяжении 1,5-2 тысячелетий (примерно до XIV века) тенгрианство было духовной основой тюркской культуры, а затем и государственности.

Одновременно с тенгрианством существовал и шаманизм, возникший (по мнению Л.Н. Гумилева) между VII и XII веками. Он был тесно связан с поклонением духам Природы. Как характерная черта отмечалась в ряде исследований почитание природы в целом, а также поклонение отдельным горам, деревьям, источникам. Генетически связан с культом природы и культ посвященных животных.

На рубеже XIX-XX вв. зародилась альтернативная православию идеология – бурханизм. В годы возрождения интереса к бурханизму он получил несколько интерпретаций. Большинство исследователей рассматривает его как алтайскую традиционную политеистическую религию. В нем соединились элементы шаманизма, ламаизма и идеи национальной консолидации. Пантеон бурханизма стал возглавлять Уч-Курбустан. Второстепенному ранее божеству стали приписываться созидательные функции. Он стал противопоставляться прежним демиургам – Ульгеню и Эрлику – и воспринимался как создатель неба, суши и воды..

Все эти верования были тесно связаны, сохранялись в рамках обрядов и бытовой культуры, определяя круг бытования мифологических образов. На волне возрождения национальных культур в конце XX века интерес к ним вернулся. Одним из наиболее значимых можно считать образ мирового дерева. Он играл особую в системе мифологических образов, определяя их внутреннюю структуру. В качестве такого дерева может выступать тополь (Бай Терек – родовое дерево), кедр или береза. Мотив священного «мирового дерева» можно встретить и в декоративно-прикладном искусстве алтайцев, и в профессиональном творчестве сибирских художников часто. Дерево мыслится как ось мира, его сакральный центр, священная коновязь. Оно объединяет верх и низ, небо и землю, небесную сферу с земным и подземным миром. В разных культурных традициях Мировое дерево называется «древом жизни», «мировой осью», «древом познания добра и зла». Помимо вертикального деления, можно обнаружить две горизонтальные линии (оси) относительно мирового дерева – слева направо и спереди назад.

А. Эдоков характеризует роль мирового дерева как доминанту, определяющую формальную и содержательную организацию пространства вселенной. Оно позволяет дифференцировать и противопоставлять верх-низ (небо-землю) – пространственную сферу, голову – туловище – ноги (анатомическую сферу). На основе таких противопоставлений складывается и дальнейшее формирование пространственных и временных (прошлое – настоящее – будущее или предки – современники - потомки) оппозиций. Сюда может быть отнесена и сфера мифологических персонажей: боги и духи – герои – люди. Последняя группа может быть дифференцирована по степени «приближенности» к сфере сакрального, по степени включенности в обряд.

Мотив горы как центра мироздания – еще одна лейттема сибирской культуры. И речь в данном случае не идет «об обожествлении камня или дерева *самих по себе*», а поклонение им как сакральному центру мироздания. Такая трактовка уходит корнями глубоко в традиционное мышление, мифопоэтическое восприятие природы, хранящее в легендах и преданиях трепетное отношение к «священным объектам» природы. Эти объекты (священное дерево, гора) воспринимались как сакральный центр.

В рамках мифологического сознания формируются противоположные понятия: «свое» и «чужое» неизвестное, требующее «упорядочивания». Ритуальное «упорядочивание» мира Э. Кассирер и М. Элиаде приравнивают его космоизации.

Пространственное деление может опираться на горизонтальную или вертикальную модель. Обе они упоминаются в работе Е. Новик [3, 157]. Стержнем горизонтальной модели может рассматриваться, например, река, верховье и устье которой ассоциируются с верхним и нижним миром. В качестве организующей вертикали может рассматриваться шаманский посох, коновязь, дерево или гора. Вторая модель интерпретируется в художественной культуре чаще.

В изобразительном искусстве Алтая (как народном, так и профессиональном) принцип организации образов в тексте художественного произведения часто основан на традиции и может быть понят с позиции мифологического мышления.

Начало этому процессу было дано первым профессиональным художником Алтая Г. И. Чорос-Гуркиным. Основных героев произведения «Хан Алтай», кедр и орла Е. Маточкин сопоставил с персонажами шаманского действия. Хан Алтай оценен им как верховный дух Алтая, представленный в виде могучих гор, своим рисунком напоминающих треугольники. Кедр он связал с шаманским деревом, орла – с помощником шамана в его путешествиях по мирам Вселенной. Основная идея шаманизма – идея многослойности мира, единства всех стихий присутствует не только в картинах Г. Гуркина, но в большинстве пейзажей, созданных на Алтае.

Композиция многих произведений этого жанра организована таким образом, чтобы все стихии, почитаемые людьми, были на них показаны. Так возникает триада небо – земля (камни, горы) – вода (реки, озера). Эти три составляющие варьируются по колориту и расположению, но присутствуют практически во всех работах. Небо, горы и озеро часто располагают ступенчато. Такой подход проявляется в работах «Художник Мерген» и «Озеро Шавло» И. Ортоңулова, «Слияние Катунь с Семей» и «Заветное» В. Ельникова, «Катунь», «Водопад» и «Закат на Катунь» В. Чукуева. На переднем плане – вода, дающая начало жизни, следующая ступень – это горы – промежуточная ступень между небом и землей и третий план – небо, почитавшееся тюрками издавна как божество Тенгри.

Композиционное оформление алтайского пейзажа, в центре которого находится смысловая ось (гора, дерево, камень) – явление частое. К таким работам относятся «Вечные стражи» и «Белая вода», «Островок» и «Ледоход на Катунь» В. Ельникова, «Морозное утро на Катунь» Г. И. Чорос-Гуркина. При таком расположении композиция выстраивается с определенной долей симметрии относительно вертикального центра.

Реже обнаруживается ось-горизонталь. В мифах и в картинах Н. Чепокова (например, «Заоблачная снежного барса») она представлена шаманской рекой, отделяющей мир людей, птиц и духов-покровителей от хищников, которые олицетворяют «нижний мир». Контур реки напоминает силуэт мифической рыбы «кер-балык», находившейся у основания земли и отвечавшей за деторождение. Иногда река в картинах Н. Чепокова – это граница, за пределами которой отражается зеркально мир человека и природы. Это согласуется с мифическими представлениями о мире, находящемся в недрах земли.

В сюжетных композициях этого художника встречаются и смысловые противоположности: гора – ступень, соединяющая небо и землю, пещера – ступень к подземным глубинам. Пещера при этом часто трактуется как чрево матери-природы, одушевленной и прекрасной.

Символически трактованные образы животного мира присутствуют во многих работах художников Алтая. Чаще остальных встречаются олень и козерог как солярные символы. Конь стал животным, осуществляющим связь потомков и предков, а также главной ритуальной жертвой в шаманизме. С "верхним миром" связаны изображения птиц, "нижний мир" представлен фигурами хищников (волков, барсов, фантастических грифонов). В картине М.П. Чевалкова «Рыжий бык (конь Очи-Бала) бьётся с синим» смысл картины скрывается не только за символизмом образов (бык – стихия земли, беркут – небо), но и за

символизмом цвета. Рыжий – цвет солнца, синий и черный воспринимались как цвета подземного мира и связанных с ним персонажей.

В целом искусство профессиональных мастеров Горного Алтая характеризует многообразие подходов к творческому переосмыслению мифологических образов. Высшим ее проявлением может считаться определённая преемственность мифологического мышления, при которой происходит возвращение к этнокультурным особенностям образного мировосприятия, переосмысление народной культуры в русле наследования мифологического символизма и антропоморфизма.

Среди показателей такого вида преемственности могут быть выделены: восприятие и изображение мира как единства природных стихий, как гармоничное содружество мира трансцендентного, людского и природного. Почитание природы выражается в создании персонифицированных образов рек и гор, а дуалистические взгляды, уходящие корнями в мифологию, позволяют показать мир в единстве его противоположностей.

Художники Алтая, в рамках европейских жанров интерпретируя мифологические образы алтайской культуры, нашли собственный стиль, в котором сумели средствами изобразительного искусства раскрыть феномен мифа как самостоятельного мира, его внутренние законы, символику. Созданные образы перестают быть религиозными, но и не являются чисто эстетическими. Они становятся своеобразным проводником в мифологическую картину мира Алтая, напоминая нам о стремлении древних к единству, к гармонии человека и космоса.

Список литературы

1.Дьяконова, В.П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая): монография [Текст] / В.П. Дьяконова; Горно-Алтайск: *Горно-Алтайское республиканское книжное издательство "Юч-Сюмер"*, 2001. – 221 с.

2.Новик, Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме [Текст] / Е. С. Новик – М.: Восточная литература, 2004. — 304 с. — (Опыт сопоставления структур).

Информация об авторах

Виницкая Наталья Владимировна – канд. искусствоведения, доцент, кафедра историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, АГПУ имени В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия, e-mail: natigor007@yandex.ru

Information about the author

Vinitskaya Natalia Vladimirovna - Cand. art history, associate professor, the Department of Historical, Legal and Socio-Humanitarian Disciplines, the AGPU named after V.M. Shukshin, Biysk, Russia, e-mail: natigor007@yandex.ru

Н.В. Веницкая, Н.Д. Корсакова

СКУЛЬПТУРНЫЙ ОБЛИК ГОРОДА БИЙСКА

В данной статье рассматривается вид художественного искусства – монументальная скульптура (на примере города Бийска). Для анализа предложены следующие скульптуры: памятники, посвященные В.И. Ленину, мемориальные комплексы войнам-бийчанам; религиозные памятники.

Ключевые слова: скульптура, мемориальный комплекс, памятник, духовный культурный центр.

N. V. Vinitskaya, N.D. Korsakova

SCULPTURE IMAGE OF THE BIYSK

This article describes such a variant of art as monumental sculpture (exemplified by Biysk). The following sculptures were taken for the analysis: monuments dedicated to Lenin, memorial complexes to Biysk soldiers, religious monuments.

Key words: sculpture, memorial complexes, monuments, spiritual and culture center.

Памятники – неотъемлемая часть любого города. Городская скульптура является своеобразным отражением вкусов общества, а также зеркалом, которое отображает процессы – экономические, идеологические, социальные и бытовые, происходящие в стране в разные периоды становления города [1]. Бийск - не исключение.

В начале XX века зарождается идея монументальной пропаганды. Целью было направленное воздействие на людей и передача им определенного сообщения при помощи специальных сооруженных монументов. 12 апреля 1918 г. вышел декрет Совета Народных Комиссаров «О памятниках республики». Позже он стал известен как «план монументальной пропаганды». Ее главными героями становились образы революционеров и вождей, которые должны были вдохновлять своих соотечественников [3].

После смерти В.И. Ленина 26 января 1924 г. вышло постановление II съезда советов СССР «О сооружении памятников В.И. Ленину», с которой началась массовая ленинизация страны. Так, к началу перестройки в городе Бийске насчитывалось около двадцати памятников Ленину. Скульптуру вождя устанавливали на территории котельного завода, маслосыркомбината, спиртзавода, химкомбината. Все эти скульптуры были выполнены из гипса. У каждого клуба и кинотеатра Бийска так же были установлены памятники Ленину.

Сейчас в г. Бийске осталось всего три памятника В.И. Ленина: на площади 9 января около Городского Дворца культуры, в сквере имени Петра Мерлина и напротив Городского суда. Памятник Ленину около суда является гордостью города. Автором скульптуры стал Христофор Геваркян. Церемония открытия состоялась 4 ноября 1983 г. Скульптура была отлита из бронзы. Фигура вождя в пыжиковой шапке есть только в Бийске и городе Минусинске Красноярского края. По мнению бийских краеведов, образ Ленина в шапке отражает атмосферу сибирского региона.

Особняком в городской скульптуре советского периода являются памятники и мемориальные комплексы, увековечившие подвиг советских солдат в годы Великой отечественной войны. Такие памятники стали важными и нужными атрибутами городской среды советского города.

В 1968 г. в Бийске был открыт Мемориальный комплекс воинам –бийчанам, погибшим в годы Великой отечественной войны. Авторами мемориала являются художник Н.Н. Мотовилов и скульптор Ю.И. Гребенников. Мемориал изготовлен из бетона, мрамора и

меди. Мемориальный комплекс находится в центре города на улице Советской. На прямоугольном ступенчатом подиуме расположена стела с изображением трех приспущенных знамен. В правой части стелы барельеф – солдат с автоматом. У подножья стелы расположен вечный огонь. Слева от стелы возвышаются стены с мемориальными досками, на которых перечислены имена 11576 погибших бийчан. Справа от подиума располагаются шесть памятных стел с изображением героев Советского Союза. Всего в Бийске насчитывается примерно 15 памятников, посвященных войнам, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Главной достопримечательностью современного Бийска по праву можно считать памятник «Сибирскому медному всаднику», расположенному в исторической части города в парке имени Гаркавого. Памятник основателю города, российскому императору Петру I был установлен 18 сентября 2010 г. Автором скульптуры стал заслуженный художник России Сергей Михайлович Исаков. Памятник Петру I расположен на постаменте из красно-коричневого гранита высотой три метра. Сама скульптура выполнена из бронзы высотой 3,8 метра. Композиция представляет собой всадника на коне. Император изображен в одежде российской армии XVIII века: высокие сапоги, военно-полевой мундир, широкий свободный плащ и шляпа треуголка.

Сейчас в городе четко прослеживаются две тематические линии скульптурных композиций – историческая и религиозная. Вторая связана во многом с тем, что Бийск до революции был центром Православной духовной миссии.

Алтайская духовная миссия основана в 1830 г. выдающимся миссионером Макарием (Глухаревым), благодаря которому получила наибольшую известность среди духовной миссии Российской православной церкви. Менее чем за столетие трудами миссионеров из язычества в православие было обращено более половины коренного населения Горного Алтая [2].

На территории Архиерейского подворья расположен памятник Святителю Макарию. Памятник Апостолу Алтая Святителю Макарию Невскому был открыт 1 октября 2009 г. Бронзовая скульптура высотой в два с половиной метра изображает стоящего святого, который одной рукой благословляет паству, а в другой руке держит макет православного храма. Автором скульптуры стал Сергей Исаков. По словам автора, храм в руках Макария символизирует список добрых дел Святого.

Другой не менее значимой работой Сергея Исакова можно считать памятник Святым Петру и Февронии Муромским в Городском саду по улице Толстого. Петр и Феврония Муромские – покровители семейного очага, символы любви и верности. Открытие памятника состоялось 2 ноября 2011 г. По размерам скульптура приближена к человеческому росту. В руках Петр и Феврония держат голубя, как символ любви и верности, а над фигурами семейной четы парит ангел с крестом.

Второй памятник Петру и Февронии находится в духовном культурном центре, расположенном на территории заводууправления ОАО БПО «Сибприбормаш». В народе духовный культурный центр получил название «Александровский парк». Скульптурные композиции, установленные в парке, демонстрируют историю Российского государства и Русской Православной Церкви.

Скульптурная композиция «Фигура Спасителя» является единственной в России. Иисус Христос расположен на большом перламутровом шаре, олицетворяющем землю. В композицию автор заложил библейский мотив Вознесения Господне. Иисус, воздев руки к небу, уходит с земли, возносится к небесам. Площадь, на которой установлена скульптура, названа Спасо - Вознесенской.

Скульптура «Покрова Пресвятой Богородицы», по словам автора, является уникальной и неповторимой. Такой скульптуры нет ни в одном городе нашей страны. Площадь, на которой установлена скульптура, называется Покровская.

Автором этих работ является Сергей Исаков. На территории парка расположены и другие скульптурные композиции Сергея Михайловича, такие, как Святая Троица, Святые

апостолы Петр и Павел, Архангел Михаил, Архангел Гавриил, памятник Николаю Чудотворцу, скульптура Петра Великого, памятник детям войны, пушкинская скамейка.

Беломраморные скульптуры бийского художника Николая Порубова украшают территорию парка. Скульптурные композиции «Девушка – Весна», «Роза в ладони», «Мадонна с младенцем» «Девушка с кувшином» олицетворяют нежность, чистоту и женственность.

За последние десятилетия скульптурный облик города приобрел уникальный и неповторимый вид. Появляются новые и интересные скульптурные композиции.

Самым молодым арт-объектом города Бийска по праву можно считать стелу «Бийск – ворота Алтая», расположенную на пересечении Петровского бульвара и переулка Коммунарского. Открытие арт-объекта состоялось 4 ноября 2017 г. Стела выполнена из металла и окрашена в цвет хаки. Золотые вкрапления делают объект более рельефным. На одной из гор расположена надпись «Бийск – ворота Алтая». Так же на «горах» выгравированы слова об Алтае писателя Вячеслава Шишкова.

XX век был отмечен ленинианой, в то время как начало XXI века – большим вниманием к возрождению православной церкви, в том числе, к новомученикам расстрелянной царской семьи. Так, 20 апреля 2018 г. был установлен Скульптурный ансамбль «Царская семья». Скульптурная группа была посвящена столетию расстрела последней императорской семьи. В композиции изображены Николай II с супругой Александрой Федоровной, дочери Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, царевич Алексей, Александр II и великий князь Сергей Александрович с супругой Елизаветой Федоровной. Над композицией расположен большой царский герб семьи Романовых, который удерживают два ангела. Скульптурная композиция расположена в Александровском парке. Автор композиции – Сергей Михайлович Исаков.

Скульптурный облик города Бийска исключителен, и великолепен. Многие скульптуры представлены в единичном варианте, и их нет ни в одном городе нашей страны. Городские скульптуры помогают нам сохранить в памяти историю нашего города и нашей страны.

Список литературы

1. Косенко З.В. Скульптура в городской среде как отражение жизни обывателя [Текст] // Памятниковедческие взгляды молодых ученых XXI века: сборник научных статей. Выпуск IV. – Харьков, 2014. – 234 с.
2. Рощупкин А.А. Из истории Бийских храмов и становления православия в г. Бийске [Текст] // Научное сообщество студентов XXI столетия. Выпуск №11 (25). – Новосибирск, 2014. – 36 с.
3. Шалаева Н.В. Становление плана монументальной пропаганды в Советский период [Текст] // Вестник Челябинского государственного университета, 2014 №8. – 59 с.

Информация об авторах

Виницкая Наталья Владимировна – кандидат искусствоведческих наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия, e-mail: lithist@bigpi.biysk.ru

Корсакова Надежда Дмитриевна – магистрант факультета истории и права, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия, e-mail: lady.korsakova@mail.ru

Information about the author

Vinitskaya Natalia Vladimirovna - candidate of arts, assistant professor the Chair of History and Law and Social and Arts subjects, Shucshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia, e-mail: lithist@bigpi.biysk.ru

Korsakova Nadezhda Dmitrievna – master of Faculty of History and Law, Shucshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia, e-mail: lady.korsakova@mail.ru

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ КАК ФОРМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЕВРАЗИИ

Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции
(Бийск, 21-23 июня 2018 года)

Электронное издание

ISBN 978-5-85127-929-4

Дата подписания к использованию 15.10.2018

Объём издания 710 Кб

1 электрон. опт. диск (CD-R)

Издатель: Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. В.М. Шукшина

659333, Алтайский край, г. Бийск, ул. Владимира Короленко, д. 53

Тел.: +7(3854)41-64-38

E-mail: rektor@bigpi.biysk.ru